

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 06703149 6

ЧГЛКОВ

РУСКІЯ СКАЗКИ,

8651

СОДЕРЖАЩІЯ

древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народные, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Изданіемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

PRINTED IN RUSSIA.

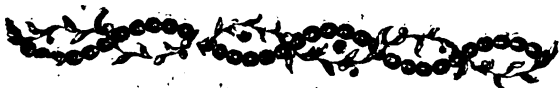
THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY **ОДОБРЕНІЕ.**
764498 A

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ : Рускія Сказки, Часть VII. и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красноорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Любимира и Гремислапы.

Пріятный весенній воздухъ оживо-
творилъ уже растѣнія, изнурен-
ныя жестокостію зимы въ сѣверной
части Европы. Природа, одѣтая
прелестною зеленью и пестрою
прекрасныхъ цвѣтовъ, казала міръ
въ его первобытномъ состояніи, и
самой лучшей день привлекалъ лю-
дей въ города искать того прохла-
жденія, которое въ сіе время при-
носятъ мѣста не художествомъ
рукъ ихъ, но самой натурой укра-
шенныя.

Маркизъ Клорандъ, одинъ изъ
тѣхъ, коимъ шумъ и суетная град-
ская жизнь никогда скучишь не мо-
жетъ.

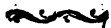
Часть VII. А 2 гущь,

густѣ, пожелалѣ бышѣ въ числѣ зри-
 телей, восхищающихся приманчивою
 простотою ешесшва. Лучи уклоня-
 ющагося, къ западу солнца сколь-
 зили на остаткахѣ водѣ распаяв-
 шаго снѣга; зефирѣ, вырвавшись изѣ
 объятія нѣжныхъ Флоры, пролеталѣ
 играя листочками деревѣ и травокѣ;
 возбужденный послѣ полуденнаго
 покоя соловей воспѣвалѣ уже лю-
 бовѣ свою, и громкій его го-
 лосѣ, продираясь сквозѣ сучки дре-
 весѣ, по лѣсамѣ разливался, когда
 Клорандѣ безѣ товарищей прохажив-
 вался въ рошѣ. Уединеніе, время
 и мѣсто привели его въ ту пріят-
 ную задумчивостѣ, въ которой мы-
 сли, успокоивая сердце, летаютѣ по
 разнымѣ предметамѣ, и не прицѣ-
 пляясь ни къ чему, остаются въ
 нерѣшимости. Сія сладкая нечув-
 ствительностѣ провождала его въ гу-
 стину лѣса, и весьма слабо означа-
 ла глазамѣ его предстоящіе виды.
 Нагнувшійся пенѣ, поддерживающій
 опершагося въ глубокой печали чело-
 вѣка,

вѣка, былъ на самой дорогѣ; но взоръ Клорандовъ едва могъ, на немъ остановясь, разогнать воображенія и возбудить къ ощущенію. Онъ видитъ предъ собою лице блѣдное, изображающее состояніе души стѣсненной; грызущая сердце горечь, пробиваясь тяжкими вздохами наружу, и соединяя съ собою смущенные взоры, рассыпала на чертахъ лица онаго опчаяніе. Но въ чертахъ сихъ пошмненныхъ память Клорандова находить нѣчто знакомое; онъ останавливается и принуждаетъ глаза свои открыть истинну; пробѣгаетъ въ мысляхъ время прошедшее, и познаетъ въ несчастномъ своего друга Любимира, коего случай разлучалъ съ нимъ чрезъ долгое время. Радость и пріятное удивленіе объемлютъ его сердце, дружество получаетъ свою силу, и съ разверстыми объятіями онъ произноситъ: Ахъ Любимиръ! . . . дражайшій мой другъ! ты ли это? . . . Не ошибаюся ли глаза мои? . . . Возможно! нѣтъ, . . .

вно пы; сердце мое меня въ помѣ
увѣряетъ. Несчастной возбуждаеш-
ся, и съ робостію обраща смущен-
ные взоры, между удивленія и не-
рѣшимости останавливаешъ оныя на
лицѣ Клорандовомъ. Взволненная сей
нечаянносію кровь по малу въ немъ
успокаивается, сердце, принявъ по-
рядочное чувство, разгоняетъ сму-
щеніе, а память являетъ безъ ошиб-
ки объемлющаго его Клоранда. —
Любезной другъ, взываетъ онъ об-
нявъ его взаимно! . . . Клорандъ!
. . . . дражайшій мой Клорандъ! . . .
Посемъ радость Любимира отяг-
чаетъ, и онъ не можетъ ничего
болѣе изъяснить, какъ прижавъ его
еще крѣпче къ своей груди.

Первыя стремленія проходящъ
и оставя въ сердцахъ мѣсто удо-
вольствію, дающъ чувствамъ сво-
боду. Любимиръ пресѣкаетъ мол-
чаніе. Какое неожиданное щастіе,
говоритъ онъ, позволяешъ мнѣ въ
жизни моей еще разъ обнять дра-
жайшаго Клоранда? Любезный другъ!
при-

присущствіе свое возвращаетъ мнѣ
 часть поперянной моей жизни. Тотъ,
 кошорый дѣлилъ со мною щастіе и
 напаси, не ужъ ли отречешся воз-
 ложивъ на свою душу часть брем-
 ни, меня удручающаго. — Нѣтъ, . . .
 прерываетъ Клерандъ! не сомнѣвай-
 ся, любезной Любимиръ; я пошъ же
 Клерандъ, разлука меня не перемѣ-
 нила, и время не могло загладить
 швоего имени, начертаннаго въ дру-
 жескомъ сердцѣ. Изъясній скорбе
 швой случай . . . медленность меня
 шерзаетъ; скажи. . . что спалося
 съ шобою? Злоба ли врага сильнѣй-
 шаго шебя ушѣсняетъ; вошъ моя
 рука къ швоему защищенію. Имѣ-
 ніяль случай лишилъ, иждивеніе мое
 къ швоимъ услугамъ, располагай
 онимъ. . . . Говори! . . . Я швой
 другъ! все, что я имѣю, еспъ швое,
 не изключаая жизни. . . . Но шы сму-
 щается! какой несчастной случай!
 скажи. — Увы! другъ дражай-
 шій, — Изъясній. — Сшы-
 жуть, робѣю. — Кого? дру-

га! — Нѣтъ, моей слабости. Ахъ, Клорандъ! я погибаю, но отъ чего, повѣришь ли? Спрасить жестокая, которой разумъ прошивусташь не можетъ, ведетъ меня до крайности; словомъ, любовь несчастная, пресильная и на вѣкъ мною овладѣвшая. — Любовь! возможно ли? Любовь шобой владѣетъ? любовью ты размученъ? не лзя спасться! Не думаешь ли ты, что въ время сдѣлало мнѣ свойства твои незнакомыми? — Такъ; я уже не шощу Любимиръ, котораго сердце было равнодушно, и самъ въ себѣ не узнаю, кромѣ что я вѣчно несчастливъ. Любовь уже не есть мое препровожденіе времени, но цѣпь, связующая вѣкъ мой съ бѣдностью горести и мученія. Вымыслы не стремятся уже къ уловленію невинности; они пришуплены, и прищворство мнѣ незнакомо: предметъ, достойный всевѣчнаго почтенія, лице, являющее черты безсмертныхъ, и душа, содержащая въ себѣ собраніе

~ ~ ~

ніе добродѣтелей, надѣ всемѣ шер-
жествуюшѣ. Увы!... первой взорѣ
ея меня преобразилѣ, и истребя по-
стыдное лицемѣрство и вѣтренность,
сдѣлалѣ способнымѣ познашѣ цѣну
истинной любви, основывающейсѣ на
чувствованіяхѣ чистыхѣ. Глаза мои
увѣрили мой разумѣ, что прелестнѣ
сіи меня побѣдили; а сердце пош-
часѣ согласилось обожать и любить
ее вѣчно. Отѣ сего-то я злополуч-
нѣйшій изѣ смертныхѣ. — Удив-
ляюсь, сказалѣ Клорандѣ, и никог-
да не могу повѣривѣ, чтобѣ любовь
до того могла овладѣшь человекомѣ,
чтобѣ свойство его перемѣнилось,
и онѣ вѣ ней находилѣ мученіе. Я
разсуждаю по себѣ: когда встрѣ-
чается глазамѣ моимѣ красота,
достойная вниманія, я пошчасѣ
влюбляюсь, но думаю, что спраствѣ
сіи живешѣ у меня не во внутренно-
сти сердца; пошому, ешѣли я ви-
жу преляшствіе загнать ее вѣ мои
сѣши, жарѣ мой шанешѣ по малу
остывашѣ, а чрезѣ малое время и

вѣ памяти загладились. Правда, что свѣчка иногда умножаетъ желаніе, но есть, когда я красавицу свободно и почасну вижу, шупь привыкаю и желашь овладѣнія прелестями, шоль завидными; но есть ли случился препяшствіе, тогда разумъ велишъ мнѣ оставиць гнашья за невозможнымъ, и искашь вѣ другомъ мѣспѣ. — А о добродѣтели ты ничого не упоминаешь, сказалъ Любимиръ, равно какъ бы всему нѣжному полу опившснво-вашь нашимъ исканіямъ препяшствовали невозможности, или недостатки случаевъ? — То — то и стало, когда она добродѣтельна, такъ и есть невозможность, а невозможнаго желашь запрѣщаетъ здравый разумъ. — Такъ, любезной Кларандѣ, слѣдовалъ и я сему расположенію, такъ думалъ и я прежде; но ты еще не былъ прямо влюбленъ. Позналъ я, что чувствованія сердца имѣють другіе законы, а шѣмъ не повинуюшся,

ея, кои предписываетъ разумъ. Тщешно повяпіе мое спаралось представлять разсудку, что во-
 схищившая мою свободу бытъ моею не можешъ; препяшствіе сіе умножило лишь спрасъ. Вещи обы-
 чайно являющія намъ въ большей дѣлѣ, когда получишь оныя нѣшъ способа. Сколько разъ желалъ раз-
 судокъ одержать верхъ надъ чув-
 ствованіемъ! сердце мое никакъ не соглашалось, и наконецъ взяло на него шакое подозрѣніе, что и самыя искреннія размышленія ка-
 залась ему сѣшми, влекущими его въ погибѣль. И шакъ разумъ мой сдѣлался сердцу непріателемъ, со-
 вѣшны его въ душѣ не имѣли мѣ-
 ша, и одна пустая надежда сдѣ-
 лалась мешою всѣхъ моихъ оп-
 радъ; сіе ласкашельное божество злощасныхъ сохраняетъ еще ошашки дней моихъ, и я, спра-
 шась не полагаюсь на обѣщанія спрасши моей пришворешвующія, на-
 дожу нѣкое сладкое довольштво ожи-
 дашь

дашь исполненія невозможному — Ты меня въ замѣшательство
 приводишь, Любимиръ; всякой подумаетъ, что ты помѣшался въ разумъ. — Естли любишь безпритворно называется сумозбродствомъ, по я ряхнулся; но какъ смыслъ и память моя согласились писать въ сердцѣ спрасть пресильную, воображая и по, что оная ни съ какимъ беззаконіемъ не соединена, и никому кромѣ меня вредна бысть не можетъ, по и разумѣю я, что чувства мои еще не прищуплены. Естлижъ оныя и вооружаются, по ни на кого больше, какъ на собственную грудь мою, отверзая въ ней раны, духъ мой, ушомляющія, чему слабость ли виною, или моя бѣдственная участь, только думаю я, что разумъ мой меня не оставилъ, когда ощущаю, что оный кажетъ мнѣ мое несчастіе во всей его великости. —
 Поняшь не могу: ты любишь, и отъ того испекаетъ все швое спраданіе!
 изъ.

изъясни мнѣ, отъ чего сіе бытъ можешъ; знаетъ ли о томъ твоя поль невѣрояшныхъ свойствъ любовница? По прошествіи двухъ лѣтъ съ того времени, какъ я ея плѣялся, тайнство души моей неприкрытымъ образомъ предъ ней открылось. — Кѣмъ? — Самимъ мною. Когда я сильнѣе покрывашь старался, глаза мои, и словомъ, всѣ чувства мнѣ измѣнились; я, желая казаться равнодушнымъ, и ограничивая разговоры, изъяснилъ больше, нежели потребно было для увѣренія о пресильной моей къ ней любви. — Какъ принято было сіе изъясненіе? — Увы! она воспламенилась взаимно, и можешъ бытъ къ дополненію моего бѣдствія, я и ее сдѣлалъ навѣкъ несчастливу. — Она любишь тебя взаимно? она тебѣ соотвѣтствуетъ, и ты еще находишь шумъ мученіе? Какой вздоръ! видалъ я людей, страдающихъ отъ несклонности красавицъ; и сего рода

да люди, кажешся мнѣ, преданы великому самолюбію. Я надѣюсь, оныя имѣютъ предразсудокъ, что всякая красота должна удовлетворять ихъ протспраннымъ о себѣ мыслямъ; а посему въ неудачѣ терзаетъ ихъ не любовь, но честолюбіе и гордость. Тыжъ любимъ взаимно; чего тебѣ не достаесть? Кто въ любви пріобрѣлъ соотвѣтствіе, тому оспашеся только желаніе, и все будешъ исполнено. — Спранныя швои, любезный Клорандъ, опредѣленія! ты никогда не любилвалъ чистосердечно. О какихъ ты мнѣ упоминаешъ желаніяхъ? Предметъ, мною почиаемый, занимаешъ всѣ мои чувства. Быть всегда съ нею вмѣстѣ есть единственное мое утѣшеніе; взирать на ея красоту есть мое пишаніе; но что скажу о сладкихъ разговорахъ, исшекающихъ изъ устъ прелестнѣйшихъ, напаяющихъ мою душу чувствованіями чистыми и примѣрами добродѣтели? . . . Ахъ! когда я

ше-

потеряю ее изъ глазъ моихъ, я все
 потеряю и ни въ чемъ ужъ для меня
 опрады нѣтъ. Сердце мое спра-
 даетъ, мысли стремятся перзванъ
 меня ужасными воображеніями, и раз-
 ставаясь на часъ, мнѣ кажешся, я
 на вѣкъ ее потеряю. А какъ случай не
 пооль ко мнѣ благосклоненъ, чшобъ
 я съ нею былъ неразлученъ, шо
 можно ли мнѣ не огорчашься? Вотъ,
 любезный Клорандъ, причина по-
 ски моей! — Когда ты шакъ не-
 перпѣливъ, когда ты безъ ней бышь
 не можешь, женись на ней, прицѣ-
 нись къ ней на вѣки. . . . Смѣ-
 шонъ ты мнѣ, мой другъ; я расхо-
 хошался бы, ешьлибъ горестъ швоя
 меня не шрогала. . . . Но уже со-
 вѣтъ рѣшителвный поданъ, женись,
 ешьли находишь въ шомъ удоволь-
 ствіе. О чемъ еще осталось ду-
 машь? — Ахъ! сіе вѣвело бы
 меня на высочайшую степень ща-
 стія; но наши обшоятельства. . . .
 Она имѣетъ родителей, а ты,
 дражайшій Клорандъ, знаешь, что ра-

равенство состояній не всегда желанію сердець бываетъ соразмѣрно, и нравы родителей иногда склонностямъ дѣшей не слѣдуютъ. . . . Бѣдствіе мое ужасно; я чувствую, что наконецъ принуждена она будетъ другому клясться шюю любовію, которая одному мнѣ надлежитъ. Думаешь ли ты, что я послѣ шого живѣ останусь? Нѣтъ, Клорандъ! нѣтъ, мой другъ любезный! природа моя не такова тверда, чтобъ не пала подъ симъ тяжкимъ бременемъ; когда одно воображеніе о шомъ охлаждаетъ кровь въ моихъ жилахъ, то какъ воззрю я на нее въ объятіяхъ другаго? Она будетъ не моя. . . . и можешь быть должна дѣлать въкъ съ человѣкомъ, для ней ненавистнымъ, который дни ея преобразитъ въ дни бѣдствія; не умножитъ ли сіе мое спрданіе? . . . Нѣтъ, любезный другъ! слабъ я спать противу моихъ нагаспей. Признаюсь, что жизнь моя мнѣ не-

ненавистна, хочу смерти, и сочту
оную за даръ небесъ щедрый. И
если я самъ на себя не вооружаю
рукъ моихъ, то для того, что бо-
юсь огорчить ту, кошорая мнѣ ду-
ши моей милѣе, и изъ любви къ
ней я всѣ мученія сношу. Увы!
страдать, ее любя, есть для меня
нѣкое страшное удовольствіе, но
оное меня прешагчаетъ! . . . Ничто
на свѣтѣ моей злой участи посо-
бить не можетъ. — О Любимиръ!
обшояшельства твоя спѣсняютъ мою
душу, и тѣмъ огорчительнѣе, что
я не нахожу средствъ испоргнуть
тебя изъ челюстей пропасти, въ
кую упасъ ты себя приуговилъ. . . .
Но поищемъ средствъ! . . . удались
отъ ней, можетъ быть разлука
уменьшитъ твое мученіе, время все
загладитъ, и между тѣмъ другая
красота привлечетъ твое вниманіе.
Теперь мы въ такомъ городѣ, ко-
шорый прелестными изобилуетъ. —
Удались! о воспоминаніе, грудь мою
раздирающее! ты слышалъ ошъ ме-
Часть VII. Б на,

ня, какихъ мнѣ мукъ споила и
 самамалѣйшая разлука! . . . . Но
 сносить мое страданіе я привыкаю;
 цѣлый уже годъ не видалъ я моей
 любезной; однако память моя ни-
 когда не осмѣлилась истребить изъ
 сердца образъ шоль прелестный, и
 сердце любить никакъ не можетъ
 отвыкнуть; въ немъ воздвигнутъ
 храмъ, вѣчно красотѣ ея посвящен-
 ный. Я изнемогаю отъ моей скор-
 би; а любовь, сія чистѣйшая, жесто-
 кая и безнадежная любовь, поминушно
 возрастающая, всю кровь мою сожигаетъ.
 Ты представляешь мнѣ сей городъ
 красотою изобилующій; давно я въ
 немъ, и напрасно старался льстить
 себѣ, чтобъ чтонибудь подало мнѣ
 въ немъ отраду; позорищи, со-
 бранія умножаютъ лишь тоску мою.
 Я вижу людей благополучныхъ, и
 щастіе оныхъ изображаетъ, koliko
 я несчастенъ; нахожусь среди толпы
 красавицъ, но взоры мои на ихъ
 прелестяхъ не останавливаются, серд-
 це мое прогоняетъ оныя искать шу,
 ко-

которыя имя незаглядными буквами въ немъ начертанно. Исканіе сіе тщетно; ее шутъ нѣтъ, сердце начинаетъ препешать и разликаетъ скорбь во еѣ мои чувства, а глаза, изпощая горчайшія слезы, возвѣщаютъ, что они ни чьихъ совершенствъ разбратъ не могутъ, кромѣ моей любезной. Робость вступатъ попомъ въ мои мысли, и мучитъ ихъ ужасными воображеніями: то увѣщаетъ ихъ вѣрить, что я дражайшей не увижу вѣчно, то кажетъ мнѣ ее во объятіяхъ другаго. Иногда мечтается и самое ея прелестное лице, омоченное слезами, разливающаяся по оному, печаль опровергаетъ прекрасныя уста ея; откуда вылетаетъ съ тяжкимъ вздохомъ мое имя; но едва сіе мѣшающее болѣзнь съ отпадою явленіе начнетъ воскрешать мою надежду, мысли мои сами стараются лишитъ меня покоя инымъ жесточайшимъ воображеніемъ: я думаю, что ея забуду, что она, ставъ щастлива съ

другимъ, меня не помнишь, ...
 и словомъ, нѣшь ничего шерзатель-
 наго, чегобъ я самъ для себя не
 изобрѣлъ. Вотъ, любезный другъ,
 состояніе человека, безпришворно влю-
 бленного! . . . Опъ всего сего духъ
 во мнѣ помился, память меня оста-
 вляетъ, и я, лишенный чувствъ, опъ
 людей удаляюсь; гдѣ окамененное
 сердце, по малу согрѣвая кровь, опять
 возвращаетъ мои мученія; ночь въ
 нихъ проходитъ, и сонъ не сводитъ
 глазъ моихъ. Наспающій день про-
 гоняетъ меня въ сіе уединенное мѣ-
 сто, гдѣ никшо не мѣшаетъ пи-
 таться мнѣ моею печалію. Вотъ
 мое упражненіе! но сколько злоклю-
 ченія мои ни велики, не препяшшву-
 ютъ однако восхищаться шеперь, ви-
 дя моего любезнаго Клоранда. Хо-
 шя ты часши моей премѣнишь не
 можешь, по крайней мѣрѣ имѣю я
 опраду изъяснять всечасно чувствво-
 ванія души и сердца моему другу.
 Извѣстнιο ли тебѣ, какая можеть
 мнѣ быть изъ шого польза? Неща-
 сный,

спный, рассказывая случай свой, и возлагая оный на скромность дружества, находить въ мукахъ своихъ ослабленіе, равно какъ бы дружнее сожалѣніе уменьшало скорбь шу. Позволь, Клорандъ дражайшій, пишашь мнѣ пѣмъ упраченную мою надежду.

Любезной Любимирѣ, отвѣпстввалъ Клорандъ! еспли бышь съ шобою всегда вмѣстѣ, удаляться ошъ собраній, и пренебечь другія мои упѣхи, можешъ служишь шебѣ опрадою, шо сіе самая малость, чѣмъ могу я удовлетворить нашему дружеству. Но престанешъ ли когда спрадашь швое сердце? Я пожертвовалъ бы всемъ его спокойству! соспояніе швое меня ужасаетъ, и рана души швоей кажется неисцѣльна. . . . Три года шы любишь? . . . и спрасшь сія не погасаетъ? — „ Такъ, Клорандъ, вѣрь моему чпспо-сердечію; она умножается постепенно, и вгонитъ меня въ гробъ. — Ты гошовишься умерешъ, и думаешь,

маешь, что я снесу сіе равнодушно. Нѣтъ, любезный другъ, ты долженъ помнить и о томъ, чѣмъ ты долженъ дружеству; я въ сердцѣ швоемъ часть имѣю. Право сіе дозволяетъ мнѣ стараться о швоей жизни, право сіе дозволяетъ мнѣ побою повѣлывать: ты долженъ жить и для меня. Но увы! ты огорчаешься, и состояніе швое будетъ меня ушѣснятъ. Послушай совѣтовъ швоего друга, послушай совѣтовъ, истрекающихъ изъ души, жалостію напоенныя; умѣрь скорбь швою. Самъ ты напоминалъ мнѣ, что надежда есть лесное божество недасныхъ: по что ты оную презираешь? Мысли швы толь разсыпанны, что и она не имѣетъ швоего вниманія. Для чего тебѣ не надѣяшься, что любезная швоя жива, что тебя любитъ, и что можешь быть случай будетъ тебѣ благосклоннѣе; ты ее увидишь, она будетъ швоя, и . . . — О Кло-рандъ! ты, увѣщевая меня, самъ себя обманываешь; нѣтъ для меня ни.

никакой надежды : уменьшился ли скорбь моя шѣмъ, что я увижу ее съ шѣмъ, чтобъ опять потерять? Мнѣ должно быть спокойну, когда я съ нею буду неразлученъ; но того не возможно ожидать. А сверхъ того я расстался съ нею, видя страсть мою любовію ея соотвѣпствуему; нынѣжъ можешъ быть въ разлукѣ она меня забыла. Каково сіе для меня будетъ! . . . О виновница моей напасти! безъ тебя я ни щастливъ, ни спокоенъ быть не могу! увидѣшь тебя желая, шеряю шерпѣніе и въ самой потѣ же часъ желашъ того ужасаюсь! . . . . Естли въ свѣтѣ бѣдствіе моему равное? — Ты самъ себя стараешся мучить, и самъ изобрѣшаеш орудія, грудь твою шерзающія. Опомнись, возврапи хотя на часъ швой прежній веселый духъ, и тогда можешъ быть я найду способъ къ поправленію швоихъ обстоятельствъ. . . . Послушай! я скажу тебѣ, какихъ бы я мыслей былъ на швоемъ мѣстѣ. Въ шепе-

решней твоей съ нею разлукѣ я
 ожидалъ бы свиданія. — А уви-
 дясь? — Старался бы сильнѣе вос-
 пламенить ее къ себѣ любовію. —
 А потомъ? — Потомъ довелъ
 бы ее до всего. — До чего? —
 Ты знаешь, что любовь всегда спре-
 мится къ одному совершенному овла-
 дѣнію всѣми прелестями красавицы.
 — Ты меня поражаешь. — Мол-
 чи: когда всѣмъ овладѣешь, по-
 страсть уже совершенно увѣнчана,
 и желать чего не остаеся; любовь,
 ставши всемъ довольна начнетъ осцы-
 вать, желанія пресѣкутся, и будешь
 ты уже скучать шѣмъ, отъ чего
 теперь страдаешь. Вотъ послѣдній
 способъ къ пресѣченію твоихъ мукъ.
 — Стыдись! съ какими ты мнѣ
 предспашь мыслями? не ужъ ли ты
 думаешь, что я, ставъ несчастенъ,
 не могу быть добродѣшеленъ? . . . Ты
 опредѣляешь сіе по прежнимъ моимъ
 слабостямъ: нѣтъ, Клоландъ, онѣ
 мнѣ уже мерзски, оныя извинитель-
 ны прошедшимъ нашимъ лѣтамъ,
 ко-

когда разсудокъ еще шатался; теперь оный у пристанища, и напасти мои, очищая преступленія, показали оныхъ гнусность. . . . Не ужъ ли вѣтренность владѣетъ еще Клорандомъ? познай, другъ мой, познай лучше состояніе моего сердца, и естли пвое наполнено еще легкомысліемъ, истреби оное, и вложи на то мѣсто чувствованія, дружества моего достойныя. Ты меня конечно не знаешь, когда предлагаешь таковыя совѣты! ты велишь мнѣ вооружиться, но пропиву кого? На честь особы, которую предпочитаю всему на свѣтѣ, а люблю больше души моей. Содрогаюсь! естлибъ разумъ и до того не дѣйствовалъ, чтобъ слабость осмѣлилась представитъ ему мысль столь презрѣнную, тогда сердце мое, избравшее любовь, основанную на добродѣтели, и вѣчное мое къ любезной моей пощеніе, замучилибъ меня люшѣйшими терзаніями. Чистѣйшая и непришварная моя страсть, находишь

довольство возрастать, а не уменьшаться, и преставая любишь мою драгую, что мнѣ останешся? одно нескончаемое спраданіе. . . Скажи мнѣ: какое удовольствіе привеситъ невинность въ искушеніе? Насыщаютъ свои желанія, повреждая честь другихъ, есть злодѣйство, человѣку непрощительное. Должно быть звѣремъ, еслили доводить духъ нѣжный, чтобъ оный раскаявался. Не думаешь ли, что человѣкъ созданъ съ равными движеніями скоповъ безсловесныхъ? Правда, онъ имѣетъ побужденія, но ему данъ разумъ, производящій отвращеніе отъ несогласующагося съ его совѣстію, симъ внутреннимъ судіею, наказующимъ его строго за всякое преступленіе, кое подаетъ ему разумъ понятіе о чести. Еслилибъ сдѣлалъ я то, за что бы меня совѣсть терзала, то есть ли въ томъ утѣшеніе, за что въ послѣдствѣ жестоко мучитъ раскаяніе. И такъ, любезный другъ, прямое утѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобъ

и побѣ мы, вкуса оное, послѣ не сожа-
 лѣли. Въ числѣ сего естъ любовь,
 основанная на чувствованіяхъ чи-
 стыхъ, дщерь добродѣтели, даръ
 небесъ, опредѣленный смертнымъ оп-
 радую; оная составляетъ все мое
 утѣшеніе. Хотя я страдаю, но
 совѣсть меня ни въ чемъ не уко-
 ряетъ; а ея удары жестокае люб-
 ви несчастныя. Какими бы я гла-
 зами воззрѣлъ на ту, которая испо-
 щила ко мнѣ всю свою любовь,
 склонность и довѣренность для
 того только, чтобъ я сдѣлалъ
 ее несчастною? Вообрази, Клорандъ,
 какво взирашь на красавицу, когда
 прелестное лице ея омочаютъ слезы,
 неистовствомъ нашимъ истощенныя?
 не пробьютъ ли оныя грудь нѣжна-
 го? и сравнительны ли взоры ея, пре-
 зрѣніемъ и ненавистію наполненныя,
 съ шѣми невинными взглядами, кои
 обращаетъ одна любовь чистѣйшая,
 въ коихъ нѣтъ раскаянія, и кои
 наполняютъ душу чувствованіемъ
 сладости, ни съ чемъ несравненныя.
 Что

Что, Клорандъ? справедливыя слова мои? шы краснѣешь. — Признаюсь, любезный другъ; сожалѣніе мое о тебѣ извлекло шо, о чемъ я шеперь раскаяваюсь. Но естли жалѣю я о прошедшемъ, когда вѣтренность управляла моими движеніями, шо удивляюсь, какимъ образомъ могъ и шы дойти до состоянія подавать разсужденія шоль полезныя. Я вижу въ тебѣ спрогаго почиташеля добродѣтели и защитника любви, основанной на желаніяхъ чистыхъ; и кшобъ повѣрилъ, что это самый шотъ, который въ одинъ день могъ увѣрять шрехъ любовницъ о жестокой своей къ каждой изъ нихъ шрасши. — Справедливо; но я ни въ одну изъ нихъ влюбленъ не былъ, разумъ мой не имѣлъ еще силы, и лѣта несозрѣлыя слѣдовали шогда примѣрамъ общества людей развратныхъ. Нынѣ я совсѣмъ иной, и единственно за оное долженъ шой, которая учинилась предметомъ чистѣйшей и безпри-

прищворной моей любви, равно и вѣчнаго моего несчастія. Сердце ея, напоенное добродѣтелию, соединяясь съ моимъ, сообщило ему свои чувствованія, и душа, содержащая въ себѣ разумъ безсмертныхъ, напичала и мой духъ понятіями, смыслъ мой очистившими. Но ты и о прошедшихъ моихъ дѣлахъ обстоятельно не вѣдаешь, то какъ можешь думать, чтобъ я и тогда не почиталъ добродѣтели, когда отъ оной уклонялся? — Правда; но разставшись съ тобою доходили до меня сіи слухи, хотя весьма необстоятельно, и ты сдѣлаешь мнѣ особливое удовольствіе, когда расскажешь подробно всѣ твои случаи съ самаго начала твоей жизни.

Любимиръ охотно на оное согласился, и чтобъ никто не нарушилъ его повѣствованія, вошли они въ бесѣдку вблизи бывшего шутъ сада, надлежавшаго пріятелю Маркизову, гдѣ Любимиръ началъ слѣдующее:

По-

Повѣсть сія, открывая предъ шобою прошедшія мои слабости, будеть наконецъ клониться опровергнушь мнѣніе, во многихъ, а можетъ быть и въ тебѣ вкорененное, будто бы любовь никакъ человѣкомъ до того овладѣть не можетъ, чшобъ онъ спрадалъ и опчаявался; слѣдствіе моихъ случаевъ покажетъ тебѣ, что оная въ человѣкѣ надъ всѣми чувствами, не исключая и разума, господствуетъ, и можетъ довести до того, чего онъ съ собою никакъ и вообразить не могъ.

Я воспишанъ по всѣмъ опытамъ родительской ко мнѣ горячности въ сходственности моего соспо-янія, и сказывающъ, что былъ способенъ внимать наставленія отца моего, желавшаго внушить въ меня склонности благороднаго. Разумъ сего старца, укрѣпленный искусствомъ чрезъ долговременное въ свѣтѣ обращеніе, вліялъ въ меня истинное о вещахъ понятіе. Корень добродѣтели еще въ юныхъ лѣтахъ на-

начиналъ процвѣтати въ моемъ сердцѣ; но какъ соповарищество людей развратныхъ дѣлаетъ весьма скользкимъ путь невинности, то и подпора добраго воспитанія не могла сберечь меня въ послѣдствѣ отъ преткновенія. Я не скрою отъ себя моихъ слабостей; кто объявляетъ свои пороки съ сожалѣнiемъ, тотъ оказываетъ знаки исправленія.

Пройдемъ первые годы моего возраста, въ кои жилъ я подъ покровительствомъ родительскаго попеченія; въ нихъ ничего достойнаго примѣчанія со мною не случилось. Мнѣ исполнилось 16 лѣтъ, когда отецъ мой, ревнипелъный къ своему отечеству, посвятилъ жизнь мою для услугъ его въ военной службѣ. Онъ распался со мною омочивъ меня своими слезами, и произнесъ сіи слова, копорыя на вѣки въ душѣ моей начашаны: Сынъ мой, сказалъ онъ: я даю тебѣ свободу владѣть своими желаніями; но всегда помни, что ты дворянинъ; люби свое отечество

чество, повѣрившее тебѣ сіе преимущество, будь онаго достоинъ, не желай никому того, чего себѣ не хочешь. Наблюдая сіе ты будешь благополученъ. Я прибылъ въ полкъ, и имѣлъ щастіе въ короткое время пріобрѣсть благоволеніе о мнѣ моихъ начальниковъ; оное до того простиралось, что прежде года произведенъ я въ офицеру, и было повѣрено мнѣ нѣкоторое полковое исправленіе въ столичномъ городѣ. Съ сего времени на есапрѣ свѣша началъ я предсавлять дѣйствующее лицо.

Въ первые дни моего въ городѣ пребыванія занимался я одною моею должностію; наставленія отца моего поль были мнѣ памясны, что я, презирая всякія забавы, прилѣжалъ къ точному исполненію порученнаго мнѣ дѣла. Но случай состояніе сіе преобразилъ совсѣмъ въ другую сторону: прохаживаясь въ придворномъ саду, встрѣлся я съ дворяниномъ Орантомъ, съ коимъ вмѣстѣ учился

сло-

скучной комисіи? брось брашецъ ; отъ ней сдѣлаенся шѣсноша въ головѣ. По чеспи, меня одно воображеніе о томъ доводитъ до обморока. Не ужъ ли ты думаешь, что дворянинъ рожденъ для сей подлой должности? нѣтъ, она оставлена однимъ неблагороднымъ : ты имѣешь подчиненныхъ; поручи имъ все. Я беру на себя сдѣлать время швое пріятнѣе. Поѣдемъ со мною; сей же часъ доставляю я тебѣ все, чего тебѣ не доставаетъ: пріятелей, друзей, любовницъ, и словомъ, ты начнешь жить по вкусу.

Такое вѣпреное изъясненіе меня совсѣмъ смѣшало, и я хотѣлъ опровергать неосновательность его предложенія, но лишь успѣлъ сказать ему, что для благороднаго человѣка есть первый предметъ помнить о томъ, къ чему обязываетъ его должность, и что оставляя въ пренебреженіи дѣло, намъ вѣренное, чинимъ мы преступленіе непростительное. Ораишь началъ хо-

хохотаясь, и потащилъ меня за руку крича: вздоръ! вздоръ! педанство! побѣдемъ, я научу тебя лучше мыслишь; наше нравоученіе не такъ строга. Сердце твое не ошлифовано: надобно оно учинишь по нѣжиѣ. Онъ посадилъ меня въ свою карешу, и наговориавъ мнѣ еще столько ласкательствъ, что я согласился на всѣ предложенія, которыя челоуѣку моихъ лѣтъ прошивны бышь не могли. Мы прѣѣхали въ домъ одного изъ его пріятелей, гдѣ нашли полное собраніе господъ вершопраховъ. Ораиствъ сдѣлалъ у нихъ такое мнѣ одобреніе, что я удивился сильному онаго дѣйствію: всѣ, сколько шупъ ни было, задушили было меня обниманіями; всѣ на перехватѣ старались препоручишь себя моей дружбѣ, и я, радуясь шолікому щастію, меньше нежели въ три часа спалъ всѣмъ корѣшко знакомъ, и получилъ больше дваццати искреннихъ пріятелей, которые на первой разѣ и шайны свои по вѣряишь мнѣ не сомнѣвались.

Повѣришь ли, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ на ухо; я нынѣшній день распроенъ въ мысляхъ. Милена и Флора назначили мнѣ свиданіе, и къ несчастію одно время и мѣсто. Самой досадной случай! Флора мила, а Милена прекрасна; попережь какъ одну, такъ и другую жаль. — Чшежь вы начнете, сказалъ я? — Я пребую вашего совѣту, отвѣчалъ онъ. — Не спрашивайте меня, продолжалъ я; въ любовныхъ дѣлахъ я совершенно не знающъ. Мнѣ кажется, что любить кромѣ одной не можно; однако, какъ вы открываете; что и двумъ красавицамъ сердце свое дѣлите удобно, то въ семъ обстоятельстве, мнѣ кажется, должно одну упредить. Приѣхавъ къ ней въ домъ сказать, что вы въ то время съ нею видѣлись за чемъ нибудь не можете; а другой дасть свиданіе. — Bravo! bravo, вскричалъ онъ! вошъ что называется быть въ любви не искуснымъ, и учишь оной другихъ.

Одинъ

Одинъ по одному изъ собранія при-
 шали къ сей рѣчи, всѣ узнали, и
 шайна наша сдѣлалась общемою. Я
 сколько отъ нихъ слышался о
 ихъ волокитахъ, припворствахъ и
 обманахъ, что самъ великую склон-
 ность получилъ на счетъ слабостей
 прекраснаго пола повеселился. По-
 слѣ того сборище сей молодюжи такъ
 мнѣ полюбилось, что я никакъ
 бытъ безъ нихъ не могъ, а еже-
 дневное съ ними обращеніе и ихъ
 примѣры подали мнѣ изрядное на-
 славленіе, и въ малое время я учи-
 нился почнымъ ихъ подражателемъ.

Въ одинъ день, когда я, уда-
 лясь отъ сего почтеннаго собранія,
 прогуливался по улицамъ, дѣвица
 лѣтъ шестнашцаи, сидящая подъ
 окномъ, и изображающая на лицѣ
 своемъ наилучшую пріятность,
 остановила на себѣ мои взоры. Уди-
 вленіе ея прелестямъ провождаемо
 было съ моей стороны учтивымъ
 поклономъ, на который равнобрно
 отвѣщивовано. Благоприспойность

не позволяла мнѣ долго медлить на одномъ мѣстѣ, и я продолжалъ путь мой; но красота ея помѣстилась въ моемъ сердцѣ, и стала причиною моего о ней размышленія. Не любилъ ее чувствованіямъ моимъ считалъ я невозможностію; но думалъ, что для любви нѣтъ успѣшенія, когда любишь безъ надежды, чтобъ узнала о томъ сія красавица; а сіе считалъ я также невозможностію. Между тѣмъ, какъ ни на что еще не могъ рѣшиться, не оставилъ я поворять прогулки мимо мѣста, меня привлекающаго; и красавица моя, какъ думаю безъ намѣренія, дѣлала мнѣ удовольствіе присущствіемъ своимъ подъ окномъ. Чѣмъ больше я на нее глядѣлъ, тѣмъ сильнѣе воспламенялся; и если бы невинность не написана была на ея глазахъ, то думаю, что оныя тогдажъ открыли бы въ моихъ все чувствованіе души. Словомъ сказать, я влюбился, и положилъ испытать моего щастія. Не преминулъ тотчасъ

о ней развѣдашь, и узналъ, что ее зовушъ Кларисой, и что она дѣвица, живущая подѣ опекою своей родственницы. Съ того времени воображенія мои заняшы были одною ею, и всеневная моя дорога сдѣлалась мимо того окна, гдѣ я потерялъ свободу. Красавица моя по примѣшила, и думаю не по слѣпому случаю находилъ я ее всякій разѣ на меня омопрящую. Глаза наши казалось были уже довольно знакомы, и сказывали нѣчто и о сердцахъ, но невинность удерживала дальнѣйшее; мы, довольно понимая, что другъ другу не прошивны, не знали, какъ о помѣ открыться. Одна простая учтивость замѣняла то, при чемъ бы искусной въ любви занятъ былъ большимъ упражненіемъ. Я только кланялся ей наилучшимъ образомъ; она плашила мнѣ равномерно, съ тою только разношюю, что при всякомъ на меня взорѣ лице ея покрывалъ прелестный румянецъ. Мы взаимно

были щасливы, но не умѣли склонность нашу употребить въ пользу сердца.

Прошло нѣсколько дней, въ которые Ораншъ никакъ сыскашь меня не могъ; я убѣгалъ его съ намѣреніемъ. Сердце, начинающее любить, ищетъ уединенія, и человекъ, пѣнненькій спрашивается, окружаясь нѣжнимъ родомъ робости; однако онъ нашелъ меня. Тебя нынѣ видѣть очень трудно, равно какъ бы ты носилъ шапку невидимку, сказалъ Ораншъ. Гдѣ ты былъ, и что съ тобою случилось? Я отвѣчалъ ему однимъ вздохомъ. — Такъ, вскричалъ онъ! понимаю! попался въ сѣти! не правда ли? ... Ты красивъ, но за чемъ спыдишься? отдавать справедливости какой нибудь красавицѣ, и быть влюблену спыда не дѣлается. Въ кого ты влюбленъ? скажи; скрывашься отъ друзей не должно. Удовольствуй меня скорѣй; помощь моя тебѣ весьма нужна. — Слова его привели меня въ шаковое

замѣшательство , что я ничего скрывать предъ нимъ не могъ; онъ узналъ , какимъ случаемъ , къмъ свобода моя похищена , и что любезная моя о ея надѣ сердцемъ моимъ власни не больше знаетъ , какъ по движеніямъ наружнымъ. — А ты съ нею не говорилъ , перервалъ Орантъ слова мои? — Нѣтъ , ошѣчалъ я; недоспашокъ способовъ. — Скажи лучше недоспашокъ смѣлости , продолжалъ Орантъ. Должно быть дерзку въ изъясненіи спраски своей предъ нѣжнымъ поломъ , или прежде изсохнешь , нежели узнаешь , что тебя любящъ. Женщины вообще имѣютъ духъ гордый , и за особое щегольство вмѣняютъ мучить ими плѣнныхъ. Не шого ли ты дожидаться , чтобъ она сама себя открылась? Нѣтъ , сего щастія ни съ кѣмъ еще не случилось. Всякая изъ нихъ лучше согласится сгорѣть отъ любви , нежели показашъ свою слабость; онъ хотяшъ всегда быть побѣдительницами , а

не побѣжденными. Предъ иною естѣли и извѣстишься, шо весьма рѣдко, чшобѣ тогдажѣ она сказала о томѣ, что оное ей не прошивно; а иногда вмѣсто нѣжнаго отвѣта получишь самой строгій выговорѣ. И шупѣ лишѣ шолько оробей, все дѣло испорчено; а коль скоро употреблено нѣсколько терпѣнія и смѣлости, тогда побѣда спановится почти рѣшишельна. О! воевать съ красавицами таковагожѣ шребуешѣ искусства, какѣ взять съ малымѣ числомѣ войска наилучшимѣ образомѣ укрѣпленный городѣ. Я ужѣ сказывалѣ тебѣ, что сердца красавицѣ укрѣплены врожденною имѣ гордостію; и такѣ, предприемля къ онымѣ присшупѣ, должно быть очень пронцашельну, дерзску, и способну принимашѣ на себя различные виды. Пронцашельну для того, чшобѣ точно узнать ея свойство: естѣли она кажется шиха и пошпоянна, шо весьма не кшати показашѣ ей себя вѣшренымѣ и дерзскимѣ.

Тушѣ

Тутъ должно представляшь чело-
вѣка влюбленнаго до дурачества, не
жалѣшь вздоховъ и бытъ вѣчно за-
думчивымъ. Естлижъ она рѣзва и
веселаго нрава, съ таковою должно
превратиться въ робенка и непре-
станно играшь, врашь всякой вздоръ,
и будшо шуткою изъясняшь свою
къ ней спрость; словомъ, должно
бытъ вольну до наглости, смѣлу до
безстыдства, и живу до дерзости,
то и будешь щастливъ. А между
тѣмъ случай изъ самой неудобно-
сти производить успѣхи. Всего лу-
чше имѣть дѣло съ щеголихою, ис-
кусною во обращеніяхъ свѣтскихъ:
для сей побѣды не больше потреб-
но, какъ вътренность и злоязычіе.
На примѣръ: я вошелъ къ ней о-
дѣтъ по модѣ, причесанъ по вку-
су, поклонился щегольски, и сѣвши
разбросанъ, скажу, что она одна
въ городѣ имѣетъ лучшія совершен-
ства и вкусъ; а въ прочихъ при-
мѣчаю недостатки. Потомъ начну
эпословиць тѣхъ, кои ее лучше, и
ко-

коихъ ненавидѣть она имѣетъ свои причины. Красавица слова мои одобряетъ, разговоръ нашъ спановишься спремипеленъ; я оный прерываю, начинаю хвалишь ее головный уборъ, попомъ красоту лица; сказываю, что она любви достойна, что я прошиву того не равнодушенъ, и что прелести ея меня вскружили. Она ошвѣчаетъ: перестань радость; ужестъ какъ славно ты себя раскрываешь. — Ешо правда, продолжаю я, вы меня распрепали, и съ щѣмъ бросаю на нее гнилой взоръ. Послѣ малаго числа! вздоховъ спановлюсь я опять живъ; хвалю ее шнуровку, и даю волю рукамъ. Красавица говоришь: ешо глупость! по чеспи ты шушишь! . . . а я далѣе; меня удярятъ по легоньку, но я продолжаю; а наконецъ она и сама повѣритъ, что ешо была не шушка. Однако я заговорился; мнѣ нѣтъ времени. . . . Понялъ ли ты слова мои? упошребляй оныя въ пользу. Прощай! . . . Надѣюсь мы уви-

увидимся въ маскарадѣ. — Послѣ сего Ораншъ меня оставилъ, наполни мою голову воображеніями пользе въспренеными, какъ и данныя мнѣ его наставленія.

Осашокъ дня провелъ я размышляя о состояніи моего сердца; красота Кларисина во ономъ помѣстилась, и шайныя его движенія къ ней стремились. Неоднократно смотрѣлъ я на часы, и время для меня шло очень долго. Наконецъ оное настало, и я пріѣхалъ въ маскарадъ. Не отдавалъ я приказа глазамъ моимъ; любовь оными управляла; они пробѣжали всѣ прочіе предметы, и остановились на Кларисѣ. Никогда не казалась она мнѣ столь прелестною, какъ въ этотъ разъ. Черное платье дѣлало лучшую шѣнь, чшобъ представить самое прекрасное лице. Поклонъ мой соотвѣтствованъ былъ таковымъ взглядомъ, который пронизаетъ во внутренность души, и нисходя до сердца наполняетъ оное надеждою.

Вдругъ

Вдругъ хотѣлъ я собрать весь мой разумъ, чшобъ изъяснить какъ можно пріятнѣе мои къ ней чувствованія; но едва могъ понять, что я больше былъ смятенъ, чшобъ могъ быть къ тому способенъ. Однако я опомнился, и представилъ роль Селадона, для ученика въ волкипѣ слишкомъ искусно. Она сдѣлала мнѣ честь вызвать меня танцовать, потомъ въ конпрдансѣ; и мы устали. Я не пропустилъ сыскапъ для ней шулъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣбъ могъ говорить открытнѣе. Она сѣла, рѣчи наши были искренни, и кончились шѣмъ, что мы узнали о взаимной нашей любви. Признаюсь себѣ, сказала она, что я не буду спокойна, если ты не постараешься доставить мнѣ ежедневное съ собою свиданіе; а сіе не иначе быть можешъ, какъ въ домѣ моей шепки, у которой я живу, и которая, весьма рѣдко выѣзжая, всегда оставяешъ меня съ собою. Пристрастіе ее къ каршамъ...

Не

Не играете ли вы въ ломберъ? —
 Нѣсколько. — Довольно! пули двѣ
 при сѣграно, и вы ей знакомы.
 Имя игрока свободный блешъ для
 входа въ домъ госпожи Клеваны.
 Постарайтесь, и помните, что мед-
 ленность огорчитъ шу, у коей вы
 похитили сердце. Прощайте! я за-
 прещаю вамъ говорить со мною, кро-
 мѣ нашего дому, и хочу видѣть,
 сколькожъ ли вамъ нужно сіе сви-
 даніе, сколько прогаюшъ изъясненія
 ваши шѣхъ, коимъ вы себя откры-
 ваете.

Она ушла, и я отъ радости
 былъ внѣ себя о моемъ щастіи.
 Не скрою, она плѣнила меня до край-
 ности, и конечно бы я любилъ ее
 страстно; сердце мое всегда было
 вѣрно и справедливо, естлибъ не
 испортили онаго совѣшны друзей раз-
 вращенныхъ. Лѣша несовершенныя
 и Ораншъ были причиною моихъ
 вороковъ. Ораншъ, сей искренній при-
 ятель мнѣ, былъ худъ для добродѣ-
 шели: обмануть красавицу онъ по-
 чи-

чишалъ за щегольство, а не за преступленіе. Онъ первый тогда попался мнѣ встрѣчу. Чшо, сказалъ онъ? видѣлъ ли ты свою богиню? говорилъ ли? — Ахъ любезный Орантъ, я говорилъ! я щаспливъ: меня любяшъ... Нѣшъ меня благополучиѣе. Потомъ рассказалъ ему весь разговоръ мой съ Кларисою.

Ты щаспливъ, сказалъ мнѣ Орантъ, но очень влюбчивъ; я желалъ бы, чшобъ ты для любви былъ меньше искрененъ. Страсть швоя велика и слова наполнены жара. Ты влюбляешся по дѣдовски; ты хочешь, чшобъ любовь занимала всѣ швои чувшвованія: какихъ ты ждешь ушѣхъ изъ того? Нынѣ уже нѣшъ пѣхъ спраншвующихъ рыцарей, кои охотно подвергались всѣмъ несчастіямъ, чшобъ бышъ нелицемѣрными рабами истинной любви. Нѣжный полъ открылъ нынѣшнему свѣшу, колъ великое дурачество сохнушъ отъ любви, когда она безъ лишнихъ околичностей

удо:

удовлешворяема бышь можешъ. Оставь, мой другъ, спранные предразсудки; слѣдуй нравамъ обыкновенія: люби видомъ, а не сердцемъ; легче пришворишься, нежели чувствовашь. Когда ты хочешь привязаться къ одной Кларисѣ, ты будешь невольникъ: щибь, желая угодишь ей, должно, все въ свѣшъ позабывъ, живьшь только для нее, и бышь всегда съ нею. Всегдашнее свиданіе дѣлаешъ свычку, свычка родишь привязанность; а изъ того выходишь самая слѣпая любовь. Берегись сего: какъ скоро влюбленъ безпритворно, то ты самой несчастной. Малая отъ красавицы холодность для тебя огорченіе, оплучка спраданіе; а иногда случишься невинно показаться невѣрнымъ, тогда - то узнаешъ, какой шоски стоишь любовная привязанность. Я всегда былъ щасливъ, и на сердце моемъ нѣшъ ни одной ранки; оно никогда не мѣшалось въ любовныя изъясненія. Меня любяшь, и думающъ, что я са-

Часть VII.

Г

мой

мой вѣжливѣйшій и вѣрный любовникъ. Анета и Сильвія побьются о закладъ, что каждая изъ нихъ безъ изъятія, фладбюшъ всею моею склонностію и сердцемъ; но тебѣ извѣстно, много ли онѣ выигрываютъ. Вотъ какъ должно нынѣ обращаться! слѣдуй мнѣ, по будешь щастливъ и безъ мученія, а съ страшною любовью не у всякой красавицы найдешь вниманіе: иная скажетъ: Жаль мнѣ эшова мальчика; онъ милъ, но онъ неопвязчивъ; онъ залюбитъ до смерти. Понимаешь ли ты меня? . . . Здѣсь такое мѣсто, гдѣ не лзя входить въ подробности. Орантъ ушелъ; и я не знаю, согласенъ ли я на пошъ часъ былъ съ его мнѣніемъ. Слѣдствіе покажетъ, что оно было для меня пошю, по кошорой я игралъ несравненно.

Великаль, или нѣшъ, была страшная моя, но я желалъ въ пошъ мгновение сыжкать случай познакомиться съ госпожею Клеваною. Нечаянно

ность привела ко мнѣ одного знакомаго мнѣ изъ профессоровъ карточныхъ игръ. Не знаешь ли ты, спросилъ я, госпожу Клевану? — Ешу старую жареную шпатель, ошъчалъ онъ, которая при четверти жизни своей присутствуетъ за зеленымъ сукномъ? очень корошко. Какая тебѣ въ ней нужда? — Ахъ государь мой, сказалъ я! вы меня обяжете, когда познакомите въ ея домъ. — Это не шакъ трудно, подхвашилъ игрокъ; сей же вечеръ, когда тебѣ угодно. — Онъ обрадовалъ меня совершенно; мы поѣхали, и нашли госпожу Клевану въ великой скукѣ, за тѣмъ что игроковъ у ней не было. Представьте въ мысляхъ сухопарую; высокую и чернокожую женщину, лѣтъ шестидесяти, весьма похожую на кухарку Плешонова шпаша, и которая, сидя за столикомъ, перемѣшиваетъ карты; сей будетъ ея подлинникъ. Проводникъ мой препоручилъ меня какъ можно лучше. Это ломберистъ,

сказалъ онъ, который предпочелъ ушѣхамъ позорища, чтобъ раздѣлишь въ сей вечеръ время съ госпожею Клеваною. Не можно изъяснить, какой веселый взоръ, провождаемый великою учтивостію, былъ миѣ за оное привѣтствіемъ. Послѣ малыхъ околичностей мы сѣли за ломберъ, и я, стараясь выигрышь склоняя въ пользу хозяйкѣ, думаю, не безъ посредственно подавалъ ей хорошія о себѣ мысли. Пуля доходила къ концу, какъ Клариса возвратилась изъ маскарада. Она удивилась, найдѣвъ меня такъ скоро въ своемъ домѣ. Подъ образомъ просшаго учтивства изъ глазъ ея видна была благодарность, означающая, что она поступкомъ моимъ довольна. Я съ моей стороны употребилъ всю силу прищворства, чтобъ скрышь движенія моей спрасши, и не показанъ-ся ей знакомымъ. Ешто моя племянница, сказала Клевана; а я не меньше былъ живъ, чтобъ вспавъ не поцѣловашъ у ней руку. Клариса

са заплашила мнѣ оное поцѣлуемъ
 въ щеку; сей былъ первый разъ,
 когда прекрасныя ея губы до меня
 коснулись. Не знаю, что сталъ
 тогда я, и что ощущалъ; я хо-
 тѣлъ бы весь быть только щекою,
 чтобъ остаться вѣчно на ея устахъ.
 Игра кончилась въ пользу хозяйки;
 она оставяла насъ у себя ужи-
 нать, но проводникъ мой, имѣя въ
 другихъ мѣстахъ надобность, оста-
 вилъ мнѣ учинить сіе послушаніе.

Между ужина и послѣ онаго
 мы съ Кларисою иногда оставались
 одни, и я довольно находилъ вре-
 мени докончить начало изъясне-
 нія моей страсти. Разговоръ нашъ
 былъ откровеннѣе и наполненъ нѣж-
 ности. Мы разстались воспламенясь
 сильнѣе, и положили какъ можно ви-
 даться чаще. Съ тѣхъ поръ по-
 чти всякой день бывалъ я у го-
 спожки Клеваны. Кошелекъ мой хо-
 щя чувствовалъ дѣйствіе шпандили;
 но любовь убытокъ сей дѣлала весь-
 ма сноснымъ; владѣніе сердцемъ

Кларисы казалось мнѣ дороже всѣхъ и сокровищъ. Я любилъ до слѣпошты и былъ любимъ до безумія. Время, случай и свычка поль насъ соединили, что я ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ моей возлюбленной. Клариса была ко мнѣ привязана; мнѣ оставалось желать. Мы были вольны, пошому что въ домъ принимали меня не такъ, какъ новаго знакомаго; но желанія мои ограничивались робостію. Кто любилъ чистосердечно, шомъ окружается вѣжкимъ родомъ застѣнчивости; однѣ невинныя вольности были дѣйствіемъ движенія, происходящаго отъ силы, намъ неизвѣсныя.

Въ одинъ день, когда госпожа Клевана должна была вхашъ въ гости, и пробышь тамъ цѣлый день, Кларисъ захошлось быть больною; я о томъ вѣдалъ, онъ разспалилъ, и я пришелъ. Представьте красавицу, разбросанную въ постель, въ легкомъ спальномъ плашь, которое, вполы оказывая скрытыя прелести, кажется оныя еще совершеннѣе; ка-
кое

кое шутѣ предснавится зрѣлице гла-
замѣ влюбленнаго? эшо былѣ я, ко-
шорый не ощущалѣ вѣ себѣ бышя,
Есть ли что на свѣшѣ, кромѣ вида,
шоль привлекающаго, я ни мало не
помышлялѣ. Подхожу, препенущѣ
ощѣ восторга, беру нѣжную руку ея,
привожу оную ко устамѣ моимѣ.
Между шѣмѣ сердце мое порываеш-
ся, и бѣненіемѣ своимѣ доказываетѣ,
коль несносна ему невозможность,
чтобѣ выскоча изѣ груди моей,
упасть кѣ ногамѣ своей обладатель-
ницы. Клариса обращаетѣ ко мнѣ
взоры нѣжности; безпорядочныя сло-
ва сѣ обѣихѣ сторонѣ являютѣ боль-
ше страсти, нежели существишель-
ности. Она осыпаетѣ меня поцѣ-
луями, она сжимаетѣ меня вѣ ру-
кахѣ своихѣ. Клариса невинна, я
былѣ молодѣ, имѣлѣ желанія; я
становлюсь живѣе, все пламя моего
сердца переходитѣ во уста мои; я
прилѣпляю оня кѣ губамѣ ея. Она
робѣетѣ, хочетѣ бѣжать, но любовь
ее останавливаетѣ, и глаза ея на-

полняются помносію. Дерзость моя становится стремительнѣе, воздыханія наши смѣшиваются; она смущается, безпамятвѣетъ. . . . . На послѣдокъ мы приходимъ въ себя: я вижу прекрасное ея лице, омоченное слезами; я оробѣлъ. — Но сія слезы не всегда бываютьъ слѣдствіемъ раскаянія; она успокоилась, нѣжность ея возвратилась, и при мѣсяца былъ я благополучнѣйшій изъ всѣхъ любовниковъ.

О вы красавицы! бойтесь полагаться на слова, самолюбію вашему притворствующія. Вы желаете побѣдъ, вы ищете пльнять, вы того достойны, побѣды ваши дѣйствительны, ласкательство вамъ пріятно; но въ сихъ рѣчахъ, являющихъ самую истинну, казующихъ душу раскрытую, различайте ядъ. Различайте свойство трофеевъ вашихъ по опытамъ, а не по однимъ стремленіямъ невинности; раскаяніе всегда бываетъ слѣдствіемъ неосторожности. Не всѣ мужчины искренни: я
пер-

первый, который являетъ вамъ свою слабость, спыдъ своего непостоянства. . . . Увы! я раскаяваюсь; по что поздно сердце мое обратилось къ добродѣтели? Я игралъ надъ невинностию, игралъ любовію; но любовь играетъ нынѣ мною, плѣня меня до крайности, отворя во мнѣ рану неисцѣльную, и предавши всѣмъ мученіямъ любви несчастныя. О Клариса! я тебя обманулъ, забылъ, оставилъ; однако ты опмщенна. Можешь бышь ты успокоилась, но я ни спокоенъ, ни щастливъ во вѣки не буду.

Свиданія наши продолжались, и наконецъ я въ тѣхъ же прелестяхъ, кои меня восхищали, въ любви, занимавшей всѣ мои чувства, въ той самой Кларисѣ не находилъ уже ничего привлекательнаго. Нѣжность ея была мнѣ въ пягосшь, ласки скучны, и естли не оставилъ ее со-всѣмъ, то для того шолько, что не имѣлъ еще другой любовницы. Ораншъ, сей развращитель моего

Г 5

серд-

сердца, попался мнѣ къспати; онѣ ,
 распрося о моихъ обшояшельствахъ,
 пожелааь видѣшь мою любовницу; я
 привезъ его къ Клеванѣ. Онѣ уви-
 дѣаь Кларису, и ею плѣниаься. Какѣ
 много шы къ ней привязанѣ, спрс-
 силѣ онѣ у меня? Совсѣмѣ ничего,
 отвѣчалѣ я. Вотѣ, скодь много мо-
 жешѣ просвѣщеніе, продолжалѣ онѣ!
 шы владѣешѣ лучшими нравами вкуса.
 Ты можешѣ и мнѣ ее уступитѣ? —
 Охотно. — И взяшь мою Анешу?
 — Сѣ радостью. — Ты чело-
 вѣкъ несравненный. Попомѣ Ораншѣ
 задушилѣ было меня обниманіями.
 Мы условились, какѣ обманушь на-
 шихъ любовницѣ. Я долженствовааь
 сказааь Кларисѣ, что полученное
 повелѣніе опзываетѣ меня къ пол-
 ку; а Ораншу дааь мнѣ письмо
 къ Анешѣ, что за невѣрносшь, имѣ
 примѣченную, онѣ ее оставяешѣ.
 Назначенѣ былѣ день произведенію
 въ дѣйство сей размѣны. Между
 шѣмѣ я старался видааься сѣ Ане-
 шюю, и показашѣ ей себя влюблен-
 нымѣ.

нимъ. Можешъ быть она движенія мои и примѣчала, но не хотѣла быть невѣрною. Ораншъ въ сіе время былъ довольно щастливъ припши въ милость у Клеваны: ломберъ и мои одобренія учинили его коронимъ ей пріятелемъ. Попомъ насталъ часъ разсшаванія моего съ Кларисою; съ смущеннымъ видомъ, покрывшимъ жестокииъ опчаяніемъ, увѣдомилъ я ее о нашей разлукѣ. Горестъ никогда не была столь существошвишельна, ни слезы проливаны съ такимъ изобиліемъ, какъ у Кларисы. По многихъ печальныхъ рѣчахъ, послѣ увѣренія о вѣчной вѣрности въ послѣдніе мы поцѣловались; она упала въ обморокъ, и я не видалъ ее больше. Весьма долго были щещсны для нее Ораншovy ушѣшенія, и съ превеликимъ трудомъ могъ онъ ее успокоить.

Воспоминаніе покрываетъ меня стыдомъ: сѣигравши столь безсовѣстную роль, я ни мало не раскаивался, и думалъ только о Анешѣ.

шѣ. Ораншѣ мнѣ далъ письмо, что за ея откровенное имѣ непостоянство онѣ ее оставляетъ, и поручаетъ своему другу уведомить, что измѣна дѣлаетъ ее любви его недостойною, и чтобъ она на вѣкъ забыла Оранша. Я выбралъ случай найти ее одну въ домѣ, и бывъ коротко знакомымъ, шѣмъ съ большою вошелъ смѣлостію. Должно мнѣ было принять видъ смущенный, и прикидываться сколько можно больше, являя себя въ замѣшательствѣ. Я дѣйствовалъ несравненно: начиналъ говорить безпорядочно, и прерывалъ слова. Анета смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Что вамъ случилось, спросила она? — Ахъ! простите мнѣ, сударыня, отвѣчалъ я; ужасный безпорядокъ приводитъ меня: — Отъ чего вы въ безпорядкѣ? — Позвольте собрать мнѣ мои чувства. — Что васъ смущаетъ? — Жестокое принужденіе! удовлетворяя дружеству, я дѣлаю себѣ насиліе огорчить прекрасную...

Ахъ

Ахъ Ораншъ! къ спыду моему называюсь я швоимъ другомъ. — Ораншъ! что сіе значить? .. Гдѣ онъ? что онъ сдѣлалъ? — Онъ недостоинъ вашего о немъ попеченія, онъ измѣнникъ! ... Простите меня, сударыня. ... Я не могу больше скрывать; почтеніе мое къ вамъ принуждаетъ меня вывести васъ изъ заблужденія. ... Онъ недостоинъ любви вашей, онъ невѣренъ. Пылая страстью къ другой, возлагаетъ онъ на васъ свое преступленіе, и вотъ чѣмъ оканчиваетъ плашу за вашу къ нему склонность. Я подалъ ей письмо.

Анеша приняла оное препещущими руками, и чистая пришла въ великое движеніе. Досада, любовь, ревность и отчаяніе попеременно являли надъ ней власть свою. Страсти сія ее отягчили и повергли ее безмолвну на софу. Проливающіяся слезы были конецъ сего смяшенія. Во все сіе время казался я принимающимъ великое участіе въ ея печали;

ли; но взоры мои, непрерывно къ ней обращаемыя, изображали больше, нежели одно сожалѣнiе. — И такъ Орантъ невѣренъ, сказала Анегна по долгомъ молчанiи? Орантъ меня презираетъ? . . . забудемъ вѣроломнаго! за чемъ память моя такъ слаба, что помѣщаетъ еще въ себѣ сiе недостойное имя. . . . Нѣтъ, я довольно нахожу крѣпости изгнать его изъ моего сердца; просни любовь! отсель ты не будешь порожествовать надо мною. — Постойте, сударыня, перервалъ я слова ея! вы весьма строги. Не ужъ ли весь свѣтъ долженъ спрдасть за измѣну одного? Орантъ преступникъ; онъ достоинъ всѣхъ казней; но наказывая виновнаго, вы поражаете невиннаго. — Кто онъ? кого поражаю я? память моя не находитъ ничего такого, чѣмъ вы меня укоряете. — О небо, сказалъ я вздохнувъ! естли бы память и сердце ваше не сполько заняты были измѣнникомъ, глаза ваши открыли

рыли бы того, кто чувствуетъ къ вамъ спрассъ нелицемѣрную. Уже полгода носишь онъ имя ваше въ сердцѣ; пламень онаго не уменьшается вашею нечувствительностію. Коликихъ сія сполла ему вздоховъ! коликихъ мученій! Какимъ опчаяніемъ не былъ онъ пораженъ, видя къ предмету недостойному относи- му шу склонность, которая надле- жала ему за его вѣрность? . . . эшо я! . . . вскричалъ я бросясь предъ нею на колѣна, и схватя ея руку; я шопъ несчастный, для коего вы шоль спроти; я шопъ невинный, ко- торый ожидаетъ отъ васъ жизни, или пораженія. — Вы! . . . опвѣ- чала она съ замѣшательствомъ; я не ожидала. . . . Вы очень скоры; дайше мнѣ опомнишься. — Я не скоръ, сударыня; шесть мѣсяцовъ уже искалъ я опкрышь вамъ вашу ошибку, и мое мученіе. Случаи не были мнѣ благопріятны, поколь самъ Ораншъ, сей опасный мой совмѣ- стникъ, подалъ мнѣ способъ оп-

крыть

крышь предъ вами въ первый разъ мое сосшояніе. Рѣшите судьбу мою, каковъ ни будетъ суровъ отвѣтъ вашъ, я къ оному приутошовленъ; равно мнѣ умереть, замучась ли спрасстію безплодною, или опъ опчачнія. — Вы спремешельны, говорила Анеша съ улыбкою; можешель вы помедлишь? . . . или вы не понимаете словъ моихъ. — Однако я не опспалъ, пока она призналась, что не будетъ причиною моей смерти. Я осыпалъ поцѣлуями ея руки, и наговорилъ ей тысячи нѣжныхъ словъ, кляшвъ, увѣреній и всего того, что щипалъ въ семъ случаѣ нужнымъ. Мы распались, мнѣ приказано было навѣщать ее въ сукъ, и я былъ гораздо щцашеленъ во исполненіи онаго. Можно догадаться, что посѣщенія мои проходили не даромъ: начавши шоль удачно въ надлежащее время, и примѣпя склонность, не пропустилъ я овладѣть совершенно ея сердцемъ. Любовь ея ко мнѣ была сильнѣе, нежели

жели къ Ораншу, и осталась бы таковою, ежели бы я того хотѣлъ.

Сердце, зараженное непостоянствомъ, никогда не познаешь цѣны своего благополучія; оно ненасытно, насныющее щастіе кажется ему несовершенно, и бросаясь по разнымъ предметамъ, совсѣмъ не понимаетъ, куда стремятся его желанія. Состояніе достойное жалости! — Анета владѣла лучшими дарованіями, и могла бы всякаго учинить щасливымъ, кромѣ меня, за тѣмъ что я имѣлъ нравъ развращенный. Она любила меня страстно; я того не сподобился, я ей не ошѣбчалъ, но она была ослѣплена, и притворство мечталось ей великою горячностію.

У Бѣлизы, одной изъ знаменитыхъ госпожъ, собирались обыкновенно лучшія особы обоехъ половъ; бесѣда сія была пріятна, обращеніе вольно, и разговоры безъ принужденія. Я участвовалъ въ семъ собраніи: мысли мои мѣшались, желанія

Часть VII.

Д

были

были неопредѣленны, и взоры разсыпались во множествѣ прелестей; но сердце мое оныя собираетъ, и останавливаетъ на Лизанѣ. Ея большіе черные глаза, пріятныя черты и величественный станъ, меня плѣнили. Ужъ я желаю жить для одной Лизаны, и почитая всѣхъ женщинъ за Анешъ, располагаю преждевременно ушѣхи любви удачныя. Взгляды мой раскрываютъ предъ нею чувствованіе души, движенія и рѣчи ищутъ ее обольстить; Лизана пребываетъ равнодушна. Нѣсколько недѣль продолжаю я разспилать мои сѣпи: укоряю ее нечувствительностію; она шутитъ. Я пѣняю, она смѣется. Въ прекрасномъ ея тѣлѣ сердце создано было не для любви; заразы сіи были оному неизвѣстны, и примѣры огорченія и непостоянства положили въ немъ щипъ прошиву вѣжності. Я терзаюсь отъ неудачи; она избавляетъ меня отъ ошибки, она сказываетъ мнѣ, что старанія мои напрасны, что никакъ еще

еще не нашелъ дороги къ ея сердцу; что оное вѣчно останешся нечувствительюно прошиву заразы, и что покой и вольность будутъ предметы его желанія. Я не хотѣлъ вѣрить; однако принужденъ. Мы сдѣлались друзьями, и душа моя была предъ нею раскрыта. Жаль, что время воспретятствовало пишашся мнѣ ея совѣтами; оныя исшекали отъ добродѣтели, и можеть бы я исправился, но предѣлъ поздно назначилъ мнѣ вкусишь сіе щастіе, щастіе, лишившее меня на вѣкъ покою. . . . Лизана! я исправленъ, сердце мое очищено, подобная тебѣ извлекла меня изъ бездны пороковъ; но увы! она вліяла въ меня чувство, лишившее меня на вѣкъ покою. Вручая меня добродѣтели, забыла, что она была твореніе совершеннѣйшее; являя мнѣ достоинство разума, не примѣтила того, что она была прелестна; что я узналъ, и что я имѣлъ сердце.

Между шѣмъ Анета примѣчашъ мою холодность; я пришло-

ряюсь. Она желаетъ больше горяч-
ности, она пребудетъ увѣренія; а я
мѣшкаю у Лизаны. Ревнивость вмѣ-
шивается въ любовь, Анета при-
мѣчаетъ, провѣдываетъ и узнаетъ,
что я отдаю ей должное Лизанѣ.
Соперница неопасная; но Анета
окружается досадою, ревность ея
умножается; и мнѣ запрещенъ входъ
въ домъ моей любовницы. Я мень-
ше былъ привязанъ, чтобъ не испол-
нить приказъ сей со всякою почно-
стію; ибо мнѣ и безъ того надле-
жало отправиться въ полкъ. Я про-
спился съ Лизаною: разставаніе сіе
было безъ слезъ, но съ огорченіемъ,
испекающимъ отъ истиннаго дру-
жества. Я отправился въ путь мой.

Уже почти приближался я къ
тому городу, гдѣ полкъ нашъ рас-
положенъ былъ. Воображенія нѣж-
ныя по малу исчезали въ головѣ
моей, и я помышлялъ только объ
одной должности по военному чину.
Иногда глаза мои простирались въ
густину окружающаго дорогу лѣса:

ве-

величина деревъ , сплѣщенные вѣтви , шумъ отъ пѣнія птицъ , разно-
 сый по пустынѣ тихимъ колеба-
 ніемъ воздуха во время вечерней за-
 ти , рождали во мнѣ разныя идеи ,
 и приводили духъ мой въ нѣкій родъ
 пріятной нечувствительности . Но
 вдругъ впереди пистолетный вы-
 стрѣлъ пресѣкаетъ мою задумчи-
 вость . Я обращаю слухъ мой въ
 ту сторону , откуда пролилось
 сіе грубое эхо ; оное удивляетъ ме-
 ня еще больше , принося ко мнѣ шумъ
 сражающихся , и жалостный крикъ
 женщинъ . Человѣчество всегда
 имѣетъ право принуждать къ вспомо-
 женію ближнимъ : я останавливаю
 мои повозки , и вооруженный шпа-
 гою и пистолетомъ бѣгу на помощь
 утѣсняемымъ ; бывшіе со мною мнѣ
 послѣдуютъ , приближаюсь , и вижу
 проѣзжающихъ благородныхъ въ на-
 паденіи отъ разбойниковъ . Злодѣи ,
 примѣня сію неожиданную помощь ,
 оставляютъ карету , изъ коей они
 уже шацили двухъ господъ , и уда-

ряюся въ бѣгство. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ вооруженный копьемъ бросается на благороднаго мужчину, гонящагося съ шпагою за удаляющимся его поварищемъ, и старается поразить онаго въ плечь. Я трепещу о опасности сего храбраго дворянина, и поражая pistolомъ его злодѣя, дѣлаю конецъ сраженія рѣшительнымъ. Когда я принималъ извѣщеніе благодарности отъ сихъ успокоивающихся и отъ страха въ себя приходящихъ, имѣлъ я щастіе узнать, что сдѣлалъ помощь любезному моему Клоранду съ его мачихою и сестрою. Сей былъ первый разъ, какъ я тебя, дражайшій другъ, увидѣлъ. Ты ко удовольствію моему сообщилъ мнѣ, что опредѣленъ въ одинъ со мною полкъ. Уповаю помнишь еще, что мы, проводя свою родительницу и сестрицу до ихъ дому, вмѣстѣ прѣѣхали въ полкъ, заняли одну квартиру, а свычка и сходство нравовъ довели сердца наши до по-

го

го чувствованія соединяющей насъ дружбы, которую долговременная разлука испребишь была не въ силахъ. Случай, при которомъ, какъ тебѣ извѣстно, спасъ ты мою жизнь, подвергнувъ свою опасности, былъ не меньшимъ опытомъ любви твоей. Но тебѣ можешь быть неизвѣстна смѣшная причина поединка, на который былъ я вызванъ, и чрезъ который пріобрѣлъ себѣ тѣхъ злодѣевъ, отъ коихъ предательства ты меня избавилъ; я объявлю тебѣ оный теперь.

Въ городѣ, въ которомъ сшюялъ полкъ нашъ, былъ вольный домъ, въ коемъ почти всякой день подъ вечеръ офицеры наши собирались для препровожденія праздныхъ часовъ. Въ одинъ день случился и я въ числѣ прочихъ, и тѣ оба знакомые вамъ братья Испанцы, изъ коихъ одинъ служилъ поручикомъ, а другой полковымъ лѣкаремъ. Я, не сдѣлавъ привычки ко употребленію горячихъ напитковъ, игралъ на билі-

ардѣ, между шѣмъ какъ прочіе до-
пивали прешью чашу пунша, и окон-
чавъ игру вошелъ въ собраніе въ
самый шотъ часъ, какъ господинъ
лѣкаръ короновалъ попойку, прогло-
тя остатки пунша съ такимъ усер-
діемъ, что чаша учинилась столь-
ко же пунша, какъ и голова его.
Шумъ сбродныхъ разговоровъ, бывае-
мый при шаковыхъ случаяхъ, дол-
женствовалъ немедленно воспріять
свое начало, и господинъ врачъ, у
котораго винные пары разсыпали по
лицу разноцвѣтннй мраморъ, от-
крылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:
— Въ свѣтѣ заслуги рѣдко по-
лучаютъ достойное воздаяніе: за-
виспчивость людей всегда щипится
запмишь блескъ оныхъ, и чрезъ то
видимъ мы попомковъ знаменитѣй-
шихъ прародителей не въ шомъ со-
стояніи, въ коемъ бы по надлежа-
щему казаться имъ надлежало. Я
самъ бы подверженъ былъ сей уча-
сти, когдабъ великое мое искусство
въ медицинѣ не было мнѣ сообщено
съ

съ кровію отъ моихъ пра-прародителей; однако благодаря судьбѣ, я имѣю надежду украсишь собою памяшь моихъ предковъ. Два года, какъ я въ семъ государствѣ, но меньше нежели еще въ годъ должно будетъ мнѣ дать чинъ Архіатера. . . . И такъ вѣдайте, любезные пріятели, что въ сей вечеръ получили вы щастіе имѣть въ своемъ обществѣ роднаго внука славнаго Дона Жуана Агва де Буена Фуенне Ирока Фуерте. Сей безсмертной славы дѣдъ мой родился въ столичномъ городѣ королевства Арагоніи отъ предковъ, не меньше какъ и онъ, славныхъ. — Лѣкаръ, продолжая свою повѣсть, почасу откашливался, а братъ его, близъ меня сидѣвшій, клялся въ то время предо мною, что онъ говоритъ самую правду. Я крѣпился сколько возможно, чшобъ смѣхомъ не помѣшать сей славной исторіи. — Въ первые годы своей науки, продолжалъ врачъ, дѣдъ мой находилъ великое удовольствіе углу-

блясья вѣ толкованіе разныхъ луч-
шихъ Химическихъ книгъ, а особливо
Теофраста Парацельза. Изъ оной
дѣлалъ онѣ многіе опыты не съ
просымъ только намѣреніемъ сы-
скасть Философическій камень, но
чтобъ открытъ глубочайшія тайны
лучшихъ лѣкарствъ. Ему и поща-
спливилось; ибо послѣ великихъ тру-
довъ и работы дошелъ онѣ до со-
ставленія особливаго балзама, имѣю-
щаго дѣйствіе всякія болѣзни, какъ
внутреннія, такъ и внѣшнія, исцѣ-
лять вѣ человекѣхъ и скопахъ ма-
лымъ числомъ капель. . . . Когда
о семъ славномъ изобрѣшеніи разнес-
ся слухъ, онѣ не имѣлъ ни день, ни
ночь покоя отъ приугошвленія сего
балзама, и руки его не успѣвали оный
раздавать. Вся Испанія и Португал-
лія почла его за дѣйствительнаго
удержателя ихъ здоровья. Прочіе
лѣкари положили руки вѣ пазуху,
не имѣя совсѣмъ дѣла; для того что
всѣ больные и здоровые обратились
къ моему дѣду. Отъ великаго успѣ-
шенія

сненія принужденъ онъ былъ просить о приспавленіи у воровъ его Королевскаго караула. Но чпожъ изъ этого случилось? . . . Онъ возбудилъ на себя ненависть и гоненіе отъ своей собратій, и принужденъ чрезъ то выѣхать въ другія земли для подавія помощи своимъ ближнимъ, тѣмъ больше, что во всей Испаніи чрезъ нѣсколько лѣтъ сряду не шокмо о больныхъ, но и о умершихъ было не слышно. . . . Въ сіе время въ Царѣградѣ свирѣпствовала ужасная моровая язва: смерть пожирала тамъ несчетное множество жителей; дѣдъ мой, для удержанія ея косы запасшись изряднымъ количествомъ своего балзама, отправился туда на корабль. . . . Послѣ короткой и трудной ѣзды къ великой своей радости проплылъ онъ въ Дарданелахъ, Сесто и Авидо. При рапортѣ Губернатору о корабельномъ экипажѣ никакъ не могли умолчать, что между прочихъ находится шутъ такой медикъ, который своимъ чудеснымъ бал-

балзамомъ въ Испаніи такое произвелъ дѣйствіе, что за нѣсколько уже лѣтъ не слышно тамъ ни о больныхъ, ни о умирающихъ. . . . Губернаторъ тотчасъ приказалъ его къ себѣ просить, и взявъ у него фляжку балзаму, одарилъ богато, и отправилъ съ поручительнымъ письмомъ къ великому Визирю. Сіе имѣло такое дѣйствіе, что при самомъ его вѣздѣ въ Царьградъ узналъ объ немъ великой Султанъ, сераль и весь городъ, и разобрано балзаму 658 пудъ, 40 фунтовъ и 12 унцій, каждый фунтъ по два червонца, исключая огромные подарки отъ Султана. Маровое повѣтріе въ томъ же день утихло. . . .

Не можно было никакъ удержаться мнѣ отъ смѣха, слушая такое неслыханное лганье: я хохоталъ зажавши ротъ платкомъ, а братъ лѣкаревъ, увѣряющій меня безпрестанно о справедливости повѣсти, по примѣшилъ, и началъ бросать на меня косые взгляды, но лѣкаръ продолжалъ. Въ

Въ самоежъ по время Опшоманская Порша, заключа опнять у свѣпльйшей Венеціанской республики островъ Кандію, дѣлала великія вооруженія. А какъ дѣдъ мой съ Визиремъ Кюперли, начинщикомъ сего предпріяшя, былъ въ великой пріязни, то и согласился по его прозбѣ присущствовать въ семъ походѣ, и въ продолжительной осадѣ крѣпости Каней. . . . Тогда случилась вылазка отъ Венеціанскаго гарнизона, на копорой 800 Туркамъ раскололи на двое головы. Находящіеся при Турецкомъ войскѣ врачи не осмѣлились лечить сихъ смертельно раненыхъ, почитая оныхъ за дѣйствительно умершихъ; но дѣдъ мой съ бодрымъ духомъ взялся за ешо, и помощію своего балзама учинилъ шаковое чудо, что ни одинъ изъ сихъ раненыхъ не шокмо не умеръ, но чрезъ недѣлю находился гошовымъ къ исправленію своей должности. Ничего ему шущъ не было опягошительнаго, кромъ зависши Турецкихъ врачей.

чей. По завоеваніи крѣпости дѣдѣ мой не счелъ заблаго больше путь оставаться; онъ отѣхалъ моремъ въ Аѳины, и запасшись составомъ своего балзама, отправился въ Седмиградію. . . . При проѣздѣ его чрезъ главный сего Княжества городъ Германштадъ, Князь Седмиградскій лежалъ на смертной постелѣ. Всѣ опчаялись о его выздоровленіи; въ самомъ дѣлѣ онъ отшелъ уже въ самую ту минушу, какъ дѣдѣ мой ѣхалъ мимо Дворца. Окны были расшворены въ той комнатѣ, гдѣ лежало шло скончавшагося Князя. Дѣдѣ мой невзначай вынулъ изъ кармана флажечку съ своимъ балзамомъ, и открывъ оную началъ нюхать. Пріятный происходящій отъ онаго запахъ тотчасъ перешелъ чрезъ водяной ровъ, валъ и стѣну замка во Дворецъ до комнаты, гдѣ лежало шло. Всѣ предспоящіе почувствовали неслыханное благовоніе, и къ величайшему всѣхъ удивленію почишаемый за умершаго Князь открылъ

крыль глаза, и спрашивалъ у изумленныхъ своихъ подданныхъ: откуда происходитъ сей пріятный запахъ? Попомъ приказалъ шакovýmъ бодрымъ голосомъ, какъ бы и боленъ не бывалъ, изслѣдовать причину запаха. . . . Не трудно было добраться: дѣдъ мой призванъ, помазалъ Князю подъ носомъ, и Его Свѣшлость не шокмо въ самую ту минушу выздоровѣлъ, но послѣ того жилъ еще 33 года, 6 мѣсяцовъ и шесть дней съ четвертью. —

Не достало больше силъ моихъ удерживаться; я захохоталъ во весь голосъ. Многіе изъ собранія мнѣ послѣдовали и смѣхъ продолжался бы, естлибъ братъ лѣкаревъ не счелъ сего за обиду и не спалъ мнѣ повелительнымъ образомъ приказывать удержаться отъ смѣха. Винные пары сдѣлали его весьма дерзскимъ: онъ началъ меня побранивать, и я, пришедъ въ досаду, принужденъ былъ ему сказать: Жаль, что дѣдъ вашъ не оставилъ вашему братцу своего

своего чудеснаго балзаму , который , я думаю , могъ бы съ пользою служить ко укрощенію вашего гнѣва. Но какъ братаецъ вашъ часто посылаетъ гонцовъ къ покойнику , по успокойтесь во ожиданіи , не возвратитесь ли который съ балзамомъ. Сего довольно было взбѣсиль гордаго Испанца до крайности ; онъ вызвалъ меня на поединокъ , посредники выбраны , и мы вышли на дворъ. Слабый мѣсячный свѣтъ много надѣлалъ мнѣ труда защищаться отъ его ударовъ ; однакожъ имѣлъ я щастіе оныя отвести , и проколошь руку моему прошивнику. Тѣмъ кончился сей опасный поединокъ ; насъ примирили ; но раненый мною послѣ излеченія хопя и казалъ видъ пріятельскій , но въ сердцѣ питалъ жестокою прошиву меня злобу , и слѣдствие открыло оную самымъ безчестнымъ намѣреніемъ. Нѣкогда возвращался я очень поздно домой , и нечаянно остановленъ былъ отъ трехъ человекъ съ

об-

обязанными шпагами. Мѣсячный
сѣтъ показалъ имъ, что я шопъ,
котораго они дожидались, и они на
меня напали. Тотчасъ узналъ я
между ими негоднаго шого Испанца,
который злодѣйски умыслилъ оп-
ишить мнѣ свою рану. Я укорялъ
его подлостію его предпріятія; од-
нако принужденъ былъ защищаться.
Безъ сомнѣнія они умерщвили бы
меня; ибо я, выбившись изъ силъ,
получилъ уже легкую рану въ руку,
когдабъ не вы, любезный Маркизь,
приведены были случаемъ къ моему
избавленію. Злодѣи осмѣлились было
и на васъ напасть, и безъ сомнѣ-
нія заплашили бы недешево за свою
дерзость, естлибъ подлая трусость
вскорѣ не обратила ихъ въ бѣг-
ство. Я не хотѣлъ вынести сего
произшествія, и дѣло шѣмъ кончи-
лось.

Послѣ двулѣпняго пребыванія
моего при полку вмѣстѣ съ шобою,
любезный другъ, надлежало мнѣ съ
шобою разстаться, чтобъ удовле-

Часть VII.

Е

шво-

шворишь природѣ. Долговременная разлука съ моимъ родителемъ принудила меня проситься въ опускѣ; я оный получилъ, и поѣхалъ. Кажется съ самаго того времени мы другъ друга не видали; ибо вы переведены были въ другой полкъ.

Не стану объяснять себѣ обстоятельство прѣзда моего въ домъ: представъ себѣ родителя горячаго, который послѣ долговременной разлуки объемлетъ сына, изъ дѣшей своихъ любимаго; я имѣлъ сіе счастье, я вкусилъ восторгъ сей, и знаю, коль пріятны слезы, проливаемые ошѣ радости. Отдавши должное крови, принималъ я ушѣшеніе обиташъ оныя въ томъ домѣ, гдѣ я воспитанъ. Привычка, вкореняемая съ малолѣтства, обращается въ природу; и такъ не удивительно, что и я былъ въ полномъ спокойствіи, взирая на шѣ мѣста, къ коимъ глаза мои сначала сдѣлали привычку.

Между

Между тѣмъ сердце, повадившееся пылать и просужаться, не было довольно, наполняясь любовію родственною; оное изъяснило мнѣ, что есть въ немъ довольно мѣста, свободнаго къ помѣщенію чего нибудь понѣжѣ. Должность удерживала на нѣсколько сіи побужденія, но напослѣдокъ принужденъ былъ я просить позволенія, навѣщать дѣмы родительскихъ пріятелей. Мнѣ тѣмъ охотнѣе было на то позволено, что отецъ мой самъ хотѣлъ мнѣ о томъ напомнить, и ожидалъ только того прошествія времени, коего число изъ родительскаго сожалѣнія почиталъ для меня потребнымъ на отдохновеніе послѣ трудовъ военныхъ.

Дни проходили въ переѣздахъ; я принужденъ былъ поступки мои приравливать къ свойству посѣщаемыхъ мною особъ; ибо отецъ мой, искусившійся въ обращеніяхъ свѣтскихъ, и примѣшившій во мнѣ нѣсколько вѣтренности и дерзкой живости по обычаю модныхъ молодыхъ, шокобалъ мнѣ свойства

сосѣдей, и научалъ, что долженъ я примѣчать, желая онымъ понравиться. Когда ты поѣдешь, говорилъ онъ, къ сосѣду моему Скрыгину, опнюдь не надѣвай на себя кафтана новаго, не упоминай про моды, и почищая швое платье говори почаству: Ахъ! какая дорогою пыль, все платье изгадилъ! Еслили уймешь онъ тебя обѣдать: — счастье рѣдкое! — каковъ споль его ни скверенъ, скажи, что онъ ѣстъ роскошно. Ты шѣмъ полюбишься ему лучше меня, попому что я чернаго никогда не называю бѣлымъ; но сія повадка для нынѣшнихъ обычаевъ не годится. . . . . Съ господиномъ Старосѣловымъ начинай разговоръ о войнѣ съ Турками, и о превосходствѣ древняго военного состоянія противу нынѣшняго. Ты найдешь на языкѣ его архиву о его храбрости. . . . У г. Нелюдинова опасайся говорить съ его дочерью, и не смотри пристально на его сожительницу. Ругай всякую во обращеніи

ВОЛЬ-

вольность; въ противномъ же случаѣ жена и дочь будутъ биты, и тебя приметъ онъ очень сухо.... Вошедъ въ домъ къ господину Пилатову, скорѣй начинай рѣчь о тѣлесныхъ наказаніяхъ; скажи, что ты въ военной службѣ подчиненныхъ своихъ только тѣмъ привелъ въ исправность, когда началъ давать онымъ на день по тысячѣ ударовъ палками. Онъ потчасъ будетъ отвѣчать, что не бывши весьма драчливымъ, и не переувѣча своихъ подчиненныхъ, никто не можетъ быть достоинъ своего званія. Потомъ доведешь разговоръ до своихъ слугъ, припишешь онымъ всѣ пороки, и что будто бы оные рождены единственно для наказанія; а во увѣреніе того, тогда же (для забавы гостямъ) разкваситъ двумъ, или тремъ носы, и нѣсколькихъ высѣчешъ бапогами. Ты скажи ему, что намѣренія его очень обществу полезны, и уѣзжай скорѣе, для того что челоуѣколюбивому сердцу непріятно мѣшкать

вѣ розыскомѣ приказѣ... Г. Ехиднинѣ наскажетъ тебѣ тысячу вѣсшей вѣ поношеніе всѣхъ знакомыхъ лицѣ , и тѣхъ , коихъ имена извѣстны ему по одному слуху. Желаящій ему нравиться долженъ сдѣлаться злоязычникомъ и вредить чести людей , коихъ сосояніе извлекаетъ зависть изъ очей Ехиднина. Еслии шутъ же случится госпожа Змѣйкина , то ты будешь присутствовать при тайномъ совѣтѣ , гдѣ выдумываютъ способы къ развращенію истинной пріязни , къ ссорѣ родственниковъ , къ несогласію супружества , къ разорванію союзовъ и шому подобнаго , и гдѣ сочиняютъ вредныя испоріи на щепъ невинности. Впрочемъ не пускай изъ рукъ палки , для того что они бросаются на людей и кусаютъ. — Довольно съ тебя сихъ характеровъ , продолжалъ отецъ мой , о прочихъ догадывайся сравненіемъ : еслии ты имъ не понравишься , благодари небо , ты хорошо воспитанный и честный человекъ.

вѣкъ. — Чшо жь лежитъ до Добро-
кусова, Проспосердова и Благопрраво,
ва, шущь предувѣдомленіе ненуж-
но; они мои пріятели. Въ самомъ
дѣлѣ нашелъ я ихъ таковыми,
и выѣзды мои были почти един-
ственнѣ къ нимъ. Но сердце мое
не перестало мнѣ докучать лю-
бовными предпріятіями, поколь не
пошевелила его Лодана. Она была
за господиномъ Глуподуховымъ, ко-
шорый, шолько женясь на ней, при-
былъ въ свою близъ лежащую отъ
насъ деревню. Свѣдавъ про новыхъ
сосѣдей, я къ нимъ пріѣхалъ. По-
слѣ первыхъ учтивостей глаза мои
обрашились на Лодану, и нашли въ
ней нѣчто шакое, кошорое переша-
нуло равновѣсіе свободаго сердца
на ея сторону. Она была недурна
лицомъ, молода и воспитана поде-
ревенски. Я зналъ уже шпороною,
чшо она мало чувшвуешъ любви къ
мужу, за коего вышла по прину-
женію своихъ родспвенниковъ; но и
можноль было и ей принудить себя

познавать цѣну нѣжности супружества, когда человекъ, съ нею соединившійся, не имѣлъ ни о какой любви, ни о свѣтскихъ обращеніяхъ понятія. Онъ щипалъ жену свою невольницею, и думалъ, что ни о чемъ больше въ разсужденіи ея разумѣть не долженъ, какъ только о безпредѣльной своей надъ нею власти. Онъ умѣлъ дѣлать ревнивыя привязки, и былъ тиранномъ особы, принуждающей себя по необходимости любить того, коему спокойствіе ея отдано судьбою. Но если бы онъ зналъ, что любовь жены ничемъ другимъ утверждается, какъ взаимною любовію, довѣренностію и исканіемъ, можетъ бы избѣгъ онъ того неудовольствія, коего причину навлекъ своими поступками.

Посоветовавъ съ моею праздно-
спію и съ сердцемъ, положилъ я
намѣреніе увѣдомить Лодану о ша-
кой любви, которая можетъ доставить ей больше пріятности, нежели
ша, къ коей она себя принуждаетъ.

На

На сей конецъ обратился мое исканіе къ ея мужу; а частыя свиданія, ласковое обращеніе и исканіе сдѣлали мнѣ изъ него пріятеля, и шѣмъ больше, что я вооружался прошиву оуждавшихъ недоставки его просвѣщенія.

Не дивись, любезный Клорандъ, продолжалъ Любимиръ, что я сдѣлался ласкашелемъ: довольно обращающаяся въ свѣтѣ, должно было что нибудь занять изъ его обычаевъ.... Но скажи, кого ты знаешь изъ тѣхъ безпристрастныхъ, не употребляющихъ припворства въ мѣсцахъ, гдѣ видяшъ свою прибыль.

Я осмивался иногда одинъ съ Лоданою, когда мужъ ея, бывъ великій домостроитель, оплучался отъ насъ на цѣлый день. Ревнивый нравъ его не снесъ бы такового искушенія, естлибъ не хотѣлъ онъ казаться подражателемъ обыкновенія наспоющаго времени; а особливо когда описалъ я ему обращеніе супруговъ, живущихъ въ городахъ. Ужешь въ

Е 5 ка.

какомъ презрѣннѣи, сказывалъ я, тѣ люди, кои, подражая Туркамъ, запираютъ женъ своихъ, или примѣчаютъ за всѣми ихъ движеніями, такъ что ни на минуточку не спускаютъ оныхъ съ глазъ своихъ. Разберитѣ, государь мой, продолжалъ я: естли кто не имѣетъ довѣренности къ женѣ своей, то чувствованіе сіе нѣкимъ образомъ открылъ глазамъ постороннихъ: не возбуждаетъ ли то предосудительныхъ мыслей о ней? Невинная супруга, подвергаемая предразсудкамъ, сноситъ нѣсколько, теряетъ перпѣливость, а наконецъ вздумаетъ, что для права ревниваго все равно, быть ей правою, или виновною. Таковыми, хотя и неоспоримыми, доводами старался я позолотить приготовляемыя мною ему пилюли. Сомнѣваюсь, чтобъ наединѣ съ сожительницею держался онъ моего наставленія; по крайней мѣрѣ при мнѣ не дѣлалъ на оное возраженія, и я, сидя съ Лоданою по цѣлымъ супкамъ, его не видывалъ.

До-

Лодана имѣла посредственно
 вѣрочивый разумъ, но была не-
 просвѣщена. Она видѣла людей,
 хорошо воспитанныхъ и обращающих-
 ся въ свѣтъ, желала онымъ по-
 дражать, но не успѣвала; ей на-
 добенъ былъ учитель, и я безъ
 найма принялъ на себя сію долж-
 ность. Прежде всего старался я
 внушить ей легкомысліе, посадилъ
 въ голову всякія вздорныя желанія:
 ваглость, пышность и презрѣніе
 къ мужу. Послѣдній урокъ повто-
 рялъ я чаще, и съ радостію при-
 мѣчалъ, что она вытвердила оный
 наизусть. Такъ воспитывающъ и
 шѣ учителя, коимъ одно имя ихъ
 отечества служилъ одобреніемъ, и
 коимъ слѣпо ввѣряютъ юношество,
 коему долженствуешь быть под-
 порою отечества. Плоды сего уже
 видны, но дай небо, чтобъ оныя
 не вырѣли.— Однако мои намѣренія
 не Французскія; я связывалъ шля-
 пу на свой вкусъ, почему и зналъ,
 которую сторону согнуть и кошо-
 рую обрѣзать.

Съ

Съ мѣсяцъ продолжалъ я теорію ; Лодана была понятна. Я началъ полковать ей сферу Купидонову ; она выслушивала съ прилѣжаніемъ , и надлежало открыть практику ; но прежде приступленія къ тому , не забыла она спросить , знаю ли я городъ , называемый молчаливостъ . Я пушешествовалъ довольно по свѣту , чтобъ пропустилъ ее обнадеживъ , что сіе мѣсто мнѣ всѣхъ прочихъ пріятнѣе ; послѣ чего она вычернила изъ словаря своего слово отговорка . Сердце мое оспалось бы довольно , естли бы случай не привелъ въ пошъ домъ Клерину .

Клерина была вдова въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ , природныя ея дарованія отвѣтствовали воспитанію ; она не могла назваться красавицею , но лице ея изображало самую пріятность ; прибавьте къ тому острый разумъ , вольность въ обращеніи и живость , свойственную женщинамъ нынѣшняго свѣта : все сіе возвышало ее надъ Лоданою . Я
ее

ее увидѣлъ , и жребій моего сердца былъ бы пошчасъ рѣшишленъ , естли бы я погдажъ могъ вѣдать, что Клерина , примѣтившая уже сію любовь мою , почишала мое сердце болѣе достойнымъ себя , нежели Лоданы ; но неизвѣстность удерживала дошоль шайныя мои движенія , и я глаза мои , спремящіеся за Клериною , возвращалъ къ Лоданѣ , чтобъ желая имѣть лучшее , не потерять того , что уже имѣлъ. Клерина догадывалась , и приказывала мнѣ нѣчто чрезъ свои взоры ; кажется обвиняли оныя мою медленность ; я понималъ и пришворялся непонимающимъ. Она досадовала , а я казался нарочно страшнымъ не въ ея пользу , и тѣмъ ее побѣдилъ. Женщины почти всѣ высокомерны , но желая торжесшвовашъ надъ своими подругами , а особливо естли сердце въ чемъ либо участвуетъ , оставляютъ гордость . Клерина , скучая моимъ равнодушіемъ , опредѣляетъ сама сказать мнѣ то , чего отъ
меня

меня не дождалась; и случай открылъ ей къ тому способъ: у Лоданы было собраніе, я желалъ дѣлать съ нею время, но она, какъ хозяйка деревенская, почасту оплучалась. Клерина, примѣчающая всѣ мои движенія, сѣла близь меня, и начавъ разговаривать о вещахъ постороннихъ, такъ распространила рѣчь свою, что она удержала меня съ нею и тогда, когда все собраніе и хозяева вышли прогуливались.

Вы бѣжите, сказала она удерживая меня за руку, когда я хотѣлъ идти; однако не можете ли вы удѣлать нѣсколько времени, веселостямъ посвящаемаго, чтобы жертвовать онымъ скукѣ, оспашься со мною? — Я отвѣчалъ, что вмѣсто того исполнишь повелѣніе ея мнѣ весьма пріятно. — Государь мой! больше чистосердечія. . . . спросите у вашего сердца, не лучше видѣть Лодану? не правдаль? Я побилась бы о закладъ, что —

Вы

Вы пробьете, сударыня, подхвастилъ я. — Нѣтъ, выиграю. — Можешъ бышь; но такую малость, что не спойшъ труда любопытствовать. — О! что лежишъ до сего, я желала бы, чтобъ и ваше сердце было нѣсколько любопытнѣе. — То есть, если бы оно осмѣлилось изъяснить вамъ прямыя свои чувствованія; выслушаете ли вы оныя безъ презрѣнія? — Сколь много владѣетъ вами Лодана, не по ли? Вы можете положиться. — Оставимъ Лодану, сударыня; если бы я на примѣръ сказалъ, что такая особа, какъ вы, не можешъ взирать на человека такого; какъ я, не произведя чего нибудь въ его сердце. — Можешъ бышь я выслушала бы; однако вы шупите: пора вамъ видѣшь Лодану, сказала она и ушла, оставя зараженное мое непостоянствомъ сердце въ такомъ неравновѣсїи, что я не зналъ, въ которую сторону обратится его стремленіе. Однако Клерина была жива, она

она имѣла нѣчто привлекательное, и новость нравилась душамъ, упоеннымъ легкомысліемъ: я забылъ Лодану, и Клерина восхитила всю мою склонность. Она подала сама мнѣ надежду; новая любовь погашаетъ старый пламень. Клерина! я уже твой; ты предметъ моихъ желаній. Прости Лодана.

Остатокъ дня глаза мои не пробѣгали ища Лодану; оныя медлили у Клерины. Мы взаимно находили болѣе пріятности бытъ вмѣстѣ, разговоры наши были пламенны, довѣренность умножилась, и я изъяснилъ ей все чувствованіе души. Лодана сіе видѣла; но я не старался примѣчать взгляды ея, гнѣва и холодности наполненные. Время то было посвящаемое десятидневнымъ въ году веселостямъ: мы были всегда вмѣстѣ съ Клериною, и любовь наша утвердилась. Лодана меня презрѣла; я снесъ оное съ крайнимъ равнодушіемъ. Она приказала мнѣ себя забыть; я и такъ уже о ней

ней не думалъ, имѣя любовницу, достойную лучшаго сердца, нежели каково было тогда мое. Должно признаваться, что Клерина умѣла меня къ себѣ привязать, нечувствитель-но вливая въ меня дѣйствія любви велицеобривныя, и можетъ бы она меня исправила, есшлы бы ошѣздѣ мой къ военной должности не испоргѣ меня изѣ ея обѣашій. Разсаваніе еіе было съ пролишемъ слезѣ, изшекающихъ ошѣ истиннаго огорченія.

Ты, любезный Клорандѣ, надѣюсь слышалѣ, что я тогда поеланѣ съ военнымъ ошрядомъ въ весьма удаленное мѣсто. Трудная дорога съ напоминаніемъ драгой Клерины дѣлала дни разлуки моей съ нею весьма несносными. Но время, все заглаждающее, пріучило меня по малу бышь шерпѣливѣе. Новое мѣсто и должность разогнали шоску мою: я воображалѣ уже о Клеринѣ съ меньшимъ сожалѣніемъ; а особливо полагаѣясь на истинную ея любовь, ждалѣ съ надеждою шого вре-

Часть VII.

Ж

ме-

меми, когда возвращаясь найду горячность ея непремѣнншеюся. Всѣ влюбленные чающъ облегчить тайныя движенія сердца, шокку въ разлукѣ производящія, когда полагающся на вѣрность любезнаго предмета. Человѣкъ свойства недовѣрчиваго бываетъ самъ себѣ шираниѣ, и никшо, какъ онѣ, не имѣетъ таковаго искусства обращать помышленія въ спранныя и мучительныя для себя идеи; сія участь есмь всѣхъ ревнивыхъ.

Прошло нѣсколько времени, въ которое старался я познакомиться съ живущими въ томъ мѣстѣ, куда я прибылъ, и домъ господина * * * показался мнѣ лучшимъ, потому что въ немъ увидѣлъ я дѣвицу Ангелину. Да проспитъ мнѣ Клерина, естли я возчувствовалъ что нибудь къ сей дѣвицѣ; она походила на нее во всемъ, кромѣ невинной молодости. И такъ спалъ я не изъ числа свободныхъ, и вздохы мои выгоняла уже не разлука,

но страшъ новая, и которыя успѣхамъ предстояли великія препоны. Ангелина была питомица въ помѣиномъ домѣ: господинъ * * * не бывалъ женатъ, но имѣлъ у себя госпожу Агнезу вмѣсто супруги, кой власшь надъ всѣми въ домѣ была безпредѣльна, и подъ ея спрочайшимъ присмотромъ взростала моя красавица. Узнавъ сіи обстоятельство, я шерялъ надежду быть когда нибудь щасливымъ въ моей любви. Самое то, что Агнеза была незаконная жена господина * * *, дѣлало несвободнымъ входъ холоднаго мущины; но чего не можетъ достигнуть иногда дерзость? Вы увидите, слѣдовалъ ли я совѣшамъ разума, предсшавлявшаго опасность и невозможность; я боялся, чтобъ оныя не разсыпали заблужденія, кое мнѣ было дорого, чтобъ опрещись отъ него добровольно; мнѣ пріятнѣе было совѣшовать съ моимъ сердцемъ. Я размышлялъ можетъ быть слѣдующимъ образомъ: я плѣненъ,

Ж 2

и

и не могу быть безъ Анжелины ; но госпожа Агнеза . . . это очень неловко , чтобъ отъ ней зависѣла вольность особы столь прелестной . Но чтожъ начать ? Пусть сыщу я случай открыться моей красавицѣ , пусть буду и щастливъ , что меня выслушаютъ , пусть меня полюбятъ ; но такъ ли скромны влюбленные , чтобъ движенія ихъ укрылись отъ глазъ постороннихъ . Агнеза ! ты все сіе проникнешь , ты узнаешь , и все будешь шестно ; однако поищемъ средствъ , не можно ли усыпишь тебя ? не ужъ ли сердце швое неприсупно ? завернемся съ слабой стороны ; итъ ли шуть къ оному дороги ? а попомъ немудрено тебя ослѣпить .

Въ самомъ дѣлѣ я не нашелъ лучше для начала , какъ спараться пѣвнишь влюбчивую Агнезу ; что и исполнилъ . Простосердечіе господина * * * не могло различить причины моей къ нему услужливости и ласкашельствъ : онъ принималъ оныя
я

за знакъ истинной пріязни, почему и отвѣчалъ нескупо на мое исканіе, даже что предъ всѣми своими знаковыми казалъ мнѣ ошмѣнное дружество. Я спалъ коротокъ въ его домѣ, ничто отъ меня было нескрыто, и случай ушвердилъ любовь его ко мнѣ по слѣдующей причинѣ: сердце Агнезы показалось для него уже нѣсколько вешко: онъ влюбился въ одну госпожу, жившую въ томъ городѣ. Я, провождая у ней почасту съ нимъ время, примѣшилъ его волокишу, и осмѣлился сказать, что страшъ его мнѣ нѣсколько знакома. Онъ сначала заперался, но послѣ открылся, и я сдѣлалъ его наперстникомъ. Съ того времени предпріятіе мое не имѣло никакого препятствія: господинъ * * * самъ просилъ меня, чтобъ я не промолвился Агнезѣ, и для прикрытія частыхъ его оплучекъ потрудился бы ей дѣлать общество, и сидѣть съ нею во время его оплучекъ. Можно догадаться, что я не упрямился оказатъ

Ж 3

ему

ему послушаніе, и шоль часто исполнялъ сію должность, что Агнеза привыкла быть спокойною, или лучше сказать скучала, когда я не дѣлилъ съ нею наединѣ долгія осеннія ночи. Но говоря яснѣе, въ первые еще дни открылъ я ей припворную любовь мою. По малыхъ супрошивленіяхъ, кои обыкновенно употребляютъ женщины, играющія роль госпожъ, отворила она пущь къ своему сердцу, и не различала меня ни въ чемъ съ своимъ названнымъ супругомъ. Я получилъ совершенную вольность въ ея домѣ, и такую довѣренность, что не подозрѣвала она оставяшь меня одного съ дѣвицею Ангеліною, когда выѣзжала со двора. Всѣ служители господина * * * были на моей сторонѣ; я велъ тогда щасливо игру въ карты, имѣлъ много денегъ, кои не щадилъ разсыпашь по рукамъ, намѣренію моему способствующимъ. Мнѣ оставалось приказывать, и все было бы исполнено; для подлыхъ душъ
нѣщѣ

нѣшѣ опговорки, еспѣли повелѣваешѣ
ими золошо.

Вѣ первый день, когда Агнеза
должна была ѣхашѣ со двора, и меня
просила дождашѣся ее у ней вѣ домѣ,
нашелѣ я свободные часы опкрышѣ-
ся Ангелинѣ. Мы были одни вѣ ея
спальнѣ, услужливая мамка понима-
ла можешѣ бышѣ мое желаніе, и
оставила дшя на мое попеченіе. Но
когда ничшо уже не мѣшало изѣяс-
нишѣ мои чувспвованія, спраспное
мое сердце повергло меня вѣ робосшѣ,
и я сполькожѣ разѣ былѣ безгла-
сенѣ, сколько покушался начинашѣ
говоришѣ. Однако наконецѣ уда-
лось миѣ найши языкѣ мой; я го-
ворилѣ схвашя ея руку: И шакѣ сія
щаспливая минуша должна награ-
дишѣ миѣ, прекрасная Ангелина, всѣ
долговременныя мученія, кои сноси-
ло сердце мое, сѣ перваго на васѣ
взора вами занятое; сколько разѣ
искалѣ я. . . . какихѣ принужденій
не дѣлалѣ самѣ себѣ, чщобѣ дой-
ши чрезѣ шо способосши унаспѣ

кѣ ногамъ вашимъ ! Но чего не пре-
 одолѣешь пошѣ , коему жизнь мила
 бытъ можетъ только тогда , еспли
 вы истребите изъ ней горести ,
 опчаянїя , спрастью безнадежною
 производимыя . Вы видите предъ со-
 бою челоуѣка , васъ обожающаго ;
 любовь на вѣкъ впечатлѣла въ душѣ
 моей прелестный вашъ образъ . Люб-
 лю васъ , прекрасная Ангелина , люб-
 лю больше моей жизни . . . . Но вы
 смущаетесь ; прелестный румянецъ
 покрываетъ лице ваше ; не гнѣва ли
 онъ дѣйствіе ? . . . Я дерзнулъ , при-
 знаніе мое васъ прогнѣвляетъ . . .
 накажи мое дерзновеніе , еспли до-
 стошно казни по , чшобъ бытъ чув-
 ствительну кѣ совершенству прїям-
 ностей . Карай меня ; но я , усугуб-
 ляя вину мою , скажу еще , люблю
 себя , и ничто невластно потушитъ
 пламень , всю кровь мою сожигающій :
 ни смерть , ни самое твое презрѣніе .
 . . . Ахъ ! шы досадуешь ; призна-
 ніе мое навлекло гнѣвъ швой . . . .
 Я преступникъ , накажи меня , не
 вѣ-

вѣдай , что ничемъ лучше погубить меня не можешь , какъ презрѣніемъ шой спраши , кою дерзнулъ ошкрышь шебѣ , кою осмѣлилось пишать нѣжное мое сердце. Но въ моей ли состоипѣ волѣ не чувствовашь того , что всю заняло мою природу ? жестокая любовь умѣла покоришь меня съ перваго взора , когда глаза мои едва успѣли ошановишься на прекрасномъ лицѣ швоемъ. Вии лучше свои прелести ; а я не ужѣ ли шѣмъ виновенъ , что чувствую то , чего не лзя не чувствовашь себя узнавци. . . . Ахѣ ! пусть буду я злополученъ , когда уже шебѣ извѣсна спрасть моя. Вѣрь , дражайшая Ангелина , я не лщу шебѣ ; кто умѣлъ полюбишь шебя , шотѣ не можешѣ бышь обманщикомъ. Гнусная ложь достойна ли того сердца , коимъ шы обладаешь.

Я продолжалъ стояшь предѣ нею на колѣвахъ , которое положеніе взялъ я во время моего извѣсненія , и пламенные взоры , усшремленные на

Ж 5

Анге-

Ангелину, были посредниками того препета, съ каковымъ ожидалъ я рѣшенія моей участи. — Не удивись, любезный Кларандъ, что я съ шаковымъ жаромъ рассказываю о любви, давно уже испребившейся: я вообразилъ ту особу, копорая по-среди самой развратной моей жизни была мнѣ весьма мила, и копорая одна могла внушить въ меня любовь безпришворную. Ахъ! естли бы я любовь сію не опорочилъ, когдабъ я не погубилъ швою невинность, Ангелина, ты бы не имѣла раскаянія быть недоспойною любви супруга, доспойно имѣющаго тебя въ своихъ объятіяхъ. Но я свирѣпый, я восхитилъ спокойство швоей совѣсти; я во зло упошребилъ швою довѣренность, я попралъ законъ любви безпорочныя, ты меня презрѣла, забыла, и не воспоминаешь можешь быть, какъ злодѣемъ ненавистнымъ; я больше сего заслуживаю. — Увы! естли бы я тебя не зналъ, невинность швоя цвѣла бы, и небо избавило бы меня того

ного наказанія, кое по дѣламъ раз-
вратной моей жизни справедливо воз-
мгаешъ на меня чрезъ любовь, на
ѣлки, въ душѣ моей вкорененную.
Ангелина! оно мститъ мнѣ за тебя;
Гремислава есть сіе орудіе; она куп-
но исправляетъ сердце порочное, и
погружаетъ въ несчастія и горести,
которыя едва ли не съ жизнью моею
пресѣкшся. — Но я прервалъ мою
повѣсть, продолжалъ Любимиръ, ис-
пустя тяжкій вздохъ; воображенія
продолжили воспоргъ, грудь мою про-
бывающій. Внимай, Маркизъ, окон-
чаніе моихъ исповствъ.

Ангелина была молода, невин-
на, застѣнчива; она смущается,
разныя спрашпи раждаются въ
душѣ ея, и колебля внутренность,
выбѣгають наружу, чтобъ сра-
жались на прелестномъ лицѣ ея:
шо видѣнъ розовый пламень, сты-
домъ и робостію написуемый,
шо пожираетъ оный страхъ смерш-
ною блѣдностію; гласъ природы
съ своей стороны торжесивуетъ
въ

вѣ ея сердцѣ. И вѣ сихъ нервѣши-
мыхъ обстоятельствѣхъ усиливает-
ся она произнесъ: Ахъ, сударь! . . .
вы желаете. . . . я не знаю. . . .
встаньте, я опасаюсь, чѣтобъ кто
. . . . не утѣснитъ мою невин-
ность. —

Возможно ли, прекрасная Анге-
лина, прервалъ я слова ея; возмож-
но ли, чѣтобъ невинность ваша спра-
дала; плѣнникъ вашъ можетъ ли
утѣснить оную? Опасности никакой
нѣтъ; осмѣлился ли бы я раскрыть
предъ вами мою душу, когда бы
опасался, чѣтобъ то свѣдомо могло
быть другимъ? Тайна, содержащая
цѣну моей жизни, пребудетъ пред-
осторожности; она уже взята. Но
ахъ! смятеніе ваше. . . . отвѣтъ
сомнительный пронзаетъ мою грудь;
напастъ моя очевидна. . . . вы
презираете любовь мою, и изъ жа-
лоспи лишь медлите поразить ме-
ня. . . . Наказывай, жестокая и
любезнѣйшая Ангелина; грудь моя
голова принявъ всѣ удары, побюю
при-

ируготпоявляемые. Но о чемъ еще
 я сомнѣваюсь? не ужъ ли взоры мои
 и прежде не сказывали ей того,
 что я чувствую; въ оныхъ написа-
 на была вся душа моя. Ангелина
 всегда опшрощала свои очи; она пре-
 зирала любовь, открываемую моими
 движеніями. Не медли, жестокая; у
 ногъ твоихъ дождусь я моей уча-
 сти, естли еще смѣю ласкаться мо-
 ему сердцу. — Встаньте, сударь,
 сказала Ангелина поднимая меня;
 сколько мущины неперпѣливы! вы
 хотите, чтобъ я вдругъ рѣшилась
 на то, что пребуешь великаго раз-
 мышленія. Дайте мнѣ время при-
 звать мой разумъ; онъ долженъ
 меня предводити въ той дорогѣ,
 кошорая неизвѣсна еще моему серд-
 цу, и о коей съ однимъ онымъ
 должна я совѣтовать. Слышала я
 много, каковы мущины вѣроломны,
 и что сердце не со всѣми словами
 ихъ согласуешь. Дозвольтежъ мнѣ
 помыслишь, ... и наконецъ вѣ-
 дайше, . . . что естли я могу вни-
 манъ

мать шаковымъ предложеніямъ , тѣ вы будыше одинъ изъ мущимъ , къ коему я могу чувствовашь больше , нежели почшеніе.

Отвѣтъ сей обрадовалъ меня ; я схватилъ прекрасную ея руку , и цѣлуя хотѣлъ увѣряшь въ чисто-сердечной любви моей , но шорохъ идущаго челоуѣка принудилъ меня сіе оставишь . Я отскочилъ съ шоропосшію , сѣлъ поодаль на стулѣ , и взявъ лежащую книгу , началъ будшо бы чашать . Вскорѣ услышалъ я голосъ госпожи Агнезы , что усугубило прилѣжнось мою въ чпеніи . Она вошла , а я шакъ углубился въ книгѣ , равно какъ бы не примѣнилъ ея прибытія . Такъ - шо вы дѣлаше время съ молодыми дѣвицами , сказала Агнеза смѣючись , и съ шакимъ спрашнымъ видомъ , что я боялся , чтообъ сердце ея не выскочило вмѣстѣ съ словами ; пойдешъ , сударь , Ангелина худой вамъ товарищѣ . Она пошацила меня не давъ выговоришь ни слова , и я едва успѣлъ

успѣлъ обратишь пламенные глаза мои на Ангелину, оставшуюся въ смятеніи окрѣ неожиданной сей встрѣчи.

Естьли кто прождалъ самокутнѣйшіе часы, выводящіе изъ шerpтнiя, по это я съ госпожею Агнезою. Нѣжности ея меня бѣсили; и можно ли мнѣ было удовлетворять имѣ, когда мысли мои не представляли, кромѣ Ангелины? но необходимостъ принуждала прищворяться; должно было угождать, должно было имѣть видѣ страшный; одна сія маска, закрывая истинныя чувства, вела надежду мою на верхѣ ея желанія. Но со всѣмъ тѣмъ я игралъ роль мою шоль худо, что прещепалъ бытъ открытымъ. Однако Агнеза была слѣпа; она не видѣла иного, развѣ что представляло ей сердце ея, тающее посреди восторга и слабостей. Какъ скоро благоприспѣность дозволила мнѣ ее оставить, я спѣшилъ вырваться изъ ихъ ненавистныхъ объятий. Она про-

прощаясь объявила мнѣ о своемъ на нѣсколько дней отъѣздѣ въ деревню, и просила меня выпроситься на недѣлю въ отпускъ, чѣмъ отпра- вишься куда вмѣстѣ съ нею и съ мнимымъ ея мужемъ. Я общалъ ей приложивъ всевозможное о томъ стараніе, которое безъ сомнѣнія охотно бы исполнилъ, когда бы зналъ, что будетъ шамъ и Ангелина; но какъ можно было о томъ спросить? я опасался, чѣмъ шамъ своевольно не оплучится ошъ предмета, занимающаго всю мою природу.

Я вызвалъ маму Ангелинину, кою благосклонность къ кошельку моему была безпредѣльна; ей ввѣрилъ я шайну моего сердца. Открытие сіе было дерзко, одно корыстолобіе ея меня ободряло, и я предавалъ любовь мою опасности; но всегда ли влюбленные слѣдуютъ совѣтамъ разума? Однако женщина сія была снисходительна; рубли учинили въ ней самую усердную мнѣ

но-

помощницу. Ее просилъ я удерживать Ангелину въ городѣ, она мнѣ обѣщала, и въ тотъ же день видѣлъ я того исполненіе. Она уговорила дитя свое притвориться больною, сказавъ ей, что крайнія нужды удерживаютъ ее въ городѣ, и если она поѣдетъ въ деревню, то и она, долженствуя быть при ней, много потеряетъ изъ имѣнія умирающей своей дочери, которая была вдова тамошняго купца.

Агнеза дожидалась меня съ неперпѣливостію; но входъ мой съ унылымъ лицомъ возвѣстилъ ей, что она поѣдетъ безъ меня. Что ты не веселъ? . . . конечно не пустили, вскричала она? — Такъ, отвѣчалъ я; по несчастію моему вы увозише съ собою все мое утѣшеніе. Я наговорилъ ей множество нѣжныхъ и изъясняющихъ прискорбіе словъ, и такъ исправно представлялъ разлучающагося Адонида, что Агнеза просилась со мною съ глазами, наполненными слезъ.

Часть VII.

3

сно-

эподинъ * * * мнимый супругъ ея, просилъ меня бытъ въ отсуствіе свое хозяиномъ въ его домъ; а Агнеза говорила: навѣщайте въ скукъ Ангелину; она останешся здѣсь. У васъ въ городѣ знакомыхъ очень мало, хотя съ нею дѣлите время; только жаль, что она будетъ худой вамъ товарищъ. Я желала бы, (шепнула она мнѣ на ухо) сама бытъ ею, и ты, думаю, согласился бы помѣняться. — Ахъ сударыня! о чемъ сомнѣваться! . . . Что дѣлать! . . . Приѣзжайте поскорѣе. — Они уѣхали, и первое мое дѣло было бѣжать въ спальню къ моей любезной.

Сидящая въ постелѣ съ завязанною припарками головою, увидя меня, пришла она въ замѣшательство, и розовый цвѣтъ, покрывшій ея щеки, доказывалъ, сколько посѣщеніе сіе всколебало ея душу. Вы оспались здѣсь, сказала она? я думала, что вы поѣхали въ деревню. Ахъ прекрасная Ангелина, ошвѣчалъ я!

я! что дѣлать мнѣ въ деревнѣ, когда душа моя и всѣ чувства обитая съ вами? Простота сельская утѣшаетъ лишь сердца спокойныя, а мое наполнено опчаяніемъ; оно наполнено вашими прелестями, и не можешь жить, гдѣ нѣтъ Ангелины. Я узналъ, что вы останетесь здѣсь, то могъ ли я вѣдать? Агнеса не стоить, чтобы сдѣлать для ней сію великую жертву. Довольно, сударыня, дѣлалъ я принужденія, казая ей знаки нѣжности. Бывъ удаленъ отъ склонности къ обманамъ, винилъ бы я себя въ моемъ проступкѣ, еслибы жесточайшая любовь къ вамъ сего не оправдала. Вы, моя дражайшая, конечно вѣдаете, что я старался сыскать любовь Агнесину; знаете, что она меня любитъ даже до глупости; но что вы думали? Не сочлиль меня шель слабымъ, чувствоватъ что нибудь къ старухѣ? Нѣтъ, сіе была маска, чтобы дойти до вашихъ ногъ, чтобы упавъ предъ оными, изъяснить истинное

чувствованіе души моей. Въ первый разъ, когда глаза мои увидѣли ваши пріятности, почувствовалъ я жесточайшую къ вамъ спраснь, кою уже открылъ вамъ, и кою вѣчно будешъ пылашь вся кровь моя. Но какую имѣлъ я надежду сыскашь случай изъяснишь предъ вами? Вы меня убѣгали, и нешерпѣливая любовь моя нашла сіе средство. Я заключилъ казашься припворно влюбленнымъ въ Агнезу, обманулъ ее, и дошелъ чрезъ то до коропкаго обращенія въ домъ. Я владѣю ею безпредѣльно, и все, что хочу, могу изъ ней сдѣлашь. Вотъ настоящій видъ моего знакомства; и шеперь, дражайшая, не счишай меня въ числѣ тѣхъ непостоянныхъ, коихъ сердца несогласны съ словами. Еслибъ вы хотѣли примѣчашъ мои пошупки, оныя давно открывали вамъ спраснь мою. Всѣ чувства были написаны на очахъ моихъ; всѣ взоры мои единственно къ вамъ спремились, не Агнезою оныя пылали,

шы

ны одна была, и всегда будешь предметъ ихъ. — Я схватилъ ея руку, и цѣлуя оную, продолжалъ: — Но не ужъ ли въ семъ прекрасномъ шѣлѣ найду я душу жестокою? не ужъ ли сожалѣніе не имѣетъ мѣста въ швоемъ сердцѣ? . . . Не медли, любезная, рѣшишь судьбу мою; каковъ ни жестокъ будешь предѣлъ мой, грудь моя готова принять оный. Надежда уже не оживошворяетъ больше мое терпѣніе, и силы измѣняющъ моему разуму; оный покоренъ сврасти. Сама смерть представляется мнѣ легче шого мученія, коимъ шерзаетъ меня швое молчаніе. . . Скажи, жестокая, хошя одно слово, живъ ли мнѣ повелѣваешь, или у ногъ швоихъ съ жизнью окончишь несчастную любовь мою.

Я не думаю, чшобъ глаза мои могли изображать шогда иное кромѣ испишны: я любилъ Ангелину нелицемѣрно, шо и видъ мой являлъ лице, смяшенное опъ жара и опчаянія. Взоры мои, устремленные на нее

прямо, составляли сіе положеніе. Невинность ея шѣмъ пѣбняется; она не знаетъ, на что рѣшишься; начинаетъ говорить, но слова исчезающъ во устахъ ея. Отрываетъ руку отъ губъ моихъ, и сама оную прошираетъ. Хочетъ бѣжать, но пребываетъ на одномъ мѣстѣ. Сто разъ, какъ узналъ я послѣ, желала она презрѣшь меня, но столькожъ разъ сама съ собою не соглашалась. Сердце ея начинало отдавать долгъ природѣ, и она покорилась подъ власть всемогущей любви, коя не хотѣла далѣе держать участь ея въ равновѣсіи. Женщины имѣютъ слабость со удовольствіемъ взирать на предпочтеніе, которое дѣлаютъ имъ предъ другими особами ихъ пола. Сіе свойство, соединенное изъ гордости, зависти и тщеславія, бывъ участію ихъ рода, не рѣдко оныхъ вводитъ въ дѣла, подверженныя опасности и раскаянію; сіе свойство показываетъ намъ, коль часто ищутъ оныя огня или преимуще-

ство,

шпо, или любовника у своей подружки, какъ дорого бы по ни стоило; самое сіе свойство, какъ я думаю, не меньшимъ было средствомъ вспоможенія къ достиженію моего желанія. Торжесшествовать надъ Агнесою, которая ей предпочиталась, опяшь у ней любовника, было доказанъ въѣмъ свое предъ нею преимущество. Но какъ бы по ни происходило, я узналъ изъ прелестныхъ усшъ ея, что я ей не противенъ, что я давно уже ею уважаемъ, и что я любимъ. День шопъ прошелъ во взаимныхъ увѣреніяхъ, ласкахъ и ѣжныхъ разговорахъ; а послѣдующіе шекли посреди умножающейся довѣренности, любви и горячности. Словомъ, мы не думали ни о чемъ кромѣ шрасши, и предались безъ изъяснія всѣмъ оныя шпреленіямъ. Ангелина разсуждала здраво, поколь сердце ея не вмѣшалось въ совѣшты разума. Мы прешаемъ бышь Споиками, когда покоряемся ѣжності, и не инако

философствуемъ , какъ соображаясь слабостямъ , всякому врожденнымъ . Влюбленные не имѣютъ другихъ правилъ , какъ только общія желанія и взаимныя угожденія ; вѣтъ невозможнаго для чловѣка , безпритворно влюбленнаго , къ удовлетворенію требованія особы милой .

И шакъ спалъ я на верху моего щастія , кое ограничивалось единственно во владѣніи сердцемъ Ангелины . Время мое текло въ полномъ удовольствіи . Агнеза возвратилась , но мы умѣли притворяться . Любовь хитра , и хотя неоспорожна , но пребывала скрышою у насъ по крайней мѣрѣ отъ шѣхъ , коихъ мы должны были шайпья . Кто заняшъ своимъ дѣдомъ , тому нѣкогда примѣчашъ за другими : господинъ * * * рѣдко случался дома , а Агнеза никакъ не чаяла , чтобъ ласки мои къ ней раждались отъ притворства . Но понеже ни одно благополучіе , сообщенное съ порокомъ , не можешъ бытъ продолжительно ,

но ,

но, но и я почувствовалъ горестнѣе
неудовольствіе. Послѣ шести мѣся-
цовъ владѣнія Ангелиною принуж-
денъ я съ нею разлучиться. Обсто-
ятельства воинскія позвали меня въ
столичной городѣ; надлежало пови-
новаться судьбѣ сей, и простишься
съ возлюбленною моею. Не нужно
было опчаяніе для прищворства,
оное находилось во мнѣ истинное,
разлучаясь съ Ангелиною. Агнеза
брала сіе на свой счетъ; но Анге-
лина не сомнѣвалась въ причинѣ она-
го. Ей нужно было собрать всѣ си-
лы скрыть горестнѣе свою; но не пере-
несла оныя безъ сильной горячки:
она занемогла, и я поѣхалъ почти
безъ чувствъ.

Послѣ седьмимѣсячнаго отсут-
ствія возвратился я въ прежнее
мѣсто. Опдавъ отчетъ въ моей
поѣздкѣ, бѣжалъ я увидѣть Анге-
лину. Какое ужасное позорище на-
шелъ я въ домѣ господина * * * !
Ангелина, оставшаяся послѣ меня бе-
ременна, чувствовала наступившее

время къ разрѣшенію. Не можно бы-
 ло скрывать того болѣе оиѣ Агне-
 зы: въ самый потѣ часѣ узнала она
 сіе произшествіе. Весь домѣ былѣ
 въ великомѣ безпорядкѣ, и чрезѣ
 шо дошелѣ я безпрепятственно до
 спальни Ангелининой, гдѣ находи-
 лась и Агнеса. Какой жалкой видѣ!
 съ блѣднымѣ лицемѣ, съ распре-
 панными волосами, посреди обыкно-
 венной болѣзни и ракоаянія прини-
 мала она укоризны Агнесины. При
 всемѣ шумѣ, едва меня увидѣла, не
 могла она удержаться, чшобѣ не
 обратишь ко мнѣ взорѣ нѣжный,
 который провождаемѣ былѣ испоч-
 никомѣ слезѣ. Увы любезный мой!
 вскричала она бросясь ко мнѣ въ
 объятія; я умираю; поздно скры-
 вать мнѣ спрасъ мою къ тебѣ; я
 безѣ сна да отдаю тебѣ послѣдній
 знакѣ моей нѣжности при госпожѣ
 Агнесѣ; ей извѣстна вся оказанная
 мною къ тебѣ слабость. Человѣкъ
 умирающій не можеть уже скрывать
 настоящихѣ чувствованій. . . . Бо-
 лѣзнь

лѣзнь моя несносна. . . я не переви-
 су оныя. . . Вошѣ плодѣ моего не-
 разумія ! . . Нѣшѣ, сіе плодѣ люб-
 ви моей. Я не раскаяваюсь и прези-
 раю укоризны всего свѣта, ешьли
 почтешѣ онѣ преступленіемѣ любовь
 ижнѣйшую. Перокѣ ли любилѣ, что
 мило ? . . Ахѣ любезный ! ты милѣ
 мнѣ, милѣ и вѣ шу минушу, когда
 я себя на вѣкѣ лишуюсь. . . . Про-
 сти, навсегда прости ; шее имя
 идешѣ вѣ вѣчнѣшѣ, напечатанное
 вѣ душѣ моей. . . . Я умираю, но
 умираю спокойна, ешьли оставилѣ
 свѣшѣ. . . . вѣ рукахѣ твоихѣ.

Изумленный нечаянностію со-
 спюянія ужаснаго, пораженный при-
 сущствіемѣ свидѣшеля опаснаго, сви-
 дѣшеля раздраженнаго, какова была
 Агнеза, спюялѣ я недвижимѣ, и чув-
 ствовалѣ вѣ жилахѣ ошамовляющій
 кровь мою холодѣ шрепета и оп-
 чаянія ; но грудь моей любезной, ко-
 снувшаяся груди моей, жалкій видѣ
 и слова, пронзающія до внутренне-
 сти сердца, возвратили мою па-
 мять,

мять, возвратили меня самого себѣ,
 чтобъ предашь всего чувствованію
 любви жесточайшія. Забвенъ страхъ,
 исчезло раскаяніе, крайность сожа-
 лѣнія расподила мою душу. Нѣтъ,
 ты не умрешь, любезная, вопіялъ я,
 сжавъ ее въ рукахъ моихъ; небо
 не было никогда шоль жестоко,
 чтобъ опияшь у меня по, чего нѣтъ
 милѣе въ моей памяти. Ахъ! нѣтъ,
 ты не умрешь. . . . Живи, чтобъ я
 жилъ. . . . Успокойся, моя дражай-
 шая: нѣтъ преступленія для любви
 нелицемѣрныя; она не порокъ предъ
 очами природы. . . . Но за чемъ
 оправданія? Я супругъ швой! шмы
 препятшвъ не испоргнушь тебя изъ
 моихъ объятій: ни слава, ни родъ,
 ни власшители швоей участи. Я до-
 велъ себя до сего состоянія, пре-
 ступленіе швое есть мое преступ-
 леніе; мнѣ должно оное загладить.
 Словомъ, ты моя супруга; опо-
 мнись любезная! . . . Сбери силы
 приняшь мою руку. Соедини въ сей
 часъ судьбу сердецъ, уже соединен-
 ныхъ.

Агнеза,

Агнеза, приведенная входомъ моимъ въ смяшеніе, лишилась равно движенія; она пребывала безгласна среди спрашей, ее опягчающихъ. Стыдъ, ревность и гнѣвъ сражались внутри чувствъ ея, и поспешно умножаясь, возвращали ей память. Нѣжныя слова мои къ Ангелинѣ, кои говорилъ я въ восторгѣ состраданія, рѣшили ея испуленіе. Ревность, принявъ верхъ, являетъ себя на очахъ, распаленныхъ гнѣвомъ, и свирѣпость ошверзаетъ ротъ ея къ произнесенію словъ, раждаемыхъ огнѣмъ бѣшенства. Нѣтъ, измѣнникъ, кричитъ она; ты не насладишься плодомъ своего вѣроломства; она никогда не будешь своя: презрѣвшая благодарность и долгъ ко мнѣ, обязующей за мое о ней попеченіе, пусть останеся она преданная стыду своему. Пусть исчезнетъ недостойная подъ бременемъ раскаянія и презрѣнія. . . . Возмите негодную, сказала она къ предстоящимъ; ощащайте ее съ глазу

глазъ его. — Они бросающся, и вырываютъ полумертвую изъ рукъ моихъ. Я шрепещу; она лишаешся чувствъ. Суровость сія меня раздражаешъ, я желаю защищиться, не даю; но бывъ ослабленъ движениемъ сердца, вижу покушенія мои щепными противу насильства. Ее уносящъ вонъ, а я, пронзенный скорбію, бросаюсь въ опчаяніи къ нотамамъ Агнезы: ищу се умилишвишь, ищу привешъ въ жалость; но она не ошвѣчала мнѣ, кромѣ ругашпельствомъ. Безплодны были жалобы, не шрогали проливаемыя слезы; Агнеза запрещаешъ мнѣ мыслишь о Ангелинѣ, запрещаешъ знатъ домъ свой, и повелѣваешъ вывешти меня вонъ изъ онаго. Приказъ сей исполненъ; я повиновался сему спавъ безъ памяти. Дрожащія ноги едва донесли окаменѣвшее мое шбло въ мое жилище, гдѣ раскаяніе, жалость и опчаяніе споль взволновали кровь мою, что жестокая горячка была послѣдствомъ шоски сел,

и пожеланіе врачей чужь возмогло разорвать оную.

Какъ скоро получилъ я свободу размышлять о семъ происшествіи, голова моя наполнялась попеременно идеями, какія только можешь вперять совѣсть душѣ, приведенной въ раскаяніе. Я сталъ самъ судіею моего поступка, и разбиралъ, съ намѣреніемъ ли довелъ я до несчастія Ангелину, или по склонностямъ побужденія души, утопающей въ порокахъ, коя слѣпо слѣдуетъ движеніямъ природы, и не помышляетъ о слѣдствіяхъ, ведущихъ ближняго къ бѣдствію инако, какъ по выгодамъ собственнаго услажденія? И то и другое воображалъ я ужаснымъ преступленіемъ: хотя ощущалъ, что сердце мое никогда не могло быть столь злобно, чтобъ желало съ намѣреніемъ вредить чести другихъ, но осуждалъ и то, еслии по одной привычкѣ къ сладострастію искалъ я угождать моимъ слабостямъ, не разбирая предметовъ, при
ко-

коихъ паденіе можетъ относитъся
 на одну мою особу. Слѣдствія сихъ
 разсужденій показывали мнѣ мое
 пресшупленіе, душа моя страдала
 отъ угрызѣнія совѣсти, и признаніе
 сіе было тѣмъ искреннѣе, что сое-
 динялось съ жестокою любовію. Ли-
 щись Ангелины, спашъ причиною
 ея болѣзни и вѣчнаго стыда, почи-
 валъ я шакowymi ранами, кои въ
 памяти моей никакъ не исцѣляшся,
 кромѣ удовольствореніемъ. Я погу-
 билъ себя, несчастная Ангелина,
 вѣщалъ я самъ себя въ спенаніи;
 ты страдаешь за то только, что
 любишь меня страстно, что невин-
 ность твоя не была сильнѣе приро-
 ды и моихъ убѣжденій. Ты раская-
 ваешься можетъ быть, что была не-
 оспорожна; но кто размышляетъ
 здраво, когда возрасшшая страсть
 торжествуетъ? и невинности ли за-
 щищаться прошиву лесныхъ словъ
 и склонности врожденныя? . . . Но
 за чемъ уже призываешь во оправда-
 ніе нашуру, по что есылаешься на
 пред-

Предразсудки, уступившіе мнѣнію народному, или лучше сказать обычаю, вкоренившемуся употребленіемъ? Увы! любовь уже иногда порокъ нынѣ, и случай нашъ есть преступленіе неизвинительное; а я, славѣ онаго причиною, пребуду ли спокоемъ, когда ты подвержена вѣчному презрѣнію? Я погубилъ себя, мнѣ должно и защитишь; рука, ввергнувшая тебя въ пропасть, должна и извести изъ оныя: Нѣтъ, любезная Ангелина, я тебя не оставляю; я докажу свѣту; что сердце мое и посреди своихъ слабостей было справедливо; что добродѣтель имѣешь въ ономъ олшарь свой и тогда, какъ оно кажетъ себя отъ ней уклоняющимся. Должно родиться злобынымъ, чтобъ не раскаяваться и не имѣть къ добру побужденія; а происхожденіе мое никогда не имѣло сей постыдной участи. Я порокъ мой поправлю, бракъ загладитъ преступленіе, и ты будешь моя супруга. Еслили родъ твой не равенъ

Часта VII.

И

мо

моему, я подвергаю себя укореніямъ моего, я перенесу гнѣвъ родишельскій, когдѣ буду только онаго дошпишь, что женою, не хощя оспашься прешупникомъ. Дарованія твои превосходище поколѣнныхъ росписей и выгодъ; обожаемыхъ корыстныхъ.

Въ шаковомъ заключеніи скоро получилъ я прежнія мои силы, и конечно, презря всѣ предразсудки, исполнилъ бы мое намѣреніе, естлибъ судьба желала доставить мнѣ спокойство, и не опредѣляла руки моей для другой, коя можетъ бытъ для того на вѣкъ вселилась въ мое сердце, чшобъ преобратить всю жизнь мою въ цѣпь мученія, естли ронъ испорченъ ея опъ моихъ желаній.

И такъ все мое стараніе состояло въ проискахъ увидѣшь мою любезную, или умилосердившиъ Агнесу; но щастіе мое ни того, ни другаго мнѣ не опредѣляло; всѣ способы были пресѣчены. Хотя я видалъ Агнесу, но опвѣшы ея были ругательствомъ, и жалкое мое состояніе

ка.

награждалось презрѣніемъ. Весь домъ господина * * * убѣгалъ случаевъ поговорить со мною, или съ моими служителями. Чрезъ три мѣсяца едва могъ я провѣдать, что любезная моя благополучно свободилась отъ своего бремени, что плодъ любви нашей оставилъ свѣтъ почивъ при самомъ во оный вступленіи, и чща Ангелина увезена господиномъ * * * въ деревню, и уже выдана замужъ за одного дворянина, хотя не молодыхъ лѣтъ, но человека честнаго и доспащочнаго, и что она живетъ съ нимъ очень согласно.

Вѣсть сія меня поразила, и сколь ни была полезна для успокоенія моей совѣсти, но я не чувствовалъ, кромѣ опчаянія въ любви, еще мною владѣвшей, и предала всему ужасу вѣчныя разлуки. Горесть моя шакъ была велика, что кончилась продолжительною болѣзнію, да и по освобожденіи отъ ней духъ мой всегда страдалъ; и я позналъ опытомъ, что милая вещь никогда

не бываетъ намъ споль драгоцѣн-
на, какъ во время, когда мы ше-
ремъ оную невозвратно. Однако
время, все заглаждающее, по малу
уменьшало скорбь мою, и я рассу-
дая здравѣ, почишалъ полезнѣ
мыслишь о Клеринѣ, нежели оплаки-
вашь Ангелину. Иногда желалъ я
ѣхать къ ней, и угодишь любви мо-
ей таковымъ свиданіемъ; но со-
вѣсть шопчасъ испребляла побуж-
денія сердца, еще не исцѣлившаго-
ся; я опасался попревожитъ спокой-
ство супружества, коимъ провидѣ-
ніе наградило Ангелину за ея не-
винность, да и разумъ ея не по-
давалъ мнѣ надежды, чшобъ не пре-
одошла она слабости своей чрезъ
шоль опасное со мною искушеніе. Я
не хотѣлъ видѣшь ожидаемаго опъ
ней ко мнѣ презрѣнія. И пакъ уже
Ангелина не воображалась мнѣ ина-
ко, какъ для раскаянія о моей не-
воздержности. Обстряшельства воен-
ныя отозвали меня въ другое мѣ-
сто; сіе пособствовало моему исцѣ-
ленію.

ленію. Я нашелъ оное мѣсто, безъ извѣстїя посвященное Богинѣ вѣжностей: все, что въ другихъ народахъ почищается стыдомъ, было похвальнымъ чувствованіемъ для жителей страны той. Я чаялъ бытъ въ Цитерѣ, или въ Книдѣ, (*) и видя сопозарицей моихъ предавшихся роскошамъ, забылъ прошедшее, и призвавъ щегольскій разумъ въ помощь, сшалъ подверженъ прежней моей развратной жизни. Ничто такъ молодыхъ людей не опиводитъ отъ пути истинны, какъ сообщество злое. Всякъ имѣетъ врожденное побужденіе къ добру, но худые примѣры оное потушаютъ, естли въ числѣ прїиселей найдутся свойства порочнаго.

Не стану далѣе объявлять тебѣ, дорогой Клорандъ, дѣлъ моихъ,
И 3 по-

(*) Мѣста, посвященныя отъ язычниковъ Богинѣ Венерѣ. Цитеръ, или Китръ, есть острова, а Книдъ городъ.

повергающихъ меня въ раскаяніе ;
 онѣя не воображаются мнѣ инако ,
 какъ съ омерзѣніемъ. Душѣ раз-
 умной тяжко воспоминашь случаи
 своей развратности. Провидѣніе уже
 начинало очищать мою совѣсть на-
 казаніями, опредѣляя чрезъ злоклю-
 ченія опкрыть мнѣ путь, съ кою-
 раго я уклонился. Первый ударъ
 его была вѣсть о кончинѣ родите-
 ля моего. Имѣвъ въ немъ купно
 друга , предася я всей душевной
 горести, причиняемой таковымъ уро-
 номъ , и нашелъ себя принужден-
 нымъ ограничить мое славолюбіе ,
 опшавъ отъ военной службы.

Никогда досель не помышлялъ
 я о различіи славы истинной и лож-
 ной ; я искалъ оную тамъ, гдѣ люд-
 ское мнѣніе ее полагало, но есть
 всѣ степени чиновъ народныхъ счя-
 палъ веществомъ настоящія чести.
 Оставляяжъ дорогу, ведущую къ симъ
 громкимъ шипламъ, принужденъ былъ
 искать въ естественномъ мнѣніи оп-
 рады моему любочестию. Взавъ при-
 61.

Обшище къ нравственной философіи,
 почерпалъ изъ оной наставленіе,
 что истинная честь состоитъ не въ
 одномъ звукѣ именования, что за-
 конъ ея такъ удалены отъ подвигъ
 ложной чести, какъ сія уда-
 ляется отъ человѣчества, и что
 можно быть честнымъ и славнымъ
 съ маленькимъ чиномъ, или вовсе
 безъ онаго; а и съ великимъ чиномъ
 ийти по стопамъ ложныя славы.
 И такъ успокоивалъ я духъ высоко-
 мѣрія, вѣдая на то мѣсто чув-
 ствованія смиренія и любовь къ ближ-
 нимъ, надѣясь и чрезъ то найти
 себѣ истинное уваженіе отъ людей
 безпристрастныхъ. Любовь, приобрѣ-
 наемая добрыми поступками, каза-
 лась мнѣ гораздо пріятнѣе почтенія,
 иснекающаго отъ пущаго удивле-
 нія. Я вложилъ мечъ мой въ ножны
 мира, обѣщаясь не извлекать оный
 безъ крайней нужды долга сыновня-
 го къ отечеству, и чаялъ въ оп-
 савкѣ быть не менѣе оному полез-
 нымъ, стараясь о благополучіи и

спокрѣствѣ шѣхъ людей, надѣ кон-
ми судьба учинила меня господи-
номъ, о поправленіи земледѣлія безъ
ощагощенія наказрей, и наконецъ о
воспитаніи и наснавленіи въ каче-
ствахъ добродѣтели дѣшей моихъ,
если небо благоволишь мнѣ низ-
послать оныхъ презъ благослове-
ное супружество. Въ сихъ изряд-
ныхъ намѣреніяхъ проспила я съ
знаменами Беллоны, и продолжалъ
пусть въ мои деревни. Перемѣна со-
стоянія, покой послѣ трудовъ, бы-
ли причиною дальнѣйшихъ разсужде-
ній о военной службѣ въ моей доро-
гѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ пошелъ
я въ отставку, мыслилъ я; сіе
подвергнетъ меня роптанію стари-
ковъ, не посматривающихъ иного раз-
личія въ людяхъ, какъ по преиму-
ществу чина и по числу ранъ на
шѣлѣ; но меня не огорчали предраз-
судки, удаляющіеся отъ природы.
Я думалъ, что можно быть равно
полезну обществу и подѣ званіемъ
добраго гражданина. Впрочемъ

■

не зналъ я, какъ согласишь съ благо-
 нравіемъ званіе, по необходимости
 соединенное съ пролипіемъ ирви. Я
 полагалъ, что должности нужно из-
 бирать по склонностямъ врожден-
 нымъ; и что человѣческая воляность
 во крайней мѣрѣ имѣетъ право ис-
 каать себѣ покоя, когда щастіе на-
 селяемаго общества не принуждаетъ
 отшваживать жизнь свою на его защи-
 щеніе; а изломанныя кости и пере-
 стрѣленные ноги не казались мнѣ
 удобными къ попеченію о благоден-
 ствіи собственномъ. Сверхъ того лю-
 шость и невѣжество, во зло упо-
 требляющія установленныя отъ пре-
 мудрыхъ Государей военныя законы,
 и предводительствуемая тѣмъ наг-
 лость полковыхъ начальниковъ, ка-
 зались мнѣ удобными выгнать въ оп-
 сшавку всякаго благороднаго и
 хорошо воспитаннаго человѣка. Мо-
 лодый господчикъ, возрасшій по-
 среди нѣжностей роскоши, не знаю-
 щій ни о чемъ, кромѣ модъ и вѣпре-
 ныхъ нравовъ, кои занялъ онъ у

И 5

Фран-

Француза, своего учителя, чрезъ
 знаемыхъ родственниковъ вдругъ по-
 лучаешь полкъ. Не вѣдая ни мало
 военной должности, думаешь, что
 необходимо надлежитъ приучить
 воина знать вкусъ въ нарядахъ, бити
 онаго за то, естли во время зимы
 въ плащѣ, сшишомъ покроемъ ино-
 страннымъ, изнуряемый спроекстію
 хлада согнется, не понимая того, что
 всякая одежда должна согласоваться
 климату; не ровно напудренная го-
 лова есть у него преступленіе, за-
 служивающее изувѣченіе. Взѣ-
 рясь полученіемъ чина, достойнаго
 великихъ и многолѣсныхъ для опы-
 та заслугъ, начинаетъ онъ гор-
 дишься, и презираетъ своихъ офице-
 ровъ, хошябъ въ числѣ оныхъ были
 достойнѣе его свѣдѣніемъ и проис-
 хожденіемъ. За малую ошибку, ко-
 торая иногда въ томъ состоитъ,
 что несогласна съ его правомъ, ру-
 гаетъ ихъ, какъ скошовъ. Съ гор-
 дстію обыкновенно сообщается не-
 зависъ, а онъ ихъ происходишь
 без-

безчеловѣчїе, вымыслившее неслыханное досель наказаніе, по полшоры тысячи ударовъ палкою, чего никогда и надѣ осужденными на смерть не чиняшѣ; а у нихъ сіе обычайное воину за малую нечислошу оружія, или иное маловажное преступленіе. Офицеръ же добронравный, не подражающій симъ ширанствамъ и соблюдающій здоровье подчиненныхъ воиновъ къ пользѣ государства, бываетъ называемъ дуракомъ, не знающимъ должности, лишаемъ чина, выгоняемъ изъ полку. Дворяне, видя несчастный примѣръ своихъ собратій, оснавлиютъ службу, и на ихъ мѣста одобряются подражающіе намѣреніямъ своего начальника; отъ чего происходитъ, что въ больницахъ бываетъ вдругъ по шрисуна больныхъ; и въ случаѣ брани выходитъ полкъ, изображающій болѣе дряхлость, нежели мужество, долженствующее сносить трудность похода, и казать въ сраженіи силу тогда, какъ переломанныя
 кощии

кости велятъ имъ охатъ и паданъ
 отъ изнуренія. Иной, которъй не
 шаковъ лютъ, оставляетъ полкъ,
 и проживаетъ большое время года
 въ городахъ въ разныхъ забавахъ,
 гдѣ ни о чемъ больше не мыслишь,
 какъ бы лучше убраться своихъ офи-
 церовъ и простыхъ воиновъ; на что
 вычисляешь у нихъ изъ жалованья
 деньги, такъ что у инаго останеш-
 ся за вычетомъ въ преть только руб-
 ли по чешыре на содержаніе, по
 можно ли недоспащочному, живуще-
 му на одномъ жалованьѣ, проживашъ
 сею суммою? Между тѣмъ случает-
 ся внезапный походъ. Начальникъ
 почиваетъ въ городѣ; ишь ни ло-
 шадей подѣмныхъ, ни повозокъ ис-
 правныхъ, воины рызсыпаны по де-
 ревнямъ; онъ пробуждается, при-
 скачетъ, соберетъ полкъ, хочетъ
 вдругъ оный вывести и исправить;
 но сего не можно. Онъ начинаетъ за
 свою вину ругать офицеровъ, и
 дѣлается бѣшенымъ. Отъ чего ро-
 дящая опять безчеловѣчные побои,

и

и за выбылью людей въ больницы
 выходятъ полкъ въ половинномъ чи-
 слѣ. Главные вожди удивляются,
 отъ чего таковыя эпидемическія
 болѣзни происходятъ, и можетъ
 быть не догадываются, что оныя
 имѣютъ причину въ неограниченной
 власти полковаго начальника. Спра-
 ведливо, что строгость есть душа
 военного порядка; но должна ли она
 преступать челоѳчество? развѣ
 слѣдующіе Марсу должны перерож-
 дашься? нѣтъ, челоѳкъ всегда бу-
 дешъ челоѳкъ; и мягкую его спи-
 ну никакое наименованіе въ желѣзо
 преобратишь не можетъ. Побои и
 жестокость порабощаютъ духъ уни-
 нію, продолженіе сихъ опнимаешъ
 бодрость, здоровье, слѣдственно и
 силу. Убыль воиновъ нечувствитель-
 на для тѣхъ, кои вносятъ оную
 въ вѣдомости, но опечесиво отъ
 того шерпитъ; ибо не такъ легко
 произвести, какъ уничтожить. Сіи
 начальники, такъ мало мыслящіе о
 подчиненныхъ, имѣющъ названіе опе-
 ца

ческое, то суровостію ли они должны исправлять погрѣшности? когда опцы имѣли бѣдственное сіе право? — Дворянинѣ, усердный опечесству, посвящаетъ себя на его услуги; онѣ долженѣ научись, но ему не достаесть времени и способѣ: онѣ попадается по несчастію въ полкъ шаковаго начальника, который ко исправленію проступковѣ не наставленіе, но наказаніе употребляетъ. Но какоежѣ наказаніе? ругашельство, несносное и для самой подлой души; а уши дворянина опѣ всѣхѣ мудрѣйшихѣ Монарховѣ получили предпочтеніе бытъ нѣжными ко всѣмѣ колкимѣ выраженіямѣ. Не имѣя средствѣ, ни угодить, ни защищаться, оставляетъ онѣ исканіе славы для другихѣ, имѣющихѣ терпѣніе ийти къ ней среди ругашельствѣ. Другой, имѣя щастіе служить подѣ приводствомѣ добрыхѣ и искусныхѣ начальниковѣ, чрезѣ долгое время безѣ порока научаетъ бытъ хорошимѣ и знающимѣ

шимъ офицеромъ, и наконецъ попадаешься подъ начальство описаннаго выше. Сей за малую погрѣшность не шокмо обругаешь его какъ лошадь, но лишишь и чина; потому что право одобренія на оный имѣешь въ рукахъ своихъ. Между сихъ несчастныхъ многіе шѣмъ только виновны, что они, или щастье ихъ, послѣ другихъ родилися; а впрочемъ могли бы играть лучшую роль. Но сіи кришическія обстоятельствова преждевременно уводятъ ихъ съ военнаго шеатра. А ешьлибъ оныя начальники знали уваженіе, що имѣли бы они внимающихъ повелѣніямъ ихъ людей благородныхъ, кои, бывъ наспоющими подпорами опечества, не мыслятъ о другомъ, какъ о его славѣ и безопасности.

Сіи размышленія не споль завиднымъ представляли миѣ шо состояніе, которое я оставилъ, и я меньше жалѣлъ избравши часть свободы. Но чтобъ не продолжишь васъ
вѣ

въ такихъ скучныхъ околичнос-
 твахъ, скажу вамъ, Маркизъ, коро-
 че: я прѣхалъ домой, привелъ въ
 порядокъ мои дѣла, и жилъ спокой-
 но въ обществѣ моихъ пріятелей.
 Чувства свободныя призвали въ по-
 мощь память, и сообщили сердцу,
 что есть еще на свѣтѣ Клерина,
 въ коей нѣкогда имѣло оно особли-
 вую нужду. Таковыя побужденія
 принудили меня съ нею видѣться.
 Она приняла меня со всѣми знаками
 горячности, каковыя только можешь
 казать любовница нѣжная послѣ
 долговременной разлуки. Мы обрадо-
 вались взаимно, и рассказывали другъ
 другу шѣ мученія, кои сносили бывъ
 розно. Любовь наша возобновилась,
 и текла посреди удовольствія и ши-
 шины сердецъ довольныхъ. Я ра-
 скаявался внутренно, видя ея не-
 простывающую ко мнѣ спрость, что
 былъ нѣкогда недостойнымъ тако-
 вой привязанности, предавши другой
 сердце, ей надлежавшее; но какъ
 поступокъ мой покрывала неизвѣ-
 стность,

стность, и не прерывалось онымъ мое настоящее счастье, по духу мой успокоился, и я не воображалъ, чтобъ что нибудь могло разорвать столь нѣжное соединеніе между любовниками свободными. Однако есть случаи, погашающіе и самый жаркій пламень.

Клерина имѣла сестру; оной открыто было наше шайство. Она гасила у ней почасту, и я иногда оставался съ нею наединѣ. Довѣренность умножала почтеніе, приобретаемое отъ меня опличнымъ разумомъ и достоинствами Елвиры, сея любезныя дѣвицы. Но сердце мое не отдавало ей ничего, кромѣ простой ласковости; скука мучительными оборотами, оно преспавало быть непостоянно. Однако я не понималъ, что невинныя наши шутки недовѣрчивость Клерины можетъ подозрѣвать и относить въ другую сторону.

Съ нѣкотораго уже времени примѣчалъ я холодность ея: взоры Кле-
Часть VII. I ри-

ринины меня убѣгали; а еспьли глаза мой принуждали ихъ съ собою повстрѣчаться, не видалъ я въ нихъ уже больше того жара, той нѣжной ясности, кои изображаютъ чувствованіе сердца. Слова ея были принужденны, и холодность едва скрывала пылающій гнѣвъ. Любовь моя страдала, и окружая меня робостію, препящивовала спросить, что значить таковая переменна. Продолжая обыкновенную мою ласковость, видѣлъ я иногда проливаемые ею слезы, а иногда суровыя расположенія прошиву невинной Елвиры. Я терялъ терпѣніе, изъяснялъ ей мое безпокойство, и просилъ открытъ причину ея переменны: сухія отговорки были отшѣтомъ, чшобъ увѣрить меня, чшо она всегда такова же, какъ сначала. Я любопытствовалъ испытать источникъ моего несчастія, и думалъ, не подозрѣваетъ ли она равнодушныхъ моихъ обращеній съ Елвирою. Не смѣя сказать ей о шомъ, (для того чшо

ни-

никого не можно разсердить поль скоро, какъ женщину обличеніемъ имѣющей въ ней страсти, кою она скрыть желаетъ) заключилъ и представилъ себя влюбленнымъ въ Елвиру. Клерина пошчасъ сіе примѣшила, но опытъ таковой стоилъ мнѣ лишенія сердца, поль мною почитаемаго. Ревность ея усилилась: щещно уже старался я представить ей ея ошибку: ни слезы, ни опчаяніе не помогли мнѣ удержать любовь ея. Долговременно казалъ я ей скорбь мою, причиненную сею потерею; она осталась нечувствительна, увѣря меня, что я долженъ ее оставить. Таковой предѣлъ имѣла сія страсть моя. Никогда бы я ее не оставилъ; сердце Клерины было всегда мнѣ драгоценно, но ревнивость, сіе чудовище, сдѣлала конецъ любви, продолжавшейся три года.

Не могу я здѣсь не противорѣчить тѣмъ, кои называютъ ревнивость дочерію любви: она не дочь,

но смерть ея. Она, вкрадываясь нечувствительно, заражаетъ сладость любви ядомъ; снѣдающимъ покой союза; она довольство сердецъ обращаетъ въ скуку и горькое уныніе; она, одѣваясь въ видъ сильнѣйшія горячности, мучитъ, сокрушая равно ею зараженнаго, какъ и предметъ несчастныя своей жертвы. Кто достойнѣе жалости, какъ человекъ, преданный во власть ея? Смерть только его лѣкарство, а жизнь причина всегдашняго спраданія; онъ носитъ адъ въ своемъ сердцѣ, и раскаяніе есть вещество, оный поджигаетъ. Несчастливъ тогда, какъ подозрѣваетъ особу любезную, бѣденъ, приведя ее въ уныніе, и злополученъ, лишася любви ея; для того что всегдашнія досады, причиняемыя сею болѣзнію, обыкновенно раждають наконецъ или вѣчную задумчивость и вздохи, грудь повреждающіе, или испребленіе склонности посреди взаимно любящихся. Я иначе не могу разумѣть оную, какъ

пло-

плодомъ неразсужденія, водящаго любовь, не имѣющую основаніемъ своимъ здраваго разума. Разсмотримъ оба рода любви, какъ - то: соединенной съ истиннымъ дружествомъ, то есть основанной на разсудкѣ, и ту, что называется слѣпою. Первая, исшекая отъ добродѣтели, имѣетъ честь своимъ предметомъ, ушверждается на довѣренности и посшепенно возрастаетъ; а вторая, будучи плодъ порока, имѣетъ слѣдствіемъ жестокость, и со временемъ проходитъ, за тѣмъ что пороки, не бывъ участію разума, не имѣютъ въ дѣйствіяхъ своихъ основанія; а что не имѣетъ основанія, оное не имѣетъ прочности, и должно разрушиться. Возмемъ въ примѣръ чету любящихся разумно: причина ихъ склонности конечно не имѣетъ начала отъ вида наружной красоты тѣла: разумъ прицѣпленъ къ вѣчности, а красота есть вещь, проходящая съ лѣтами, и отъ случайныхъ болѣзней подверженная переменѣ;

слѣдственно онѣ къ ней привязанности имѣть не можетъ. И такъ разумъ ищетъ прелестей прочнѣйшихъ, каковы суть: взаимной разумъ, склонность къ добродѣтели, кротость и сходство нрава; сіи - по причины склонности разумныя, имѣющія плодомъ своимъ взаимную довѣренность и любовь, едва ли прекращающуюся и въ самомъ гробѣ. Возможно, чтобъ двѣ души разумныя, возъимѣвши другъ о другъ понятіе и равное побужденіе, могли имѣть недовѣренность, которая есть первое слѣдствіе ревнивости? Надлежитъ, чтобъ мученія долго терзали одного изъ сихъ, дабы осмѣлились открытъ ихъ источникъ оныхъ причиншело. Но сего и быть не можетъ: каждый разумный человѣкъ долженъ согласиться въ томъ, что не можно сдѣлать обиды безъ воли своей; а для любезнаго лучше пренести спору причинъ къ жалобамъ, нежели одно изъясненіе для досады. Называютъ иные основательною причиною къ ре-

ревности явную невѣрность особы любезныя, и говорятъ, что сія ревность есть извинительная; но догаждениемъ ли и упреками возвращаютъ нѣжность любви охладѣвающей, или подверженной пороку? и когда невѣрность была одобрена отъ разума?

Такъ разсуждалъ я, любезный мой Маркизъ, и тогда, когда неосновательная ревнивость лишила меня Клерины. Не находя чрезъ то въ ней довольной причины къ пошущенію сей спрасни, понималъ, что несходство нашихъ нравовъ не дозволило ей познать меня совершенно, и что наконецъ было то уже невозможностію; почему исцѣлялся нечувствительно отъ любви моей, и былъ уже спокоенъ. Сердце, исцѣлѣвшее отъ раны, не скоро можетъ подвергнуться новой. Но увы! что лзя сказать о себѣ на вѣрное слаботу смертному? Предѣлъ гоповилъ уже мнѣ узы вѣчныя моей неволи, кои ни самая смерть разорвашъ невластна, тогда, какъ я

чаялъ себя быть весьма отъ нихъ безопасна. Любовь, раздраженная предшшими оборотами моего непостоянства, опредѣлила показать мнѣ, что я ни мало не зналъ еще истинныхъ ея законовъ и чувствованій. Внимаи Маркизъ! теперь начинаю я настоящую повѣсть моей жизни, если можно назвать жизнью тѣ часы, кои орошены горчайшими слезами, и въ коихъ минушы изчислены воздыханіями.

Я жилъ въ совершенной тишинѣ покоя въ моей деревнѣ, ища забавъ въ однихъ невинныхъ упражненіяхъ, между тѣмъ, какъ пріѣздъ Пирамира, одного изъ друзей отца моего, въ сосѣднюю ко мнѣ деревню, напомнилъ мнѣ засвидѣтельствовать ему по почтенію, коимъ обязанъ я памяти родителя моего въ его друзьяхъ. Я принялъ отъ Пирамира со всевозможною ласкою. Си черты моего друга, говорилъ онъ взирая на лице мое; и проливъ слезы, заключилъ меня въ

сво-

своихъ обѣщаній. Частыя потомъ свиданія утвердили ко мнѣ любовь его, а помощь, оказанная имъ въ разныхъ до меня касающихся дѣлахъ, обязала меня вѣщимъ къ нему почтеніемъ, какъ къ благодѣтелю.

Спавъ коротко знакомымъ, обратился я глаза мои на Гремиславу, дочь его, которую видалъ еще малолѣтнюю. Она предстала взорамъ моимъ уже въ томъ возрастѣ, когда дарованія природы въ женщинахъ получаютъ полный видъ своихъ прелестей. Все, что есть прекраснаго, сіяло на лицѣ ея, а взгляды, провождаемые невинностію, предвѣщали побѣду и надъ нечувствительностію. Сердце мое трепетало отъ рода движенія, ему еще неизвѣстнаго: сіе было удивленіе, полагавшее начало страсти безпорочной. Я начиналъ съ нею говорить, и примѣчалъ въ ней остроту разума, врожденнаго и просвѣщеннаго воспитаніемъ; сіе совершило плѣнь мой.

Оставаясь наединѣ, разбираю я стремленія моихъ желаній, поспавляю здравый разумъ судією надъ движеніями сердца, и нахожу въ ономъ больше, нежели чувство побужденія любовныхъ слабостей. Каждая страсть, начинающая владычествовать надъ человекомъ, принуждаетъ его искасть себѣ одобренія отъ добродѣтели; и нѣтъ ни одного изъ смертныхъ, кто бы предавался злу по истинной злобѣ. Грѣшатъ полагающіе людей полъ порочными; хотя и видимъ мы развращенныхъ, но они не созданы таковыми; впадающіе въ пороки конечно имѣютъ тайное къ онымъ омерзѣніе, хотя и преодолеваются своими слабостями. Доказательствомъ тому есть, что всякъ изъ таковыхъ не хочетъ быть пороченъ предъ народомъ, но щипится казать себя добрымъ. Влюбленный же, чтобъ понравиться своей возлюбленной, наиболѣе старается укрывать свои дурныя качества, а оказываетъ только

ко

къ совершенства ; ибо не возможно мыслишь, чтобъ лъзя было плѣнншь кого собою, кромѣ оказанія дѣлѣ похвальныхъ, и шѣмѣ больше, что вѣ предметѣ миломѣ чаемѣ мы находимъ всѣ совершенства. Чрезъ то начинаемѣ мы пороковѣ своихъ остерегаться, и чѣмѣ болѣе влюбляемъ ся, шѣмѣ больше оныхъ убѣгаемѣ и боимся ; и шакѣ нечувствительна исправляемъ ся ; понеже чего боимся, къ шому рождаемъ ся вѣ насѣ тайная ненависть . Посему истинную любовь можно называть первую подпорою добродѣтели, кошорая убиваетъ вѣ насѣ пороки .

Послѣ шакowychъ разсужденій приводилъ я на память прешедшіе случаи моей жизни, и находилъ, что сердце мое почти никогда не пышало любви истинныя, кромѣ того, когда ужасныя прешкновенія показывали мнѣ жалостное состояніе приретенныхъ мною вѣ несчастіе. Соболезнованіе о нихъ хотя рождало раскаяніе и утверждало любовь,

но оное бывало уже поздно, и тогда, какъ предметы оныя отъ меня удалялись, а разлука препятствовала возростъ во мнѣ симъ чувствованіямъ. Все сіе производило для меня жестокія угрызѣнія совѣсти, и повергало меня въ задумчивость. Унылое сердце становилса нѣжно, печаль открывала новыя пуши Гремиславинымъ прелесшамъ проникнушь во внутренность души моеи. Каждая минута казалась раждающею новое для меня безпокойство, и каждое воображеніе лишало меня надежды. Тогда возчувствовалъ я, какъ неспособна покойная душа разсуждать о страстяхъ, и какъ безумно смѣяться чувствованіямъ, которыхъ кто самъ не испыталъ? Но волнуемый горестною мыслию, желалъ я еще искушать самъ себя, и чаялъ находить въ сердцѣ моемъ еще ту вольность, коя можетъ побѣдить спрасъ безнадежную. Увы! я самъ себя обманывалъ; любовь жестокая овладѣла уже всею моею при-

природою , и ничего не предвѣщала ,
 кромѣ вѣчнаго моего нещастія . Тщеп-
 во приходила надежда усладить мои
 скорби ; разумъ не предвѣщаль мнѣ
 кромѣ мученія . Преданный безпре-
 дѣльно во власть любви , какую ча-
 ялъ я найти себѣ опраду ? Въ об-
 манѣ ли , коего гнушалась моя со-
 вѣсть , и коего ужасалось наполнен-
 ное чистѣйшею любовію мое сердце .
 Въ законныхъ ли требованіяхъ ,
 коимъ обстоятельствомъ мои непреодо-
 лимыя полагали препоны . Все сіе
 опровергало страхъ мою въ началѣ
 ея рожденія ; но для меня не было ,
 кромѣ любви и опчаянія . Напрасно
 принуждалъ я себя ко истребленію
 шаковыхъ мыслей ; оныя рождались
 противу моей воли . Иногда пола-
 галъ я удалишься отъ мѣстъ , гдѣ
 обитала виновница моихъ мученій ;
 но всѣ дороги , входящія въ мою па-
 мять , лежали къ ея жилищу , и пре-
 жде , нежели одумывался , бывалъ я
 уже въ ея домѣ . Моглоль бытъ для
 меня лѣкарство , кромѣ взирать на
 пре-

прелесни, питающія жизнь мою? но въ взорахъ шоль сладкихъ сосалъ я съ лица ея оправу, заразившую на вѣкъ мою душу. И такъ спалъ я невольникъ любви истинныя, невольникъ въ дѣлахъ моихъ и обращеніяхъ; но почиталъ еще себя щасливымъ, что имѣлъ безпрепятственный входъ въ домъ шопъ, гдѣ возрастали и услаждались мои мученія.

Мы обыкновенно скучаемъ шѣмъ, чѣмъ насыщались намъ дозволено: такъ и я, видя часто Гремиславу, не остался доволенъ зрѣніемъ на ея совершенства. Невинныя ея ко' миѣ ласканія не удовлетворяли жеспочайшей любви моей. Я не полагалъ моего благополучія, кромѣ въ томъ, чтобъ и она возчувствовала равномѣрный ко миѣ пламень. Но сколько разъ ни предпринималъ опкрышь ей сшрасшь мою, слова изчезали во устахъ моихъ; я робѣлъ, и не могъ говорить съ нею, какъ шолько о вещахъ общихъ. Сія участь
есть

есть всѣхъ безприщворно влюблен-
 ныхъ. Еслилибъ очи ея могли раз-
 умѣть разговоры глазъ моихъ, она
 прочла бы въ нихъ всю тайну ду-
 ши моей; но она была невинна. Дол-
 гое время провелъ я спрадая въ
 молчаніи, и доходя до крайности,
 началъ вымышлять способы, какимъ
 бы образомъ достигнуть къ тому,
 безъ чего я не могъ быть щасливъ.
 Иногда думалъ я просить ее себѣ
 въ супружество, но сему потчасъ
 являлись великія препяшства: пер-
 вое, что имѣя тяжбное дѣло, оспал-
 ся я хошя невинно, но раззоренъ; а
 шарикки, взирающіе на прочійшія
 обстоятельства, не всегда слѣдуютъ
 склонностямъ дѣшей своихъ. Второе,
 что былъ я родителю Гремиславы
 отъ нѣкошорыхъ описанъ самымъ
 вѣтреннымъ и непостояннымъ чело-
 вѣкомъ; но не выведши его поведе-
 ніями моими изъ сего предразсудка,
 какъ могъ я учинить то, къ чему
 требовалось не малое время? Тако-
 выя воображенія огорчали мою жѣ-
 тер-

шерпѣливость, и доводили меня до
 неистовства, въ коемъ покушался
 я вооружиться на добродѣтель моей
 невинной любовницы. Я чаялъ по мо-
 лодости лѣпъ ея сыскашь въ ней къ
 себѣ склонность, и послѣ доведши
 къ моимъ желаніямъ, полагая, что
 будто бы чрезъ сіе измѣническое
 право могу льстивъ себѣ получить
 согласіе на бракъ нашъ отъ ея ро-
 дителей. Но едва приходилъ я въ
 порядочныя чувства, стыдился самъ
 себя. Къ чему приводитъ тебя лю-
 бовь, размышляя я самъ въ себѣ?
 Когда ты не находишь щастія сво-
 его въ безпорочности, развѣ можешь
 найти оное въ злодѣйствѣ? Когда
 ты, учреждая поведенія свои по пра-
 виламъ добродѣтели, не могъ еще
 пріобрѣсть къ себѣ ея склонности,
 можешь ли получить оную въ обманѣ?
 Что помыслишь о себѣ твоя любов-
 ница, которую ты считаешь столь-
 ко добронравною, когда узнаетъ,
 что всѣ исканія клонятся къ тому,
 чтобъ ее обмануть? Помышляя ли
 ты

ты когда, чтобъ она была до того порочна, чтобъ могла ошвѣчать неисповымъ твоимъ желаніямъ? Никогда хитрѣйшему обманщику не способствовало одно его лукавство, но болѣе добросердечіе тѣхъ, на коихъ коварные его обращались умыслы. И такъ можешь ли ты, не погася совсѣмъ любви своей, ухищряться на ея добросердечіе? Еслили бы тебѣ и была въ помѣ удача, она тебя возненавидитъ, коль скоро познаетъ, что ты подъ видомъ добродѣтели раждалъ пороки. Она лишитъ тебя всей надежды, запретитъ тебѣ себя видѣть; и между тѣмъ, какъ будетъ рыдать о своей неосторожности, что произведутъ слезы ея въ душѣ твоей? Еслили любовь твоя столь жестока, что останешься тебѣ, кромѣ вѣчнаго сраданія? и тѣмъ ли мнишь ты уменьшишь худые о себѣ предразсудки въ ея родителѣ, когда, во зло упошребя его къ тебѣ дружество, заплашишь оное обидою? — Воз-

Часть VII.

К

буж-

бужденный шаковыми мыслями, спындился я прежнихъ. Но предавая себя добродѣтели, не былъ однако спокойнѣе: сердце мое не могло быть насшливо, не владѣя Гремиславинымъ. Я ощущалъ всѣ мученія любви безнадежныя, но не могъ истребить страсти, кошорая возрастала съ каждымъ моимъ вздохновеніемъ.

Между тѣмъ изнемогающій духъ мой пораженъ былъ еще болѣе: жестокая болѣзнь, напавъ на мою дражайшую, привела въ опасность жизнь ея. Нѣшъ выраженій, кои бы достаточны были изъяснить погдашнюю мою горестъ. Мысль о смерти любезной есть шоль ужасна, что нѣшъ шаковой гибели, коею бы любовникъ не согласился замѣнить оную. Самое легчайшее отдаленіе отъ моей скорби казалось мнѣ преступленіемъ; по опчаянію моему, видя умирающую Гремиславу, позналъ я великость моей страсти. Сшраданіе мое было тѣмъ жесточе, что благоприсстойность удаляла меня

я тогда бышь съ нею вмѣстѣ. Каждый шорохъ казалъ мнѣ, что идушъ возвѣснншь ея кончину. Какихъ мнѣ стоило принужденій, находясь у ней въ домѣ, сокрывать сію печаль мою! Однако болѣзнь ея кончилась, и зря ее выздоравливающу, радость моя соразмѣрна была прежней моей горести. Сердце мое ощущало какъ бы воскресающую свою надежду, на кою однако по обстоятельствуспвамъ никакого не имѣлъ я права.

Не долго сіе льстящее оправданіе мое продолжилось средствомъ: вся мечта надежды моей исчезла: цѣпь бѣдствій моихъ вела меня въ неизмѣримую пучину мученій. Узналъ я стороною, что Гремислава имѣетъ любовника. Чѣмъ спалъ я въ горестную эту минуту? разумъ меня оставилъ, наполня душу мою всеми шѣми чувствами, кои только грызущія сердце Фуріи внушать могутъ. Свирѣпство, наглость и опечаленіе, сражаясь въ груди моей, по-

К 2

пере-

перемѣнно являли надо мною свое владычество. Вдругъ полагаю я повергнувшись къ ногамъ моей возлюбленной, и опкрышь ей спрасць мою; но мысли сіи сами собою опровергались, когда лишь воображалъ о ея добронравіи. Естли она имѣетъ любовника, думалъ я; естли чувствуетъ къ нему склонность; естли испытала его сердце, какая надежда ожидать мнѣ, чшобъ она сдѣлалась непостоянною для чело-вѣка, коего свойства ей невѣдомы? Тогда представлялось мнѣ щасіе моего совмѣстника, котораго одно имя, раждающее во мнѣ препетаніе, гошово было поджечь мою ярость: бѣшенство истребляло во мнѣ чело-вѣчество, и люшая ревность опредѣляла смерть его. Звѣрь хищный, спре-мяційся на звѣря за уловленную пищу, не имѣетъ такихъ раскален-ныхъ очей, сѣ какими бросался я къ моему оружію. Пойдемъ, вопилъ я, вырвемъ изъ щасливаго тѣла ду-шу, причиняющую всѣ мои мученія!

же-

жельзо сіе охладилъ сердце, пылающее огнемъ, одному мнѣ надлежащимъ. — Но сильная буря моего неисповспва ослабѣвала отъ собственной своей жестокости. Наступала тишина, возвращающая мнѣ память, и вооружающая разумъ мой къ пониманію мерзости страстей, меня окружающихъ. Что предпріемлешь ты несчастный, вѣщалъ я самъ себѣ? Изцѣляюшъ ли болѣзнь отравою? Чѣмъ мнишь ты удовлетворишь своему злощастію? не шѣмъ ли, чтобъ злодѣяніе вооружило къ вѣчному своему наказанію неумолимую твою совѣсть? Какую пользу принесетъ тебѣ смерть ни въ чемъ не виновнаго предъ тобою человѣка? Еслибъ и необходимо надлежало умертвить его, найдешь ли ты къ тому способности? Согласится ли онъ для товарищества тебѣ учиниться бѣженнымъ и подставитъ грудь свою подъ твою шпагу? Можешь быть твой вызовъ учинится предметомъ всегдашняго его надъ тобою посмѣянія. Не мо-

жетъ ли онъ сказать: вотъ чело-
 вѣкъ, отъ любви ума лишенный?
 Онъ, не могши пріобрѣсть дарованія-
 ми своими склонности отъ своей лю-
 бовницы, ищетъ привлечь ее своимъ
 бѣшенствомъ. Но ежели и удался
 тебѣ разсердить его, естли вы-
 деть онъ съ побою на поединокъ,
 естли ты умертвишь его, какими
 глазами появишься къ Гремиславъ?
 Не должна ли она принять тебя пог-
 да, какъ ужаснаго убійцу особы
 для нее милой? Не только ты, но и
 имя твое будетъ для ней страшно,
 и каждая капля проливаемыхъ ею
 слезъ будетъ изображать вѣчное
 тебѣ проклятіе. — Посемъ скорбь
 смягчала мое сердце, а уныніе про-
 изводило слезы. Приходило также
 мнѣ въ мысль прибѣгнуть къ сестрѣ
 моей, коя была другъ Гремиславъ,
 открышь ей состояніе моего сердца,
 и возложя шягость шайнства моего
 на ея душу, просишь, чшобъ по
 крайней мѣрѣ изъяснила она другу
 своему, въ какое красота ея при-
 вела

вела меня жалостное состояніе. Но сколько разъ ни приходилъ я къ ней въ семъ расположеніи, сколько разъ ни предпринималъ говорить ей, языкъ мой нѣмѣлъ, пресѣкаемъ бывъ мнѣніемъ, что я извѣстенъ Гремиславъ подъ именемъ человѣка неостояннаго, по можно ли ожидать, чтобъ приняла она сіе иначе, какъ сѣтми, разставляемыми на уловленіе ея невинности. Я сестру мою привелъ бы ей въ подозрѣніе, а шѣмъ бы разстроилъ ихъ дружество. И такъ не было мнѣ средствъ ослабить спраданія мои. Спрасть мою испребишь повелѣвалъ разсудокъ, но сердце удаляло и малѣйшее о шомъ помыщеніе.

Какое мучительное состояніе на имѣть возможности ни перенести скорбей, ни исцѣлить оныя! бышь окруженну шьмою спраховъ, обольщенну шь тысячьо шщепныхъ надеждъ, и не пользовашья ниже малымъ спокійствомъ въ безмѣрномъ опчаяніи!

К 4

Одни

Одни влюбленные и подобныя мнѣ въ участи могушъ понимаешъ оное.

Есшлы злая участь разинешъ на кого алчный зѣвъ свой, и начнешъ пожиратъ его оспрады, тогда бѣды послѣдуюшъ бѣдамъ, и часъ желанныя въ шокѣ ослабы будешъ часомъ новыя напасши. Не довольно было моего нещастія, надлежало, чшобъ лишился я и послѣдняго ушѣшенія. Порамиръ, родитель дражайшей моей Гремиславы, отѣхалъ въ другое мѣсто, и увезъ ее съ собою; а я, лишаясь единаго моего удовольствія взирашъ на нее, и спѣсненый отъ скорби, впадши въ болѣзнь, не имѣлъ и крайнѣйшаго щастія съ нею проститься. Какія разрывали тогда грудь мою шомленія, какія ужасныя лещали въ головѣ моей воображенія, описашъ не можно. Довольно было шолько помыслишъ: она ѣдетъ спокойна, она не знаетъ о моихъ мученіяхъ; можешъ бышъ спѣшишъ она увидѣшъ своего любовника. Смершь была единая моя тогда оспрада;

рада; я желалъ оныя; но судьба, приуговорявшая меня къ множайшимъ бѣдствіямъ, удержала дни мои.

Два года не видалъ я моеѣ возлюбленной, но чувствованія мои къ ней шѣмъ ни мало не уменьшились. Могло ли по истребинъ время, что кровь моя приняла за существо свое? Разумъ никогда не смѣлъ предшавишь сердцу, что горитъ оно спрасшью безплодною, а память не дерзала загладитъ изображеніе прелестней, меня плѣбившихъ. Ни одна мысль не была безъ воспоминанія вещаспной любви моеѣ. Желая уменьшишь мои мученія, удалился я въ столичный городъ; но гдѣ могъ я найши оспраду? любовь за мною слѣдовала всюду. Невинныя забавы были шщепнымъ опытомъ изцѣлишь грудь мою. Веселости мнѣ досаждали; сѣшующій лишь въ вздохахъ имѣешъ свое довольство.

К 5

Вѣ

Въ оплучку швою , любезный Клорандъ , нашелъ я домъ швой . Я видѣлъ сестру швою : епо была богиня , но не была Гремислава . То , что не ешь предметомъ нашихъ желаній , не подаетъ намъ ни страха , ни надежды . Безъ робоспи разсматривалъ я ея прелести : память моя изображала близъ ея лице моей дражайшей ; я на нихъ взиралъ , сколь онѣ обѣ были прекрасны . Всякъ бы , кромѣ меня , не нашелъ въ нихъ разности ; но сердце мое не принимало никакихъ впечатлѣній ; оно рассыпало покушенія глазъ моихъ , и только лишь швердило мнѣ : здѣсь иѣшь Гремиславы .

Познавъ , что веселости непришны для души моей , велъ я жизнь уединенную ; а сіе препятшвовало узнать мнѣ о пріѣздѣ сестры моей . Я забылъ сказать тебѣ , Маркизъ , что она вышла замужъ . — Въ одинъ день , когда наиболѣе ошягцалось сердце мое горесшными мнѣніями , вошла она . Видъ мой поразилъ

зилъ ее : что сдѣлалось съ тобою ,
 любезный братъ ? говорила она при-
 мѣняя печаль мою. — Я искалъ
 оправдать оную болѣзнь ; но можно ли
 скрыть скорбь душевную ? Вырываю-
 щіеся вздохи открывали ей оную.
 Она принуждала меня обясниться ;
 и я , находя собственное утѣшеніе
 говорить про любовь мою , не хотѣлъ
 болѣе таить о ней. Сколько сестра
 моя была огорчена сначала моимъ
 состояніемъ , доказывало по собо-
 лѣзующее лице ея ; но узнавъ имя
 моей любовницы , и причину вѣща-
 го моего сѣшванія , не скрыла сво-
 его удовольствія переменною въ чер-
 шахъ своихъ. Я , видя ея соболѣзно-
 ваніе , подвигнувшись былъ съ большимъ
 жаромъ описывать мои чувствованія
 и мученія ; сестра моя улыбалась ,
 а я разсердился. Развѣ насмѣшкою
 плашась за довѣренность , сказалъ
 я ей , и язвы сердца моего не кажу-
 ся тебѣ мучительными ? Нѣтъ , оп-
 вѣчала она принявъ важный видъ ;
 горести свои меня прогаюшь , но
 я

я не нахожу, чтобъ составляло швое отчаяніе. — Какъ! развѣ можетъ быть какой способъ? Я лишень надежды; бѣда моя нескончаема. — Ты думаешь уже нѣтъ средства прошиву твоихъ мученій? Это общее заблужденіе всѣхъ влюбленныхъ.

Но много будетъ описывать весь разговоръ нашъ. Я спорилъ, а она смѣялась, и выводила меня изъ терпѣнія. Однако сжалясь объяснила мнѣ, что чувствованная Гремиславою склонность къ ея любовнику пресѣклась, и что все онаго щастіе состояло въ томъ только, что онъ ей нѣсколько нравился; но былъ ли ею любимъ, о томъ совсѣмъ не вѣдалъ; что теперь сердце ея ничѣмъ не занято, и что она съ родителемъ своимъ поѣхала въ сосѣдственную моей деревню.

Какая неожиданная вѣсть! можно ли изобразить бывшія отъ ней во мнѣ сраженія надежды, радости, недовѣрчивости и сомнѣнія? Кровь
 мод.

моя волновалась, и разсыпая попере-
 мѣнно всѣ сіи чувствованія по чер-
 шамъ моимъ, лишала меня памяти.
 То бросался я къ ногамъ сестры
 моей, благодарилъ ее, умолялъ; по
 кричалъ, чтобъ подали мнѣ лоша-
 дей, кликалъ моихъ слугъ, имяно-
 валъ Гремиславу, и едва удержалъ
 мой разумъ. Сколь сладкое разли-
 лось тогда въ груди моей удоволь-
 ствіе! и хопя еще не вѣдалъ, могу
 ли надѣяться въ любви моей успѣха,
 но ощущалъ великую отраду. Раз-
 ноша была въ опчаяніи, и получишь
 упованіе! Претерпѣвшій корабле-
 разбише, и носимый по волнамъ
 моря, борясь съ смертію, когда ося-
 заешь руками берегъ, можешь толь-
 ко примѣромъ быть мнѣ въ обрадо-
 ваніи. Всесильныя небеса, вопилъ я!
 дозвольте мнѣ увидѣть мою любез-
 ную, до единого только этого часа
 прошу продлить жизнь мою, чтобъ
 открыться Гремиславъ въ любви мо-
 ей, и предаю всю оставшую на му-
 ченіе. Вошъ безбожное заблужденіе
 не-

нещасныхъ, думаешь, что небеса увеселяются нашими страданіями! мы сами, изобрѣтая причины нашихъ бѣдствъ, вину на нихъ слагаемъ. Я не былъ безбожникъ; но любовь всегда ли водима разумомъ? — Я просился съ сестрою моею, и не медля ни одного дня, поскакалъ въ деревню, куда и прибылъ скоро.

Первое дѣло мое было увидѣшь мою дражайшую. Можно ли изъяснить радостные восторги сердца, очутившагося близъ предмета милого послѣ шоль долгой разлуки? При первомъ взглядѣ едва не лишился я дыханія, рѣчь остановилась на губахъ моихъ, и одни глаза явственнѣе зеркала представляли чувство душевное; они бы предали меня, если бы кто возымѣлъ въ томъ подозрѣніе. Но многихъ сполло усильствѣ сокрышь мое смяшеніе. Я принялъ съ чистосердечною ласкою; а прилагаемая мною старанія приобрѣли мнѣ совершенную склонность въ домъ моей любезной, и ушвер-

дили

дили привязанность и довѣренность. Разнесшійся слухъ о перемѣнѣ моихъ свойствъ учинилъ меня пріятнѣе въ глазахъ Порамировыхъ. Ближнее сосѣдство, частыя свиданія, открытое обращеніе служили къ моему намѣренію; но никогда не нашелъ я смѣлости открытъ Гремиславѣ мои чувствованія. Есльли бы она хотѣла примѣчать, взоры мои высказали бы ей лучше языка расположеніе моего сердца; но неожиданная нападенія съ сей стороны, не приводила она взоровъ на испытаніе. Все время протекало въ невинныхъ шуткахъ, и разговоры наши наполнены были одними забавными произшествіями, ни мало до любви некасающимися. Однако для меня все то было новымъ орудіемъ ко умноженію ранъ въ груди моей; мы сиживали съ нею наединѣ: довѣренность ея, невинныя ласканія, служили лишь къ наивышшему моему паѣну.

Нѣ.

Нѣкогда разговоръ нашъ дошелъ до разсужденій о разности спра-
стей, и наконецъ до любви: я за-
щищалъ любовь, основанную на здра-
вомъ разсудкѣ, но думаю, что
философствованіе мое не очень уда-
лялось отъ моей пользы. Случай
сей довелъ меня начать шутку о
первомъ ея любовникѣ. Вы, судары-
ня, не всегда были равнодушны, го-
ворилъ я съ улыбкою. Я извѣстенъ,
что сердце ваше имѣло впечатлѣніе
заразъ. Вы ошиблись, отвѣчала
она; никто еще не могъ льстить
себя моею склонностію; я всегда
удалялась случаевъ, вооружающихся
на мою вольность. — А Фериданъ
развѣ не могъ внушить вамъ дру-
гихъ мыслей? Я довольно вѣрояпно
слышалъ, что вы его отъ другихъ
опмѣняли. Она хотѣла оправдать
себя, а я доказывалъ ей яснѣе, и
на послѣдокъ она, видя, что тайна
ея мнѣ очень свѣдома, не хотѣла
далѣе скрывать оную. Признаюсь,
сказала она, что я находила въ
немъ

немъ нѣчто нравящееся; но сіе не споль было сильно, чшобъ могло до сихъ поръ занимать меня. Вся склонность моя къ нему раждалась отъ свычки: съ малыхъ лѣшъ мы воспитаны были вмѣстѣ. Въ нѣжной еще молодости онъ дѣлалъ мнѣ угожденія, а чувствуемая за то благодарность была основаніемъ нѣкопорова любви; женщины ощущаютъ, что для оной созданы, и прежде, нежели начинаютъ понимать себя, сердца ихъ познаютъ наклоненіе къ сей страсти. Онъ могъ бы быть любимъ, естли бы шолько приложилъ стараніе; но мы распались съ нимъ по десятому году, слѣдственно разлука могла ушущить начало пламени. Между тѣмъ разумъ мой созрѣвалъ и начиналъ бороться съ моею склонностію, тѣмъ наиболѣе, что поведенія Феридата не соотвѣтствовали моимъ желаніямъ. Я забыла его, и не думаю, чшобъ нынѣ къ сердцу моему могъ быть свободный путь: чѣмъ больше

Часть VII.

Л

я

я познаю свѣшѣ, шѣмѣ опаснѣе ка-
жется мнѣ полѣ, для котораго, го-
воряшѣ, будшо бы мы созданы.

Желая далѣе испышашѣ ея
сердце, оказывалѣ я мою недоувѣр-
чивоспѣ, приводя, что первыя склон-
ности съ шрудомѣ испребляющся,
и шѣмѣ принудилѣ ее къ спаранію
удостовѣряшѣ меня. Какимѣ напол-
няла она душу мою удовольствіемѣ!
Надежда моя разцвѣшала, и еснѣли
бы истинная любовь не была пре-
провождаема робоспію, я повергѣ бы
себя къ ногамѣ ея, я изѣяснилѣ бы
ей мои мученія. Я молчалѣ, и
чтобѣ скрышѣ мое смяшеніе, дол-
женѣ былѣ прибѣгнушѣ къ шуш-
камѣ. Оспавимѣ сей суровый раз-
говорѣ, говорилѣ я смѣючись. Въ
шакowychъ лѣтахѣ съ такою кра-
сошою непроснишельно бынѣ шоль
жеспокою. Возѣимѣйше нѣсколько жа-
лосши о вашемѣ любовникѣ, сочи-
ше меня, что это онѣ; и чтобѣ
скучные часы сдѣлашѣ нѣсколько
жи-

живѣе, позволите мнѣ иногда говорить его устами. Можешъ быть нѣсколько вѣжныхъ словъ возобновяшъ ваши раны. Вотъ случай испытать вамъ себя. Признаюсь, что я нахожу особенное удовольствіе принявъ сторону несчастнаго Феридата; я весьма жалосливъ къ злополучнымъ. . . . Посмотримъ на спротивную Гремиславы, посмотримъ, какъ жестоко будетъ она принимать бѣднаго своего плѣнника! — Гремислава смѣялась сей моей шушкѣ, и бывъ веселаго нрава, позволила на мое предложеніе. Конечно не понимала она истиннаго моего намѣренія. Мы разсѣлись.

Какой способъ могъ лучше служить моимъ желаніямъ! я расположилъ роль мою, какъ только могла мнѣ внушить любовь моя. Нѣсколько дней велъ я однѣ только шушкы; но на послѣдокъ обратился оныя къ спорамъ моихъ выгодъ. И такъ бѣдный Феридатъ, говорилъ я, навсегда останешся въ неизвѣстности

о своей участи. Вы шупите надъ его воздыханіями, но ему легко сносить то: онъ о васъ не думаетъ и не знаетъ о моихъ за него спараніяхъ. Но сколь бѣднѣе его повѣренный! онъ, извѣсяя его мысли, заразилъ свою душу. Феридатъ оспанетса спокоенъ, а я сего на вѣкъ лишился. — Чшо значатъ слова сіи, прервала рѣчь мою съ улыбкою Гремислава? нашъ уговоръ до васъ не касался. — Ахъ сударыня! но эшотъ уговоръ шакже не касался до глазъ моихъ; онымъ не запрещено было взирать на ваши прелести. Говоря съ вами о любви, можно ли оспатъся равнодушну? сердце мое сполько заразилось вашими совершенствами, чшо уже нѣтъ больше силъ скрывать спрасъ мою. — Оспавъте шупки, подхвапила она; я не люблю ничего печальнаго. — Поздно уже шупить, прекрасная Гремислава; я люблю васъ, и люблю сполько, чшо ни время, ни жестокость ваша не возмгшъ уже изцѣ-

изцѣлишь раны, учиненныя въ моемъ сердцѣ. . . . но что я говорю не возмогушь? не возмогли уже: два года уже горю я къ вамъ чистѣйшимъ пламенемъ. Первый взоръ мой на васъ рѣшилъ мою участь. Почтеніе мое обуздывало языкъ мой; не смѣлъ я сказать вамъ о моихъ мученіяхъ. Слухъ о любви вашей къ Феридату повергъ меня въ необразимыя спраданія, и я, не могши ни истребить моей любви, ни уменьшитъ опчаянія, умеръ бы безъ того, чтобъ вы, дражайшая Греми-слава, пожалѣли о моей участи. Не знали бы вы до сихъ поръ о моихъ спрадавіяхъ, естълибъ умягчившаяся судьба не открыла мнѣ о свободѣ вашего сердца. Но какъ могу я описать любовь мою? Нѣтъ выраженій, кои бы однимъ словомъ могли предъ глазами швоими изобразить мою душу; всѣ они слабы, всѣ горячности моей недостойны. Теперь познай, не достоинъ ли я жадости: я любилъ тебя безъ надеж.

Д 3

ды ;

ды, разумъ мой не осмѣлился предлагашь о испребленіи спрасши безполезныя. Можешъ бышь я недаespoинъ и шеперь швоей горячності, можешъ бышь шы ошвергнешь приношеніе шого сердца, вѣ коемъ на вѣкѣ запечашлѣно швое имя; но поколь прелесши швои будущъ вѣ немъ означены, пока сіе спраждушее сердце будешъ питаешь меня чувшвами и дыханіемъ, шы будешь казнью и благополучіемъ моей жизни. —

Тутъ Гремислава, пребывавшая дошоль вѣ молчаніи, прервала слова мои, и сказавъ, что ешо ни что иное, какъ обыкновенная шушка, вышла вонъ съ замѣшательствомъ. Я запрепешалъ о моей смѣлосши, и думая, что шѣмъ огорчилъ ее, укорялъ себя, покушался остановишь ее, но она удалилась.

Тогда чувшва мои возмушились новымъ соболѣзнованіемъ. Я огорчилъ ее, говорилъ я самъ себѣ. Не полезнѣе ли было любишь ее вѣ молча-

ча-

чави? Можетъ она станеть те-
 перь ошъ меня удаляться? Я не мо-
 гу уже безпрепятственно взирать
 на нее, не буду уже наслаждаться
 невинными ея ласками; она оспере-
 шется оспаваться со мною наединѣ.
 Какія шо будущъ принужденія для
 любви моей! какія шо ошягощенія
 для моего сердца! Сіе повергло меня
 въ жестокое увынїе; но попомъ
 разсуждая о произшедшемъ, размыш-
 лялъ я: не ужъ ли не примѣшила она
 изъ моихъ взоровъ состоянїя души
 моей? Есльи бы опасна ей каза-
 лась страсть моя, допустила ли бы
 она говорить миѣ о ней споль дол-
 го? Оспавалась ли бы она наединѣ
 со мною, и за чемъ бы ей увѣряшъ
 меня шакъ много, что сердце ея ни-
 кѣмъ не заняшо? Миѣнїе сіе вос-
 крешало опять умирающую мою на-
 дежду, и я съ шрепешомъ ласкалъ
 своему сердцу, что можетъ быть
 слова мои возѣимѣютъ какое нибудь
 дѣйшвіе. Послѣ сего искалъ я слу-
 чая возобновишъ съ нею разговоръ

мой, но она старалась убѣгать меня. Она казалась мнѣ предѣ прежнимъ задумчивѣе; что хотя было мнѣ пріятно, ибо мы изъ всего умѣемъ выводить шѣ слѣдствія, коихъ хочешь наше сердце, но не объяснишься съ нею не доставало во мнѣ перцѣнія; почему опважился я написать къ ней слѣдующее:

„Я предпріялъ писать къ вамъ.
 „Открывши мои чувствованія, сдѣлавшись уже дерзостнымъ, могу ли
 „я больше быть виновнымъ? Вы можете
 „быть презираете любовь, вами
 „во мнѣ возженную, то, что мнѣ
 „кромѣ ошчаянія! прибавитъ ли уже
 „смѣлость сія ваше ко мнѣ презрѣніе?
 „Естьли я шоль несчастенъ, къ
 „кому прибѣгну я въ моемъ спраданіи,
 „какъ къ причинишельницѣ онаго?
 „Прими, жестокая, воздыханія, влекущія
 „меня въ погибель. Но лишишь ли
 „меня на вѣкъ покоя, не ужъ ли
 „лишишь послѣдней отрады раскрышь
 „предѣ побою мое сердце, увѣришь
 „себя о моихъ намѣреніяхъ? Но какъ
 „ни

„ни примешь ты сіе начертаніе, не
 „въ силахъ уже я удержашь руку мою
 „ошъ послѣдняго сего сердцу моему
 „угожденія; я полагаю тебя поль
 „великодушну, что снизойдешь на
 „прозьбу прочешь оное до окончанія.
 „И такъ вѣдай, владѣтельница дней
 „моихъ, что сила любви моей не естъ
 „изъ тѣхъ скоропреходныхъ чувствъ,
 „кои раждають однѣ прелести. Нравъ
 „швой и разумъ обворожили мою ду-
 „шу, больше нежели красота швоя
 „могла проникнуть въ грудь мою. Съ
 „самаго начала, когда глаза мои из-
 „влекли съ совершенствъ швоихъ за-
 „разы въ кровь мою, прибѣгнулъ я
 „къ разсужденію, съ нимъ распола-
 „галъ я основанія любви моей; оно,
 „удаляя изъ мыслей все предосуди-
 „тельное добродѣтели, ушверждалъ
 „мою склонность. Я не ношу къ те-
 „бѣ кромѣ чистѣйшихъ желаній. Мо-
 „жетъ бытъ судьба полагаетъ пре-
 „поны моимъ намѣреніямъ; но поло-
 „житъ ли она предѣлы любви моей?
 „Увы! ни злополучія мои, ни самое

„швое презрѣніе не власны уже испре-
 „бить то, что обратилось мнѣ въ
 „природу. Я долженъ любить тебя
 „вѣчно, какой бы судьба конецъ се-
 „му ни полагала: естли я не могу
 „производить въ тебѣ моего пламени,
 „несчастіе послужишь ему всегдашнею
 „пищею; онъ будетъ пылать и въ
 „самомъ моемъ гробѣ. Разлучашъ ли
 „насъ, спенанія мои послѣдуютъ
 „тебѣ всюду, и сердце мое не изле-
 „читъ никогда той язвы, кою со
 „удовольствіемъ несешь печаль моя.
 „Я опрекаюсь опъ самаго себя; пре-
 „давая во власть твою дни мои, про-
 „шу только единого твоего сожалѣнія.
 „Позволь мнѣ любить тебя, прими
 „подъ законы свои мое сердце. . . .
 „Но естли ты нашла въ свѣтѣ лю-
 „бовь чистѣйшую, безпримѣрную и
 „основанную на добродѣтели, опасно
 „ли тебѣ удовлетворить ей единымъ
 „пожалѣніемъ? Ошягошишься ли грудь
 „твоя единымъ о мнѣ вздохомъ?
 „Будешь ли ты меньше спокойна,
 „естли примешь владычество
 „надъ

„надѣ жизнью того, кто себя обо-
„жаетъ?“,

Гремислава, получа письмо сіе, прочла оное, но не удостоила меня отвѣтомъ. Я огорчился, и поѣхалъ искать послѣдней удачи поговорить съ нею. Щастіе служило мнѣ, я нашелъ ее одну. Увидя меня, опустила она внизъ глаза свои; а я шелъ какъ преступникъ предъ строгаго судію. — Письмо мое васъ прогнѣвило, вы не удостоиваете меня своего взора, говорилъ я упавъ къ ногамъ ея! Ахъ! что вы дѣлаете, вскричала она поднимая меня? я еще не нахожу причины имѣть на васъ неудовольствія. Кто дѣлаетъ вамъ предпочтеніе, на того сердиться не можно; но что лежитъ до чувствованій вашихъ ко мнѣ, оставьте меня въ той нерѣшимости, кою произвело во мнѣ письмо ваше. Я считала все за одну шутку, но вы желаете лишить меня того невиннаго успѣшенія, кое находила я въ моей къ вамъ довѣренности;

во-

вооружаясь на мою вольность, принуждаете вы меня взять прошиву васъ оспорожность. Я чаяла привлекать лишь вашу дружбу, а вы желаете превратить оную въ любовь. Сердце мое не имѣло еще ея надѣ собою власпи, по можно ли такъ скоро познать его чувствованія? Сами вы увѣряли меня, что страсть ваша основана на совѣсахъ разума, за чтожъ не дасть и мнѣ испытать его опредѣлений? Не признаетесь ли вы, сколь много превосходитъ цѣнашого, что сердце даетъ само собою, прошиву шого, что извлекаютъ изъ него доукою? — Прекрасная Гремислава, вскричалъ я! разсужденія ваши меня восхищаютъ; но когда вы плѣняете меня опчасу больше, возможно ли имѣть шерпѣніе сердцу, сполько вами спраждущему, оставаться въ шѣсныхъ предѣлахъ надежды? Оно время вашихъ размышлений вмѣнитъ за нечувствительность, и улаждающее духъ мой упованіе смѣсиль съ ядомъ опчаянія.

нія. Вообразите мои мученія; я
 естѣли возѣмѣете хопя немного со-
 жалѣнія, позволѣте мнѣ любить
 васъ, хопя не имѣя на шо вашего
 признанія. Позволѣте мнѣ говорить
 вамъ о моихъ спенаніяхъ; ска-
 жите, что не прошивна вамъ
 спрась, кою оживошворяють во
 мнѣ ваши прелести. — Чшо жъ
 выходитъ изъ сихъ пребваній, ска-
 зала Гремислава? Не самага ли при-
 знанія въ любви вы отъ меня хо-
 чете? женщина, слушающая съ тер-
 пѣніемъ нѣжныя слова мущины, раз-
 вѣ можетъ считаться равнодуш-
 ною? эшо будетъ шожъ, что при-
 знаться въ любви. Умѣрьте вашу
 дерзпѣливость; много естѣ препонъ
 одобрять мнѣ вашу склонность. Не-
 постоянство вашего пола не бы-
 ваетъ ли часто причиною позднихъ
 раскаяній нашего? Тогда не возвра-
 щаютъ наши слезы сердца охладѣв-
 шаго; презрѣніе обыкновенно послѣ-
 дуетъ къ намъ отъ нашихъ побѣ-
 дителей. Сія естѣ участь нашего
 мягко-

мягкосердія! Не часто ли терпимъ мы за шо полвоко, что мы болѣ васъ искренни, что мы увѣряемъ въ коварныхъ вашихъ исканіяхъ, и что полагаемся на кляшвы ваши, коихъ не смѣемъ относить къ сомнѣнелъству? сколько въ свѣтѣ измѣнниковъ, и сколько обманушихъ? — Ахъ, дражайшая Гремислава! но могу ли быть изъ таковыхъ я? безпредѣльная моя къ вамъ спрасть — Вы опять обращаетесь къ спрасти; а я говорю о недовѣрчивости. Для чего не быть и вамъ изъ таковыхъ, когда вы мущина? слыхали ли вы, чтообъ жаловались въ помѣ на женщину? когда еспаляетъ она спрастнаго своего любовника? не многократно ли прощаемъ мы вамъ ваши измѣны? но снисхожденіе сіе всегда ли обращаетъ васъ къ раскаянію? Конечно природа къ подкрѣпленію слабаго нашего рода дала намъ сердце сполько нѣжное, чтообъ жалость онаго умѣла находить вамъ извиненіе. Ка-
кую

кую вы имѣете надъ нами власть? откуда производите право преступать данныя вами намъ обѣщанія, кои однако между собою вы свято храните? Одно данное вами слово обязуешъ васъ со всякимъ человѣкомъ, а кляшвы, часто повторяемыя вами же избранной любовницѣ, могутъ быть забыты. О мушкетеры! вы хищные звѣри, коихъ блаженство и утѣхи мы производимъ. Что бы сдѣлалось съ вами, если бы крошестію не одарила насъ природа? развѣ вы думаете, мы не можемъ омыть кровію преступныя отъ васъ обиды? могли бы, если бы добросердечіе не ушумало въ насъ мщенія. Чѣмъ утверждаете вы мнимое сіе преимущество? правомъ сильнаго! за чѣмъ же не слѣдуете вы оному, по что не употребляете силу вмѣсто лести? мы бы защищались умѣли, и привыкнувъ пропившись, научились бы побѣждать. Хотя не можно судить о цѣломъ свѣтѣ по нѣсколькимъ

вло.

злосердымъ , но не должна ли всякая женщина помыслишь о всемъ томъ , что я шеперь вамъ говорила , естли только не хочешъ сдѣлаться несчастною ? Вы говорите мнѣ по же , что говорите всякой мущина женщинѣ ; но съ какимъ упованіемъ допустите мнѣ къ сердцу слова ваши ? на какой конецъ ищите вы любви моей ? Естли вы имѣете намѣренія порочныя , шо дерзосшь сіа не влечешъ за собою , кромѣ моего презрѣнія ; не испытавъ свойства женщины , честный чело-вѣкъ не осмѣлился имѣть ихъ . Естлижъ законныя , я могла бы сказать вамъ , что оныя мнѣ не-прошивны , когда бы не предвидѣла великихъ въ томъ предяшспвій : вы слышали , что за васъ говорено о томъ было ошцу моему , и что онъ не подалъ на шо никакой надежды . Все сіе отвращаетъ меня предашся склонности , кою можешъ бышь впрочемъ нашло бы пріятною мое сердце . Разсудите о истиннѣ словъ

мо-

моихъ, и испребите спрасъ, коя можешъ быть для васъ вредною.

Таковыя слова могли бы повергнушь меня въ совершенное опчаянiе, естли бы посреди разсужденiя строгой истинны не примѣшилъ я въ рѣчахъ любезной моей нѣкоторой ко мнѣ склонности. Почему ободривъ себя слабою сею надеждою, и повергшись предъ Гремиславою на колѣни сказалъ; все, что вы ни говорили мнѣ, есть столь справедливо, что не лзя бы уже ничѣмъ польстить моей страсти, естли бы она находила довольство свое возшедъ на верхъ своихъ желанiй. Въ любви намѣренiя порочныя и законныя стремятся къ концу своему, по совершенiю оныхъ желать чего уже не остается; но любовь истинная конца не имѣетъ, любовь, которую я пишу къ вамъ, ищетъ возрастать, а не уменьшаться. Посреди спрогаго вашего разсужденiя не скрыли вы, что я могъ бы льстить себя вашею склонностию, естли бы одсбряла оную

Часть VII. М Добро-

добродѣшель. Ахъ дражайшая! не уклоняйшесь никогда отъ оныя; я доспойнѣ бы былъ вашей ненависти, ежели бы могъ мыслишь пропивное. Послѣдуйте добродѣтели, и въ ней самой найдете вы одобреніе той склонности, которой я прошу отъ васъ. Любите меня; я отрекаюсь отъ всѣхъ претребаній, любите меня такъ, какъ и я васъ безъ всякой надежды. Удостойте совершенную повѣренностию шомъ огонь, которой вы мнѣ вдыхаете, и который умѣете сдѣлать непорочнымъ. Развѣ я прошу васъ: извиняйте мои дерзости, прощайте моимъ исповсывамъ? Нѣтъ, я прошу только, любите меня чистосердечно, увѣрьшесь, что и я люблю васъ также, и позволите мнѣ на вѣкъ сохранить къ вамъ сіи чувствованія; но презрите меня въ шомъ самый часъ, когда я учинюсь добродѣтельныхъ вашихъ мнѣній недоспойнымъ. Ахъ! для чего опасность швоя восходитъ далѣе моихъ желаній? какъ худо знаешь ты сіе сердце,

сердце, кое тебя богошворишѣ; сіе сердце, которое при всякой ступени швоей изѣ меня излепаетѣ и предѣ тобою простираетѣся; сіе сердце, кое хотѣло бы вымыслить для тебя новыя поклоненія, смершнымѣ еще неизвѣшныя! — Вспаньте, сказала миѣ Гремислава; вы сполько меня смушили, что я забыла о томѣ, что вы предо мною на колѣнахѣ. Но что миѣ еще говорить вамѣ? . . . вы пребуете, чтобѣ я дозволила вамѣ любить себя; вѣ моей ли волѣ запрешить сіе? вы хотите, чтобѣ и я любила васѣ безѣ надежды: о естѣлибѣ можно было любви полагать предѣлы! . . . Чшожѣ сказать еще? естѣли я сносила шоль долго ваши увѣренія, естѣли разсуждала я о невѣрности вашего пола сѣ такимѣ прилѣжаніемѣ, не шю ли оно было, чтобѣ найти извиненіе разговору, касающемуся до любви? . . . Ахѣ! естѣли я терпѣла о ней отѣ васѣ слушать, шю что миѣ больше сказать вамѣ? — Такѣ вы меня

любите, прекрасная Гремислава! вскричалъ я цѣлуя прелестную ея руку. . . . . Желанія мои совершились. . . . благополучная минуша! не стоишь ли ты сполѣшняго мученія? Прими, дражайшая, продолжалъ я, прими сіе подвласшное шебѣ сердце, укрѣпляй его бышіе твоею любовію; добродѣтель ивоя сохранишѣ его непорочность. Прими кляшвы о вѣчной моей вѣрности. . . . . но за чемъ онѣ? время докажетъ шебѣ силу моего чистосердечія. — Я полагаюсь на него, сказала Гремислава, и весьма бы была несчастлива, ежели бы могла не довѣрять шебѣ. Когда мы обязуемся любить другъ друга безъ надежды, шо нѣшѣ намъ инаго пламени, кромѣ возженнаго на олшарѣ добродѣтели; опасайся потемнить чистоту онаго. Одна порочная искра разсыплется ядомъ посреди душъ нашихъ.

Но много будешѣ повѣстствовать всѣ слова, нами тогда произнесенныя; короче скажешь: мы открыли другъ

другъ другу, чего желали, что чувствовала уже давно ко мнѣ Гремислава, чего я не примѣшала, и что стоило мнѣ несказанныхъ спраданій. Какую перемену ощутилъ я послѣ сего щастливаго открытія! любить и быть любиму: сообщеніе, коего ни съ какимъ блаженствомъ въ свѣтѣ сравнить не можно. Раны сердца моего, расправляемыя допольвдыханіями, не ныли уже къ перзаніямъ души моей; чистосердечныя ласки моей любезной изпробляли изъ нихъ ядъ, вложенный опчаяніемъ. Страніе мое было угождать любви моей частымъ свиданіемъ; сіе шело безпрепятственно, и мы почти не знали тягости горестнаго принужденія, которое имѣли мы долженствуя скрывать отъ людей страсть нашу.

Нѣкогда сказала мнѣ Гремислава: нынѣ я узнала, что никакая въ свѣтѣ любовь не можетъ быть безъ скорби. Безпорочныя намѣренія швоей ко мнѣ склонности льстятъ

моему сердцу, что оно не должно
 имѣть никакого раскаянія предав-
 шись во власть свою; но самая сія
 безопасность не защищаетъ меня
 отъ робости, соединенной всегда съ
 любовію. Мы вступаемъ только на
 первый шагъ нашего вѣка: кто мо-
 жетъ увѣрить насъ, что на всѣ
 предвѣдущіе дни останемся мы въ
 сихъ расположеніяхъ. Ахъ! я хотѣ-
 ла сдѣлать сердце мое навсегда лю-
 бовной спраски неприсущнымъ, и
 не ввѣряться ей обманамъ. Она ка-
 жется сперва непорочною и учреж-
 денною по правиламъ добродѣтели;
 въ любовницѣ начинаютъ сперва
 любить будто бы ея добронравіе,
 разумъ и опмѣнные отъ прочихъ
 поступки; но сіе мнѣніе только ос-
 лѣпляетъ любовника, и онъ нечув-
 ствительно заражается страстію, и
 послѣ познаетъ, что онъ любитъ
 больше самой тошъ предметъ, не-
 жели приданную оному добродѣтель.
 Тогда любовь, не имѣя больше причинъ
 скрываться, съ такимъ тиранствомъ
 на-

начнетъ повелѣвать имъ, что онъ отъ мученія развратится въ своемъ нравѣ, любовь лишитъ его покоя и утѣшенія, и предпріятія его учредятся по самовластному ея своенравію. Она, обольстя его, принудитъ спараться о шаковомъ обманчивомъ и мнимомъ благополучіи, которое только издали прелестнымъ кажешся, а вблизи не являешъ, кромѣ отпращенія и раскаянія. Не могу ли я ожидать сего съ стороны твоей? и можешь ли ты самъ за себя ручаться, что избѣжишь сего преткновенія? Тогда-то опасуюсь я, что непорочныя наши обѣщанія уничтожатся, и неудовольствіе твое въ твоихъ желаніяхъ родитъ ко мнѣ холодность. Но только ли? нѣтъ для меня въ тогдашнемъ случаѣ кромѣ ужаса; можетъ быть и я, привыкнувъ любить себя и добродѣшель, подвергнуся жестокимъ законовъ сихъ сраженіямъ. Что будетъ тогда съ спокойствомъ непорочнаго нашего пламени? — Ахъ, дра-

М +

жай-

жайшая Гремислава, прервалъ я рѣчь
 ея! все, что вы шеперь ни говорили,
 со мною уже случалось, довольно я
 испытался, и остался бы безъ того
 навсегда несчастливымъ. Самое сіе
 искушеніе научило меня опличать
 цѣну любви истинныя; мученія и
 безпокойства явили уже мнѣ гнус-
 ность порока. За удаленіе мое отъ
 добродѣтели плашилъ я очень доро-
 го; оное не влечетъ за собою, кромѣ
 жестокихъ пораженій совѣсти. По-
 зналъ уже я, что любовь, когда ей
 хощя мало что позволишь, въ же-
 ланіяхъ своихъ границъ не полагаетъ;
 довольно извѣстно мнѣ, сколь труд-
 но слѣдовать ей совѣтамъ. Сна-
 чала кажется; буди мы, попуска-
 ясь въ слабость, ни на что вдругъ
 не опваживаемся, и имѣя на самихъ
 себя излишнюю надежду, по скольз-
 кому приугоповленному намъ отъ
 нея пути безразсудно слѣдуемъ, и
 заходимъ въ такое мѣсто, на ко-
 емъ уже и устоять не можно. Лю-
 бящіеся отъ природной слабости
 /шакъ

шакъ съ нею обязываюшся, что хо-
шя наконецъ изъ сѣней ея свобож-
даюшся, однако честь свою въ нихъ
оставляюшъ. Но не будешь уже шо-
го въ любви моей къ вамъ; сердце
мое, хотѣніями своими обмануное,
а спрданіями изведенное изъ за-
блужденія, суешною мечпою уже не
улаждается; можешъ бышь оно еще
сжалѣешъ о ней, но не обрѣшетъ
уже моего повиновенія. Будь без-
опасна съ сей стороны, моя любезная.
Естьлибъ я хощя мало удалился за
предѣлы, назначенные моимъ почи-
таніемъ, сама любовь сія, чистѣй-
шая сія любовь, замучила бы меня
своими укоризнами. — Я оставляю
сіе, говорила Гремислава; извѣстно
миѣ, сколь прелестна та безопас-
ность, коя происходитъ отъ чув-
ствованія союза совершеннаго. Черезъ
нее ты извлекаешъ изъ сердца сво-
его доброе свидѣтельство моему,
черезъ нее, то и мое тебя оправдаешъ;
я гораздо бы считала тебя менѣ
влюбленнымъ, естьли бы видѣла те-

бя въспревоженнаго. Но только ли
 еще причинѣ къ моему безпокойству!
 опредѣляемъ мы любить другъ дру-
 га вѣчно; увѣрясь въ швоемъ серд-
 цѣ, отвѣчаю я и за свое, зная, что
 оное никто у себя похитить не
 можешъ; но могу ли я также от-
 вѣчашь и за мою руку, которая со-
 стоитъ во власпи моихъ родителей?
 Еслии они не найдущъ щаспія ее
 вручить тебѣ, можешъ быть избе-
 рушъ то, что покажешся имъ вы-
 годно, можешъ принудящъ меня
 клясться человѣку, ненавистному шю
 любвию, коя вся опдана тебѣ безъ
 изъясніа. Не буду ли я тогда вдвое
 несчастлива? первое, что и непороч-
 ную любовь къ тебѣ должна щиташъ
 ужъ преступленіемъ; а второе, что
 должна тогда спараться отвращашъ
 взоръ мой отъ предмета, кошо-
 рый вѣчно будешъ ему милъ. Ка-
 залось бы, что законъ и должностъ
 не вооружающся прошиву любви не-
 порочной, но ша же самая долж-
 ностъ будешъ укорящъ меня необхо-
 димо

димо слѣдуемымъ огорченіемъ шого
 супруга, который можешъ бышь зло-
 щастіемъ моимъ мнѣ опредѣляется.
 Сія страшная должность можешъ
 бышь ушвердишь во мнѣ добродѣ-
 шель, но не испровергнешъ моего не-
 щастія. Что будешъ шогда съ бѣд-
 ною швоею Гремиславою? — Дра-
 жайшая, возопилъ я цѣлуя ея руку!
 слова швои восхищаютъ меня радо-
 стію, и купно поражаютъ жесто-
 чайшимъ образомъ; самая непороч-
 ность не даешъ мнѣ прибѣжища,
 чтобъ укрышья отъ содрогнутія
 при семъ ужасномъ воображеніи. При-
 знаюсь, что какъ ни располагаю я
 по правиламъ добронравія мою страсть
 къ шебѣ, какъ ни вооружаюсь добро-
 дѣтелью прошиву всѣхъ грозящихъ
 бѣдствѣ, но не могу помыслишь,
 какъ узрѣшь себя во обѣщаніяхъ
 инаго. Трудно дѣлшься шюю вещью,
 коя одна милѣе жизни; случай сей
 долженъ прекратишь дни мои. . . .
 Но за чемъ намъ представляшь не-
 щастія, когда мы должны думатьъ
 шюль-

только о благополучіи? за чѣмъ намъ ожидать наказанія, когда сердца и души наши чисты? Наказывало ли небо непорочность? иѣшь, вѣрь мнѣ, любезная Гремислава, что судьбы наши въ досаду щасію, роднѣ, и можешь бышь и намъ самимъ соединены на вѣкъ, и мы не можемъ бышь злощасными иначе, какъ вмѣстѣ. Предвѣстія сердца моего по мнѣ обѣщающѣ. Можешь бышь скоро разрушатся всѣ препоны, наполняющія сомнѣніемъ нашу участь. Любовь моя не ужь ли не сильна подашь мнѣ въ щомъ помощь? я просиру себя предъ швоимъ родителемъ, у ногъ его попрошу я возстановишь жизнь мою. Человѣколюбное сердце его смягчится суровостію моего рока, и жалостное мое состояніе побѣдитъ всѣ ополченія предразсудковъ. Но естли мы будемъ и споль злощасны, что и великодушный изъ человѣковъ обрашися намъ въ ширання, въ тебѣ, моя дражайшая, въ тебѣ только

моѣ

ное прибѣжище. Кто можешь пове-
лѣвать склонношми? запрешашъ ли
себѣ любить меня? еспли не будешь
ты раздѣляшь со мною любовный
жаръ, шо раздѣлишь мои мученія;
а проливаемая слезы въ твои нѣдра
не шакъ будутъ для меня горьки.
Мы обратимся тогда къ добродѣте-
ли, она придетъ подкрѣпитъ насъ
свяшою своею жестокостію, она дастъ
намъ могущество быть швердыми,
чшобъ послужитъ ей достойно въ шоль
горешной должности. — Правда,
сказала съ усмѣшкою Гремислава, сіе
послѣднее убѣжище всѣхъ бѣдствую-
щихъ: когда нѣтъ другаго способа,
мы обращаемся къ ней. Но знаю
я и шо (продолжала она важнымъ
видомъ), чшо еспь конецъ всѣмъ зло-
получіямъ; надобно лишь умѣть
шерпѣть, а добродѣтель должна бу-
дешъ наконецъ поржешествовать. —
Увы! (отвѣчалъ я) упоясь любовію,
размучась восшоргами, долженствую я
ожидать сего медлительнаго часа съ
болѣзненною нешерпѣливостію. Благо,
по-

получныбѣ были смертныя, еснѣли бы небо исключило изъ жизни всѣ скучныя промежки времени, раздѣляющіе таковыя минушы. — Останимъ сіе, говорила она; знаю я, что мы можемъ имѣть еще надежду бытъ когда нибудь соединены. Но и въ самыхъ нѣжнѣйшихъ узахъ брака развѣ естѣ убѣжище отъ скуки? Навсегда ли останешся сія пылающая страсть? Время изгаситъ сей огонь; а когда желанія кончатся, могу ли я уповать, чтобъ ты былъ повсегда сполькожѣ ко мнѣ спрашенъ? — Ахъ дражайшая Гремислава! когда бы я только достигъ сего щастія, клянусь тебѣ, что ты не различила бы супруга отъ любовника; самая сія непорочная любовь послужитъ къ спокойствію дней предвѣдущихъ. Должайшее наслажденіе испребинѣ изъ памяти печеніе годовъ нашихъ; а когда наконецъ съ лѣтами ушутится первый огонь любви, по привычка, чувствовашь и думаешь вмѣстѣ, сдѣлаешь, что

что вмѣсто его воспорговъ заступитъ дружба, имѣющая въ себѣ не менѣе горячности. Всѣ честныя чувствованія, питаемыя въ молодости, наполнятъ нѣкогда пустышу оставшихъ годовъ.

Таковые разговоры были частымъ упражненіемъ раздѣлять время наше; оныя служили прищипомъ, чтобъ познашь взаимныя наши склонности, и усилишь спрость нашу. Можешь быть я тебѣ, любезный Клорандъ, нанесъ скуку, включая въ повѣствованіе мое всѣ слова, кои говорилъ я съ моею Гремиславою. Прости моею слабости, естли только можно назвашь такъ милое воспоминаніе. Миѣ столько пріятны неощѣненные часы малаго моего щастія, что я услаждаюсь, приводя на память всѣ случившіяся въ оныхъ подробностяхъ; къ горестямъ моимъ недолго оныя текли, вскорѣ наступитъ окружающее меня пеперь злощастіе. Рожденный подъ противнымъ созвѣдіемъ могъ ли ждать

Я

я прочтѣйшаго удовольствія? Внимай, любезный Маркизъ, оспашки случавъ, омытыхъ моими слезами, низведи жалость своего сердца за бѣднымъ своимъ другомъ, идущимъ въ пропасть напастей.

Въ одно время, бывъ на охотѣ, повредилъ я себѣ ногу; болѣзнь сія удержала меня въ домѣ. Но какъ влюбленные не могутъ быть спокойны въ разлукѣ, и находятъ хоша въ томъ оправду, чшобъ изъяснить чувствованія свои на письмѣ: то употребилъ и я сей способъ къ облегченію шоски моей. Выраженія онаго были слѣдующія:

„ Ужасная досада! болѣзнь но-
 „ ги моей не позволяешъ мнѣ выѣз-
 „ жать. Я оспался дома, и въ уе-
 „ диненіи размышляю съ моимъ серд-
 „ цемъ, которое единственню одну
 „ шебя представляешъ. Но и мо-
 „ жешъ ли оно изображать иное, кро-
 „ мѣ предмета, владѣющаго всею мо-
 „ ею душою, и коего имя на вѣки
 „ въ немъ написано. О жизнь мо-
 „ ихъ

„ихъ дней! сколь ни благополученъ
 „я, бывъ шобой любимъ взаимно,
 „сколь ни увѣренъ я въ швоей ко мнѣ
 „горячности, но разлучаясь съ шо-
 „бою хоть на малое время, я ни ве-
 „сель, ни покоенъ бышь не могу.
 „Естьли судьба соединитъ насъ по
 „взаимному желанію страстныхъ на-
 „шихъ сердецъ, какая будетъ раз-
 „ноша съ теперешнимъ моимъ со-
 „стояніемъ! Нынѣ я, лобызая себя
 „въ мысляхъ, засыпаю съ шяжкимъ
 „вздохомъ; а тогда стремленія нѣж-
 „наго сердца успокояются въ объ-
 „ятіяхъ, оживотворяющихъ любви-
 „ка вѣрнѣйшаго и изнемогающаго отъ
 „великости шрасти нелицемѣрна. —
 „Прости душа моей души! можешъ
 „бышь сладкій сонъ въ ночь сію
 „перенесетъ тебя ко мнѣ; конечно
 „я тебя увижу, да и льзя ли шому
 „не бышь? шы на яву и во снѣ не
 „выходишь изъ моихъ мыслей.„

Она получила оное, и читая
 шолько задумалась, что оставя
 письмо, раскрытое на столѣ предъ

Часть VII.

И

со-

собою, дошла до шаковой нечувствительности, что не видала, какъ родилель ея вошелъ къ ней. Увидя ее въ шаковомъ положеніи, полюбопышпствовалъ узнать содержаніе лежащей предъ нею бумаги. Можно ли изобразить препешъ любезной моей Гремиславы, причиненный симъ случаемъ, и умноженный оказавшимся гнѣвомъ на лицѣ опца ея? Однако Порамиръ, какъ мужъ благоразумный, зная, что въ любви каждое препяшпствіе лишь умножаетъ ея силу, потчасъ скрылъ свое негодованіе, и принявъ крошкій видъ, сказалъ: не опасайся, любезная дочь; не укоряшь хочу я тебя за швою неосторожность, коя должна быть соединена съ швоими лѣшми, но какъ родилель хочу подать тебѣ совѣтъ, могущій спасти честь швою отъ прешкновенія. Всякая переписка есть нѣкоторый родъ обязательшва, и молодая дѣвица, вступающая во оное съ мущиною, нечувствителью попадаетъ въ разсыпашемья

емыя для ней сѣши. Я вижу, что
льщецѣ, писавшій къ тебѣ письмо
сіе, довольно обворожилъ твою легко-
вѣрность, что ты уже заключила
сѣ нимъ обязательства къ браку.
Могущъ ли дѣши безъ неблагодар-
ности и опасности вступашъ въ та-
ковыя договоры, кои благоразуміе
предоставляетъ родителямъ? Они,
искусясь въ свѣтѣ лѣтами и случа-
ями, больше могутъ видѣть полез-
ное и вредное для дѣтей своихъ,
которыя, по незрѣлости своей шапа-
емыя, какъ слабая проситъ отъ вѣш-
ра, спрассыми своими предомленныя,
уносящая въ бездну несчастія. Оспе-
регись, любезная Гремислава; я не
упомяну о сшудѣ, соединенномъ сѣ
тайнымъ дѣвицы каждой обязатель-
ствомъ. Я не опасюсь, чтобъ та-
ковое обращеніе твое могло бытъ
вредносно твоей добродѣтели; воспи-
таніе, мною тебѣ данное, за себя
мнѣ въ томъ ручается. Но на какихъ
основаніяхъ увѣряешься ты словамъ
избраннаго твоею, когда ищешь онѣ

руки швоей съ крайнимъ шого ошъ
 меня укрывашельшвомъ? Много най-
 дешъ онъ словъ извинишь свое о
 шомъ предо мною молчаніе: робость,
 разныя противныя обшояшельшва
 послужашъ ему оговоркою; а между
 шѣмъ сердце швое, обманываемое
 надеждою намѣреній непорочныхъ,
 дастъ время усилишься швоей спра-
 сти до ослѣпленія. Чѣмъ вооруишь-
 ся шы шегда противъ коварствъ
 его, когда не увидишь пути истин-
 наго? Знаешъ ли любовь, кромѣ за-
 блужденія, и своенравіе ея пови-
 нуется ли совѣшамъ разума? Вошъ
 крайность пропасши, на берегу ко-
 ей шы стоя, не можешь не упасшь
 безъ моей помощи; я подаю шибъ
 оную, дочь моя: забудь обманщика,
 коего имя возвѣшилъ мнѣ почеркъ
 руки въ письмѣ. Наслышавшаяся о
 его непосшоянствѣ и вѣпренности
 развѣ можешь шы льстишь себѣ,
 шшобъ дарованія швои могли произ-
 вести съ нимъ чудо перерожденія?
 Первая ли шы слышишь его каварно
 сплѣ-

сплѣщенные изъясненія? много уже онъ исторгнулъ слезъ раскаянія. Можешь быть заблуждаясь въ хотѣніяхъ оболыщеннаго имъ швоего сердца, хочешь ты, чшобъ я согласилась на бракъ сей; нѣтъ: оный не сулитъ тебѣ, кромѣ несчастія. Если бы я на шо позволила, вскорѣ началъ бы я оплакивать оставленную, измѣненную и огорченную Гремиславу, возлюбленную и единую дочь мою. Забудь его такъ, какъ повелѣваетъ тебѣ честь швоя, какъ хочешь шого швоя безопасность, и къ чему убѣждаетъ тебя горячность родительская, если не желаешь, чшобъ упошребилъ я на шо право моей власти. Выкинь изъ головы всю мечту, ласкающую тебѣ душымъ щастіемъ; тогда ты почувствуешь, сколько слабостъ удерживала швои разсужденія, тогда ты порадуешься о своемъ избавленіи, и повинуюсь доброжелательству отца швоего, докажешь ему, что ты дочь, досшойная его къ тебѣ нѣжности.

Н 3

Дра-

Дражайшій родитель! отвѣтствовала ему Гремислава, ободренная его словами, которыя скрывали отъ ней гнѣвъ его; не хочу я извинять моего случая: многое щщаніе оправдывашь себя производишь иногда прошивные предразсудки; знаю я, сколько и опасно дочери безъ воли родителей своихъ располагать своимъ сердцемъ. Но я не пресступила еще прошиву васъ моего долга. Признаюсь, что люблю я Любимира; самая спрожайшая добродѣтель не наша, чѣмъ опорочить его мнѣ предложенія; обѣщанія мои никогда не выступали за предѣлы чести, а онъ не желалъ отъ меня клятвъ о вѣрности, кромѣ той, которая угодна будетъ моему родителю. Онъ поднесъ еще проливаетъ слезы отъ ображенія, что можешь быть прошивно вамъ будешь учинить его щщасіе; носимое отъ него къ вамъ почщеніе убѣждаетъ его заранѣе жертвовать своимъ покоемъ, если только восхощете вы вручить меня

мно-

иному. Каксежѣ могла найши я преняшсвиѣ пропивихся споль непорочнымѣ намѣреніямѣ? — То, (прервалѣ Порамирѣ) чшо въ епомѣ заключена одна хипроспѣ; онѣ ищешѣ шолько обольспитѣ и заразитѣ швое сердце, чшобѣ послѣ произвешѣ изѣ онаго однѣ слабоспи. Знай, чшо я никогда не одобрю таковой любви; освободи отѣ ней швое сердце. — Но развѣ оное можешѣ слѣдовашѣ повелѣніямѣ, сказала Гремислава? Вы, поступая со мною сѣ таковымѣ милосердіемѣ, ободряете меня сказашѣ вамѣ еще: чшо я люблю его, и не вѣ моей волѣ пропивихся склоноспи, покровишельспвуемой добродѣтелью; вы научили меня ей слѣдовашѣ; я никогда не удаляюсь отѣ ней, и прежде учинюсь нещаспна, послѣдуя всѣмѣ вашимѣ повелѣніямѣ, нежели спуплю шагѣ отѣ благопристойности. Но сердце мое всегда будешѣ спенать, коль буду я во объашіяхѣ другаго. Не ужѣ ли мученія мои должны происходишѣ отѣ

моего родителя? Какимъ образомъ будешь сносить нѣжное его сердце шѣ горестныя слезы, кои станеть бѣдная дочь проливать въ его нѣдра? — Ты еще молода, сказалъ онъ; ты не можешь ни о чемъ разсуждать здраво. Я не позволяю тебѣ ничего, кромѣ вѣчнаго о немъ забвенія. Шагъ, приближающій тебя къ нему, опсель почту я за непокоривость. Слушай же! . . . Я не люблю прошиворѣчія. — Онъ вышелъ, оставя свободное теченіе слезамъ, кои пролились изъ очей ея.

Наполненный довольствомъ любви моей, не помышлялъ я ни о какомъ для себя огорченіи, кромѣ разлуки съ моею любезною. Но моей ли части надлежало, чтобъ щастіе и на малое мое спокойство не взглянуло завидливымъ взоромъ? Рожденный для вздоховъ получилъ я слѣдующее письмо отъ Гремиславы:

„ Мы пропали: родитель мой
 „ узналъ о согласіи сердець нашихъ.
 „ Нещастное письмо. . . . ахъ! чѣмъ
 „ на-

„ называю я дражайшее руки твоей
„ начертаніе? малое письмо сіе про-
„ чтено имѣ по моей неосторожности.
„ Онѣ опровергѣ склонность мою къ
„ тебѣ. . . . Нѣтъ, она опровер-
„ гнуться не можетѣ, развѣ моею
„ смертію; но батюшка запретилѣ
„ мнѣ имѣть надежду; онѣ спарал-
„ ся запретить и любить тебя: вла-
„ стны ли шаковыя повелѣнія надѣ
„ сердцами? Онѣ спарается только
„ сдѣлать меня несчастною; я могу
„ быть шаковою, понесу бремя го-
„ рестей, но не паду подѣ онымѣ:
„ любовь твоя оно поддерживаетѣ. Бу-
„ ду вѣчно проливать слезы, но не
„ буду легкомысленна: сердце мое
„ не приметѣ никакихѣ впечатлѣ-
„ ній; любезное твое имя сойдетѣ
„ на немѣ вѣ гробѣ мой. Мнѣ за-
„ прещаютѣ любить тебя! . . . но
„ кто потѣ могущій, чья власть
„ располагала бы чувствованіями ду-
„ ши? Можешѣ ли человекѣ при-
„ своять силу неба? но и оно не
„ опровергаетѣ непорочность нашего

Н ъ

„пла-

„ пламени. Когдажъ добродѣшель во-
 „ оружается за себя въ моемъ серд-
 „ цѣ, вѣрь миѣ, что и самые спро-
 „ жайшіе законы не могутъ нане-
 „ сти намъ инаго пруда, кромѣ
 „ что умножатъ цѣну нашей скло-
 „ носпи. Наказаніе любящимся естъ
 „ долгъ любиться на вѣки. . . . Од-
 „ нако сколько можешь ты полагаешь-
 „ ся на мою вѣрность, сколько ма-
 „ ло имѣешь надежды меня видѣть;
 „ честь моя требуетъ сей горестной
 „ разлуки. Естъли не повиновалась я
 „ оицу моему въ моей склонности,
 „ то не подамъ ему досады въ мо-
 „ ихъ поведеніяхъ. Минуты разо-
 „ чтущя по моимъ спенаніямъ,
 „ съ коими будешь излещать свое
 „ имя. Забудь въ желаніяхъ тво-
 „ ихъ со мною свиданіе; я хочу по-
 „ го; но знаю, что сердце твое не
 „ забудешь никогда Гремиславу. „

Что спалъ я при чтеніи спрокъ
 сихъ? разразившійся надъ головою
 моею громъ не пронзилъ бы такъ
 чувствъ моихъ. Можно ли изобра-
 зить

зипь погдашнее мое смущеніе? Нѣтъ
вещасшія ужаснѣе, какъ случающа-
гося между любовниками. Кровь оста-
новилась въ моихъ жилахъ, языкъ
онѣмѣлъ; одно біющееся сердце оста-
лось знакомъ моей жизненности. Вол-
неніе мыслей, сражающихся въ моей
памяти, не изображалось на блѣд-
номъ лицѣ моемъ. Долго не имѣлъ
я упокреленія чувствъ моихъ, но
оныя возвратились, чтобъ жеспочѣ
ушѣснись болѣзненную грудь мою.
Сколько разъ проклиналъ неперпѣ-
ливостъ мою въ писаніи! винилъ самъ
себя, и былъ въ опчаяніи; но все
сіе не приносило опрады спраждуще-
му сердцу. Долженствовало нахо-
дись средство къ поправленію мо-
его проступка; но къ чему можно
было прибѣгнуть? Тогда позналъ я,
что чѣмъ болѣе довольствуешься въ
любви сердце, тѣмъ болѣе родиш-
ся для онаго желаній; что находя
непорочное увеселеніе плѣняться
душевными любезной дарованіями,
не можно не любить и виѣшнихъ ея

со-

совершенствѣ. Я имѣлъ надежду на вѣрность моей дражайшей, можно бы казалось снести сію разлуку; но она для меня была ужасна. Не оставалось кромѣ повергнуться къ ногамъ Порамира, и просить его о соединеніи нашихъ учаспей. Мучительно для души явился къ почитаемому мужу, предъ коимъ считаешь себя виновнымъ; но смѣешь ли шаковое утѣпленіе казаться на глаза любви? Она превозмогла мой стыдъ, и дала силу робѣющему языку. Упалъ я предъ ногами Порамира, со слезами просилъ прощенія въ шомъ, что подалъ ему причину подозрѣвать меня, оправдывалъ поступокъ мой законными намѣреніями, и употребилъ все мое краснорѣчіе убѣдить его ко увѣчанію взаимной нашей съ Гремиславою склонности; но ничто не успѣло: огорченный худымъ о мнѣ предразсудкомъ отвергъ онъ мою прозбу, пренебрегъ жалостное состояніе мое и слезы. Государь мой! отвѣчалъ онъ

онъ мнѣ съ видомъ презрѣнія; законныя ваши намѣренія должны итти не шѣмъ пушемъ, которой вы избрали; они не имѣютъ нужды въ пронырствахъ, а вы употребили ихъ съ той стороны, гдѣ молодость и невинность льстили вашему самолюбію. Когдажъ щасливый случай удержалъ честь мою отъ преткновенія, вы ищете закрыть коварство видомъ истинны. Позвольте мнѣ сказать, что всѣ льстецы имѣютъ се прибѣжище, и вы не имѣете иной надежды, какъ только въ послушаніи; оставьте домъ мой, шагъ вашъ во оный будетъ въ знакъ, что вы для него вредоносны.

Я бросился къ ногамъ его; но онъ, поднявъ меня, за руку велъ къ дверямъ. Прощайте, государь мой, повторилъ онъ; единое послушаніе сохранитъ къ вамъ остатки моего почтенія. Нечего уже мнѣ было ожидать, отчаяніе овладѣло душою моею. Жестокій! сказалъ я выходя вонъ; время докажетъ тебѣ
що

шо неліцемѣрное привлеченіе, кошо-
рое имѣю я къ швоему дому. Я не-
щастенѣ, шы меня шакowymѣ дѣ-
лаешъ; но не былѣ никогда кова-
ренѣ. Опецѣ Гремиславы лшщ мо-
жешѣ ждашъ пренесенія шоль обид-
ныхѣ выраженій для моей чести;
повинуюсь свирѣпому швоему пове-
лѣнію; но совѣсть швоя укоршѣ
шебя за смершь, мнѣ онымѣ причи-
няемую. — И шакѣ сѣ неописан-
нымѣ огорченіемѣ оставилѣ я мѣ-
сто, шоль для меня любезное. Пе-
чаль провождала меня всюду; гдѣ
можно было найши ей облегченіе?
Любовь моя слѣдовала за мною всю-
ду, вездѣ водилѣ я за собою милой
образѣ моей Гремиславы; сердце мое
носило оный вѣ своихѣ нѣдрахѣ; но
не видашъ ее не доставало моей воз-
можности. Тщешно искалѣ я уви-
дѣшъ ее гдѣ ншбудь вѣ знакомѣ
домѣ; она, повергнушая вѣ равную
шоску нашимѣ злощастіемѣ, впала
вѣ болѣзнь, отѣ кошорой свободясь,
слабощъ здоровья, или можешѣ бышь
при-

приказъ родительской препятствовали ей выѣзжать. Тогда не опаслось мнѣ способа, кромѣ переписки, но и въ томъ удерживала меня опасность пересылки, чтобы не попалось письмо мое въ руки Порамиру, чѣмъ навлекъ бы я новое огорченіе моей любезной. Но справедливо изображаютъ любовь водимую несмысленнымъ и слѣпымъ младенцомъ: я не могъ вышерпѣть, чтобы не просить дозволенія у Гремиславы пріѣхать къ ней тайно письмомъ шаковаго содержанія:

„Если бы робость, спутница
 „ любви, могла преодолѣвать страхъ
 „ мою, я осмался бы въ ужасъ
 „ опчаянія; страхъ пресѣкъ бы мои
 „ желанія; но любовь знаетъ ли рас-
 „ полагать невозможности? разумъ
 „ обязываетъ ли ея чувствованія?
 „ Можно ли слѣдовать мнѣ своимъ
 „ повелѣніямъ? не выдашь тебя, что
 „ сего жесточе! но для чего нала-
 „ гаешь ты шоль тяжкія узы на по-
 „ бужденія единыхъ моихъ желаній?
 ви-

„ видѣшь тебя не всякій часъ есть
 „ одна язва, пронзающая мою ду-
 „ шу. Каково запретишь пому взи-
 „ рашь на себя, кшо ошдалъ бы по-
 „ ловину жизни за то, чшобъ ошаш-
 „ ки оныя бышь съ шобою неразлуч-
 „ ну? Скажи, дражайшая Гремисла-
 „ ва, чшо приводитъ тебя подъ
 „ шоль строгій законъ? благопри-
 „ стойность ли? когдажъ сіе суровое
 „ изобрѣшеніе разума владычештво-
 „ вало надъ хощѣніями сердца?
 „ добродѣтель ли? запрещаетъ ли
 „ она любить, велишь ли она оп-
 „ торгать взоръ отъ очей милыхъ?
 „ спокойстволь наше шого потребуешъ,
 „ ешъли мы онаго лишились? Ахъ,
 „ дражайшая Гремислава! по спена-
 „ ніямъ собственнаго швоего сердца
 „ познай шы великость моихъ му-
 „ ченій. Лишенный всей надежды,
 „ кромъ швоей вѣрности, можешъ ли
 „ бояться и желанія единую ше-
 „ бя видѣшь? прошивна ли прозь-
 „ ба моя швоему добронравію? хочу
 „ ли я, чшобъ пренебрегла шы пра-
 „ вила

„вила непорочности? Нѣтъ, есть-
 „либѣ и всегда я былъ развращенъ,
 „шо единая любовь къ тебѣ изцѣ-
 „лила бы всѣ мои пороки; единое
 „имя, бышь своимъ возлюбленнымъ,
 „удобно всякаго покоришь добродѣ-
 „тели. Почтеніе развѣ можетъ
 „быть разлучно съ обоженіемъ, кое
 „воздастъ тебѣ мое сердце? И
 „шакъ одна только благоприсой-
 „ность можетъ быть удерживаетъ
 „тебя снизоиши на мою прозбу;
 „но сія суровая гонительница нѣж-
 „ности въ одной только наружно-
 „сти полагаетъ свои предѣлы. Пре-
 „ступаютъ благоприсойность, есть-
 „ли дѣла свои открываютъ на глаза
 „цѣлаго свѣта; но коль скоро оныя
 „скрыты, уставы ея не пропиво-
 „рѣчатъ, и удовольствіе сердца
 „пошущаетъ укоренія предраз-
 „судка. Позволь мнѣ послѣднее сіе
 „упѣшеніе, позволь мнѣ пріѣхать
 „къ тебѣ тайно. Нѣтъ средства,
 „коего не могла бы изобрѣсти лю-
 „бовь; она сокроетъ ошъ прозор-

Часть VII.

О

„ли-

„ ливѣйшихъ сіе наше свиданіе. По-
 „ зволь можешъ бышь въ послѣдніе
 „ насыпишь мнѣ глаза мои воззрѣні-
 „ емъ на мою любезную, коей пре-
 „ лести оживошворяюшъ злощастные
 „ дни мои. „

Письмо сіе имѣло щастіе дойти
 до рукъ Гремиславы, и я получилъ
 съ шѣмъ же посланнымъ отвѣтъ,
 въ коемъ написанныя слова столь
 мнѣ памяны, что я могу вамъ
 пересказывать оныя. — „ Ты го-
 „ раздо меньше имѣешь шерпѣнія,
 „ сколько чаяла я найши въ любов-
 „ никѣ, основавшемъ страсть свою
 „ на правилахъ добродѣтели. Вмѣ-
 „ сто соглашенія на швои требова-
 „ нія я повторяю тебѣ клятвы,
 „ что Гремислава, кромѣ швоей, вѣч-
 „ но ни чья бышь не можешъ; ибо
 „ я думаю, что одна шолько швоя
 „ ко мнѣ недовѣрчивость произвела
 „ въ тебѣ столько мучительныхъ
 „ побужденій меня видѣшь. Есшлі
 „ слѣдуешь ты любви, основанной
 „ на здоровомъ разсудкѣ, шо должно
 „ сно-

„ сносишь величайшія сихъ оной пре-
„ поны, и не ропшашъ на малую
„ сію разлуку, коя можешъ быть
„ идешъ къ лучшей нашей пользѣ.
„ Но вижу я, что никакая любовь
„ равно какъ не можешъ быть безъ
„ мученія, столько соплѣшается съ
„ соупствующимъ ей ослѣплени-
„ емъ: ты хочешь, чтобъ я позво-
„ лила прѣхать тебѣ видѣть меня
„ тайно въ домъ отца моего; ты
„ старался найти извиненіе престу-
„ пленію благоприсойности; нѣтъ
„ мѣста опровергашь мнѣ свои за-
„ ключенія, равно какъ не могу со-
„ гласиться на то свиданіе, гдѣ
„ жизнь твоя можешъ подвергнуться
„ опасности. Единаго о семъ вооб-
„ раженія довольно остановишь стре-
„ мленіе моихъ къ тому желаній.
„ Послѣдуй мнѣ, сноси казни вза-
„ имной нашей участи, и надѣйся,
„ что она побѣдитъ нашею вѣрно-
„ стію. Безпорочная любовь наша
„ имѣешъ право ожидать своей ко-
„ роны; и что можешъ разлучить
„ сердца,

„ сердца , кляшвою и взаимною
 „ склонностью навсегда соединенныя ?
 „ Нѣшъ бѣды , ни напаси , кошо-
 „ рая досшашочна бы была перемѣ-
 „ нишь любовь мою ; ничто не испре-
 „ бишь ее изъ моего сердца , хошябъ
 „ оное и на мѣлкія расщерзано бы-
 „ ло часши . . . . Но суровосшь рока
 „ ничѣмъ не лзя умягчишь , кромѣ
 „ терпѣнія . Кто не сносилъ напа-
 „ сшей , тошъ не можешъ знашь цѣ-
 „ ны благополучія . И такъ ожидай
 „ опъ времени , въ чемъ добродѣ-
 „ шель воспрещаетъ мнѣ сдѣлашь
 „ тебѣ угожденіе . Заклинаю тебя
 „ швоею любовію не смущать шой
 „ непорочности мыслей , съ коими
 „ заключила я послѣдовашъ волѣ ро-
 „ дителя моего и нашей судьбины .
 „ Можешъ бышь не увижу я тебя и
 „ вѣчно . . . . Увы ! жестокое напо-
 „ минаніе ! но знай , что тебя еже-
 „ минупно видишь въ нѣдрахъ сво-
 „ ихъ спрасшное мое сердце . „

На нѣсколько времени совѣшъ ,
 поданной дражайшею для меня ру-
 кою ,

кою, упустилъ мяшущее меня безпокойство; а надежда и увѣренія моея любезной подвергли правиламъ перпѣливости; однако шайныя побужденія сердца раждали во мнѣ тысячу безпокойствъ. Могла ли сильная любовь моя размѣрять пустымъ чаяніемъ то безпредѣльное пространство времени, въ кое должно мнѣ было ожидать моего счастья? Довольствуется ли своенравная спрасть сія неизвѣсностію той мести, къ которой медленно ведешь насъ судьба? Когда часъ въ разлукѣ съ любезною кажешься намъ годомъ, то чѣмъ ограничишь оное, чего робѣющая душа ожидать не смѣешь? И такъ, любезный другъ, въ собственныхъ размышленіяхъ изобрѣшалъ я орудія на терзаніе души моей; они уничтожали мое перпѣніе, и побуждали вновь желанія видѣть мою возлюбленную. Кто не былъ подверженъ жестокостямъ любви несчастныя, тотъ никакъ не можетъ понять свирѣпости того вол-

ненія, съ коимъ мечетъ она смя-
 шенныя мысли ей преданнаго. Она
 имѣетъ спутницею воображенія, пер-
 вое движеніе души и безпокойнѣйшее
 свойство челоуѣка; сіе держитъ во
 услугахъ своихъ множество живо-
 писцовъ, кои не шокмо подобіе ми-
 лаго образа въ различныхъ пред-
 ставляющъ видахъ, но прибавляющъ
 вмѣсто шѣни многія опасности слу-
 чаевъ. И такъ опчаянное вообра-
 женіе вліяло въ меня необходимость
 желанія поговорить съ моею любез-
 ною, отобразъ у ней условія, чѣмъ
 бы посщѣствовать законному на-
 шему соединенію, и прервать всѣ
 оградаы, препятствующія сему на-
 мѣренію; ибо я заключилъ угово-
 рить Гремиславу уйши со мною и
 тайно обвѣнчаться. Самолюбіе мое,
 или, лучше сказать, ослабленные спра-
 даніями органы разсужденія льстни-
 ли мнѣ, что добродѣшель любезной
 моей не положитъ оспановки послѣ-
 довать моимъ желаніямъ. — Вотъ,
 любезный Клорандъ, какое было по-
 слѣд-

слѣдство той любви, кою основывалъ я на здоровомъ разсудкѣ! Мнѣ казалось, что шаковымъ поступкомъ ни мало не вредилъ я чести моей любовницы. Оставить ей родителей, пренебречь ихъ волю, бѣжать съ молодымъ мужчиною, считалъ я должностію здоровыхъ мыслей. Таковы всѣ любовники, послѣдователи добродѣтели! Они до тѣхъ лишь поръ держались за ея правила, пока не видятъ преняшества въ чувствованіяхъ сердець своихъ; но коль скоро строгости оныхъ не будутъ склоняться на ихъ хотѣнія, тогда опъ ней отторгающся, и носящся своенравіемъ любви, подобно какъ судно безъ кормила и парусовъ по безднѣ спрассей своихъ.

Заклучено видѣть Гремиславу прошиву ея желанія; должно мнѣ было расположить къ тому способъ. Кто начнетъ уклоняться опъ пусти чести, тотъ и предательство считаетъ правиломъ дозволеннымъ.

Я подкупилъ садовника Порамирова, чшобъ оный провелъ меня въ покои къ моей возлюбленной; пошому чшо комнашы ея были въ садѣ, изъ котораго свободно было дойти до ея спальни. Служительницѣ ея не могъ я опасаться, какъ давно преданныхъ на мою сторону. Учредя сіе пропустилъ я слухъ объ отбѣздѣ моемъ въ отдаленное мѣсто, и чаявши, что шѣмъ усыпилъ оспорожность Порамирову, взялъ съ собою нѣсколько вооруженныхъ служителей и легкую колясочку, пріѣхалъ я съ великою оспорожностію къ самому саду, простирающемуся съ поля до самыхъ оконъ владѣтельницы моего сердца.

Часъ глубокой ночи разослалъ уже господствованіе сна на упомянутые члены смертныхъ; всюду господствовала тишина, кромѣ безпокойной души моей. Сама природа казалась мнѣ споспѣшествующею, и изображающею въ себѣ бѣдственное мое предпріятіе; ибо небо по-

кры-

крылось мрачными облаками, и вѣтры бурливымъ свиспомъ колебали деревья, составляющія садъ. Я благодарилъ судьбу за помощь въ моемъ намѣреніи; понеже непогода сія закрывала приходъ мой. Лѣтя себѣ успѣхомъ, шелъ я къ тому бѣдствію, кое распорило уже на меня люшый зѣвъ свой. Ничто не помѣшало пройти мнѣ до спальни Гремиславиной; горящая свѣча и распворенная дверь помогли мнѣ прокрасться мимо спящихъ. Заглянувъ ошпорожно увидѣлъ я, что любезная моя, какъ видно безпокойствами равныя со мною любви лишенная сна, сидитъ на постелѣ, облокотясь на бѣлѣйшую снѣга руку, въ глубокой задумчивости. Я относилъ оное на щепъ печальныхъ ея о мнѣ размышленій, и взялъ смѣлость къ ней войти.

Не лзя изобразить смятенія, въ кошорое повергло ее нечаянное мое присутствіе. Смертная блѣдность покрыва черты прекраснаго лица ея,

и робость о моей опасности лишила ее словъ. Что значить сіе смущеніе, дражайшая Гремислава, сказалъ я схватя ея руку? Приходъ мой гасъ ужасаетъ! не сила ли суровыхъ совѣшовъ родителя вашего овладѣла сердцемъ, кое чаялъ я безъ изльтія преданное на жилище душъ моей? — не ужъ ли истребилась въ немъ любовь, питающая дни мои? . . . Молчаніе швое меня поражаетъ! скажи, жестокая, скажи, любезная моя мучительница, чего я ожидать долженъ. Не опасайся пронзить духъ мой; кивжалъ, излетающій изъ милыхъ устъ швоихъ, не столь страшную отверзетъ въ немъ рану.

Долго не могла она мнѣ опвѣстивовать, но наконецъ смущеніе обратилось въ тяжкій вздохъ; сей есть нѣмой языкъ любви. Трепещущая собрала она возможность произнести слѣдующее: не заслуживаю я швоихъ укореній. Когда должность и честь возложили на меня несносное иго разлуки, шо не довѣренно-
стію

спію ли о любви моей плапишь ты за тѣ сненанія, кои ежечасно возсылаешъ вѣ сей учаши мое сердце. Чѣмъ показала я уменьшеніе моего къ тебѣ пламени, кромѣ что повиновалась необходимости? Но знаю я, что упопреляешь ты сію недобренность, какъ общее прибѣжище всѣхъ любовниковъ, кои, когда впадаютъ вѣ преступленіе противу своихъ любовницъ, принимаются тогда за подозрѣнія, чшобъ вмѣсто упрековъ принудить ихъ оправдывать себя. Чѣмъ извинишь ты сей тайный приѣздъ твой? помышлялъ ли ты, вступая непозволеннымъ образомъ вѣ домъ отца моего, что ты наношишь пятно моей чести? Чаялъ ли ты, что тайное свиданіе противу моей воли извинитъ любовь моя, когда оно осуждаешъ добродѣтель? . . . Но пусть неперпѣливоспъ будешъ непремѣннымъ долгомъ страсти, пусть проститъ тебѣ проступокъ сей мое сердце; но чѣмъ можешъ уменьшитъ-ся

ся страхъ его, когда каждое мгновение вѣщаетъ здѣсь опасность твоей жизни? Удались отсель, успокой тѣмъ шепетъ души моей. Довольствуйся моею къ тебѣ любовію, но почитай ея непорочность.

Обоженія достойная Гремислава! сказалъ я бросясь предъ нею на колѣни; кто только могъ имѣть шоль добродѣтельную любовницу, возможно, чшобъ не носилъ къ ней почтенія? Но въ какихъ законахъ можно найти обузданіе своевравной власти любви! Я послѣдовалъ швоей волѣ, старался принуждать разумъ ко укрощенію мучительныхъ побужденій тебѣ видѣшь; но сердце мое не слѣдовало его совѣшамъ; всѣ мысли, не касающіяся до способовъ къ изобрѣшенію свиданія съ тобою, казались оному коварными сѣшми, влекущими его въ погибель. Въ сихъ сраженіяхъ разсудка и шрашпи могла ли не шоржешповать любовь? она побѣдила; я сдѣлался виновнымъ. Прости, дражайшая Гремислава, сему
не-

невольному моему преступленію, кое извиняетъ жестокая любовь къ тебѣ, и копорыя свирѣпыхъ ударовъ не могла пренести грудь моя. Еслили чувствованія твои моимъ соразмѣрны, они оправдаютъ поступокъ мой: не видашь тебя столько, не видашь тебя никогда! достаточна ли благоразуміе удержатъ прішяженія моей склонности? Мнѣ должно бы быть волшебникомъ, чтобъ вооружиться противу лютаго сего состоянія; но и тогда я произвелъ бы подобный тебѣ видъ, оный былъ бы вездѣ, а ты оспавалась бы всегда со мною. Сія вшорая ты имѣла бы черты твои, она бы походила на тебя. . . . О какъ была бы она прелестна! . . . но все было бы по не ты, а я только тебя люблю! . . . Увы! я занимаю крашкось драгоцѣннаго сего времени пріятнѣйшимъ восхищеніемъ тогда, какъ долженъ можеть быть окончать бѣдспвенные дни мои. — Самъ ты понимаешь опасность сію, ска-

сказала мнѣ приведенная во умиленіе Гремислава; удались, прошу тебя, заклинаю тебя шюю любовію, коя должна ошпашься для блаженства предъидущихъ дней моихъ, удались какъ можно скорѣе; каждая минута умножаетъ мое безпокойство. Довольствуйся клятвами о вѣчной моей къ тебѣ вѣрности. — Ты ошибаешься, любезная Гремислава, прервалъ я рѣчь ея, цѣлуя ея руку; не ша опасность жизни моей, копорую шы воображаешь: пріѣздъ мой сюда такъ учрежденъ, что не лзя тебѣ имѣть ни малѣйшей о томъ заботы, чтобъ кто узналъ про оной; но воображенія о несклонности на волю сердца нашихъ шшого родителя жесточе для меня всѣхъ ширанствъ, изобрѣшаемыхъ безчеловѣчіемъ. Что можешь увѣришь меня, что не принудишь онъ тебя клясться иному, когда хочетъ онъ разорвать союзъ нашей склонности. Ахъ, душа моей жизни! единое помышленіе о томъ охлаждаетъ кровь въ моихъ жилахъ,

и приводитъ въ нечувствительность бытіе мое. Останусь ли я живъ, узря тебя во объятіяхъ другаго, принуждаему казать ту любовь, коя одному мнѣ надлежитъ? — Какъ! развѣ я не общала тебѣ моей вѣрности? развѣ можешь ты сомнѣваться въ моихъ клятвахъ, въ любви моей? Нѣтъ, или буду я твоя, или ни чья; одна смерть можетъ лишь премѣнить предѣлъ сей. — А воля родишельская, принужденія его, заклинанія? Ахъ Греми-слава! соразмѣрны ли разсужденія опцовъ съ склонносшми дѣшей? Напрасно льспишь ты тѣмъ своему сердцу; мнѣнія сіи тебя обманываютъ; конечно долженъ я буду вгдѣшь тебя влекому ко олтарю, какъ невинную жертву, коя не властна прошивоборствовать силѣ ея мучителей. — Сего бытъ не можетъ: развѣ нѣтъ руки моей, которая свободила бы меня отъ сего принужденія? Смерть моя покажетъ слабость сихъ насильствъ; она увѣришь

ришь ихъ, что душа добродѣтельная имѣешь убѣжище отъ гоненія неправды. Олшарь, предъ коимъ должна бы я учиниться клятвопреступницею, омоешь непорочная кровь моя; она будетъ послѣднимъ жертвоприношеніемъ моею къ тебѣ вѣрности; паръ, имѣющій восходитъ отъ оспывающаго моего шѣла, понесетъ въ вѣчность горячность любви моей.

Гремислава, говоря сіе, проливала слезы; а я, удушаемый рыданіями, цѣловалъ ея руки. Но какая польза будетъ въ томъ несчастному Любимиру? сказалъ я укрѣпя грудь мою тяжкимъ вздохомъ. Удовольствуется ли любовь моя своею смертію? Тотъ, кто тысячу своихъ жизней принесъ бы въ замѣну за одну каплю своей крови, можетъ ли утверждать себя въ семъ предпріятіи? Нѣтъ, Гремислава, не можешь ты располагать своею жизнію, не учинясь варваркою, не учинясь вѣчною моею мучительницею. Что останешься мнѣ
безъ

безъ тебя? самый гробъ не укроетъ меня отъ шоски спрадающей души моей. Я вѣрю, что она безсмертна, слѣдовательно быше неизчезающее, имѣющее память и чувствованія разума. Говорятъ иные, что она не заимствуетъ отъ шбла страстей, ему свойственныхъ; но то неправда: шбло для души есть самое то, что для шбла плашье; и какъ плашье не чувствуетъ спужи, а зябнетъ шбло, такъ шбло, бывъ орудіе души, есть безъ оныя ничто. Все, что веселитъ насъ, или огорчаетъ, чувствуетъ душа; я люблю тебя ею; слѣдственно мученіе мое есть безконечное. И такъ и за предѣлами гроба не найду я себя покоя; безпредѣльная вѣчность будетъ швердить мнѣ: ты былъ причиною смерти швоей любовницы. Да и можешь ли ты, бывъ добродѣтельна, употребить собственную руку швою на опняшіе жизни, коей существа не ты причиною. Доброправіе твое отвращаетъ тебя раззо-

Часть VII.

Ц

ришь

рить какую нибудь вещь, которую
 съѣлаалъ другой; конечно удержишь-
 ся ты помышленіемъ, что уничи-
 женіемъ работы обидишь ты ея
 творца: по сколь вящее преступле-
 ніе, и сколь больше ужасаться долж-
 но разрушать вещество, созданное
 Богомъ. . . . Нѣтъ, Гремислава, не
 требую я сей жертвы, коею усла-
 дился бы можешь быть самолюбивый
 тираннъ. — Чегожъ ты хочешь?
 сказала мнѣ изумленная сею про-
 повѣдью моею моя любовница. Не
 ужъ ли надлежитъ мнѣ послѣдо-
 вать тогда принужденію родитель-
 скому? Не ужъ ли совѣтуешь ты
 мнѣ измѣнить себѣ, любви моей и
 клятвамъ? — Не можно бы, ка-
 жется, любовнику, отвѣчалъ я, со-
 вѣтовать любовницѣ, чтобъ она слѣ-
 довала волѣ родительской, въ про-
 тивность хотѣній его сердца. . . .
 Но естълибъ не было иного способа,
 кромѣ смерти, для преодоленія пре-
 пятствъ нашего соединенія, конеч-
 но бы пожелалъ я видѣть тебя жи-
 ву-

вущую въ несчастномъ бракѣ, нежели закрывшую прелестныя швой очи мракомъ вѣчности. Сколько ли, дражайшая Гремислава, средствъ, сколько нашла оныхъ ты? Есмьли мы соединены такою чистѣйшею и сильною любовію, каковую только добродѣтельная душа принять можетъ, и каковую только могли изобрѣсти сердца, наши, чтожъ помѣшаетъ соединить намъ судьбы наши? Любовь не имѣетъ собственнаго признаковъ; какъ желаніе сочешанія; чрезъ нее духъ подобно какъ бы переходитъ изъ своей собственной въ чужую душу, и престаешь жить въ оживляемомъ имъ мѣстѣ; ибо въ возлюбленномъ обрѣтаетъ пріятнѣйшее жилище. Мнѣ мило то, гдѣ живетъ душа моя; а ты должна жалѣть о мѣстѣ, коего жизненность опянаша къ тебѣ любовію. Соединимъ себя цѣпями неразрывными; уйдемъ отъ суровости нашихъ гонителей: бракъ нашъ возвратитъ намъ навсегда наше спокойствіе. Гнѣвъ ро-

дипелей твоихъ не продолжился да-
лѣе, какъ усмотрѣвъ невозможность
разлучить насъ; сердце рѣдиль-
ское всегда чувствуетъ, что оно
созвонено прощанью; да и любовь,
дѣлающая между любовниками все
общимъ, поможетъ намъ ихъ уми-
лостивить. . . . Ты смущаешься!
ахъ, любезная Гремислава! не ужъ
ли опасность твоя сильнѣе моихъ
желаній? Не размышляй предашь се-
бя во объятія тому, кто тебя обо-
жаетъ. Все расположено къ наше-
му уходу. Сама природа помогаетъ
намъ на сіе предпріятіе. Восполь-
зуемся драгоценнымъ временемъ, о
коемъ можешь быть иногда будемъ
воздыхать.

Какъ! ты уговариваешь меня
къ побѣгу? сказала Гремислава съ
огорченіемъ. Сія ли непорочность
любви твоей? Когда нѣтъ средства
противу нашихъ бѣдствій, безче-
стіемъ ли моимъ хочешь ты пре-
одолѣть оныхъ суровость? Не возму-
тишься ли покой нашего супружества
угры-

угрызѣніями совѣсти, что дочь лишила отца своего при старости должнаго ему почтенія, что онъ опороченъ ея побѣгомъ и своевольнымъ замужствомъ? Нѣтъ! сколь ни несносно мнѣ бышь съ побою разлученной, но покой отца моего предпочитаю я собственному. Оставь и ты сіи мысли, оставь всѣ пупы, уклоняющіе насъ отъ добродѣтели. Не могу я избрать сего средства, коего ужасается мое чистосердечіе. — Ахъ, Гремислава, говорилъ я! пропивно ли добродѣтели отъвертитъ отъ горла шопъ ножъ, коимъ хотяшь оное перерѣзать? Родители, принуждающіе дѣшей своихъ слѣдовать своенравнымъ своимъ предразсудкамъ, лишаются своего права. Неосновательное по мнѣнію, будто бы безчестно выпши замужъ, хотя законнымъ образомъ, но безъ публичныхъ обрядовъ. Послѣдовашъ хотѣніямъ своего сердца, и послѣдовашъ по правиламъ вѣры, добродѣтель воспрещашъ не можешъ. Ка:

кде безчестіе уйпи изъ шюрмы
 тому, когъ въ ней хопятъ запе-
 реть на вѣкѣ безвинно? Повѣрь мнѣ,
 моя дражайшая, что нѣтъ намъ
 способовъ, кромѣ открываемаго ше-
 перь щасіемъ, кое я тебѣ пред-
 лагаю, и кое въ другое время охоп-
 но бы ты упошрбила, но будетъ
 уже не возможно. Когда уже нѣтъ
 надежды намъ ни видѣться, ни вла-
 дѣть другъ другомъ, единое сред-
 ство намъ бѣжать, и прощиву всѣхъ
 препяшше въ соединиться бракомъ.
 Однимъ шѣмъ только докажешь ты
 мнѣ великость любви твоей.

Слова сіи привели ее въ за-
 думчивость; но шаковое замѣша-
 шельство духа не могло побѣдить
 ее разсужденія. Она на повшоря-
 емыхъ мною убѣжденія опвѣществова-
 ла: давно ли стало пріятно огор-
 чать шѣхъ, коихъ любяшь? Вижу
 я, что спрашь твоя приводитъ
 тебя въ заблужденіе; но знай,
 сколь ни жестока любовь, кою я къ
 тебѣ нишаю, не предпочту одна-
 ко

ко ничего своей чести. Никогда мой отецъ не скажетъ несчастной своей дочери, что она его огорчила. Если бы не былъ онъ жалостливъ къ слезамъ моимъ, я повсегда буду приносить ему сладкую сію жертву, оплакивая бѣдную мою участь; если бы опшоргнулъ онъ меня отъ милаго человѣка, узнаетъ онъ, что съ нимъ осталась все мое утѣшеніе. Онъ не будетъ взирать на дочь свою, какъ чшобъ видѣть образъ унынія, скорби и опчаянія. Всѣ его въ разсужденіи меня расположенія сократятся въ вѣчномъ моемъ уединеніи, а ты, любезный мучитель, спаравшійся въ жестокости любви изыскать одобреніе преступленію, довольствуйся, что щѣбѣ одному посвящены на вѣкъ дни мои. Увѣрься, что нѣтъ болѣзненнѣе раны для сердца, какъ прощанье съ милымъ человѣкомъ можешь быть вѣчно; но что раны сіи услаждаются непорочностію. Послѣдуй мнѣ, умѣрай жестерпѣливостію

твоихъ мученій, помышляя, что я себя люблю; но не вини меня, что къ спрдаанію моему не могу быть безчестною. . . Прости, продолжала она вздохнувши! безопасность дней твоихъ требуетъ твоего удаленія; пожалѣй оныя для меня.

Я поблѣднѣлъ отъ словъ сихъ; холодный потъ разлился по моимъ членамъ. Тщешно усугублялъ я мои убѣжденія; она оспавалась неумолима. Тогда впалъ я въ отчаяніе, въ которомъ говорилъ все, что вперяло въ голову мою изступленіе, и опредѣлялъ умертвить себя. Вотъ какова жестокость сей страсти, любезный другъ! подававшій за часъ предъ тѣмъ другимъ здравыя совѣты, въ самомъ томъ же дѣлѣ дошелъ до безумія. Такова - по велика любовь твоя ко мнѣ! говорилъ я ей дрожащимъ голосомъ. Когда для нее нѣтъ ничего невозможнаго, то нѣтъ и оправданія твоей несклонности, кромѣ одной

намѣ-

измѣны. Когда ты не хочешь доказать мнѣ сего крайняго опыта, то жизнь моя мнѣ презрительна. Подло бы было для мужчины не найти способа побѣдить несклонность злобой участи. Когда я нахожу довольно силъ повиноваться варварскому своему повелѣнію себя оставишь, то уже повинуюсь ему гораздо слишкомъ. — Кончая сіе, выхватилъ я мою шпагу, и обращаю кѣ моей груди, хотѣлъ пронзишь себя, но Гремислава, сжалясь моимъ опчаяніемъ, и приведенная во ужасъ моимъ безчеловѣчнымъ предпріятіемъ, вскричала: ахъ, варваръ! постой! . . . сіе-то средство употребяешь ты привлечь меня кѣ небреженію должноти? . . . Ахъ добродѣтель! подкрѣпи меня! . . . жестокій! помедли! . . . любовь! . . . честь! . . . родитель мой! . . . подкрѣпише спѣсненную мою душу! лютой человекъ! ошложи свое намѣреніе. . . . я соглаш. . . .

П 5

Въ

Въ самое сіе время Порамиръ ,
 какъ должно думаешь , узнавъ про
 мой прїѣздъ , пошелъ съ шпагою
 послѣдуемый служителями. Смяше-
 ніе мое разсыпалось его словами ,
 кои онъ произнесъ яростнымъ го-
 лосомъ : недостойная дочь ! шѣмъ-
 цю плашишь ты моей къ тебѣ го-
 рячности ? . . . А ты , злодѣй , умрешь
 отъ руки огорченнаго отца . . .
 ты вооруженъ ; но безчестіе , побою
 мнѣ причиненное , подастъ силу сла-
 бой по лѣшамъ моимъ рукъ нака-
 зашь тебя — Съ словомъ симъ
 успремился онъ на меня . Гремь-
 слава упала безъ чувствъ на по-
 стелю , а я опушилъ мою шпагу .
 Онъ конечно бы закололъ меня :
 ужасъ опчаянія , въ которомъ я
 находился прежде , и сіе нечаянное
 нападеніе сполько взволновали мою
 душу , что не осталось во мнѣ ни-
 какого движенія ; но шрое изъ моихъ
 служителей , примѣчавшіе за мною ,
 вбѣжали , увидя меня въ опасности ,
 бросились съ обнаженными саблями ,

ра-

разорвали толпу людей, и закрыли собою грудь мою отъ смершнаго удара. Какъ отъ сего всѣ пришли въ замѣшательство, я одинъ собралъ мои чувства. Видѣ Гремиславы, почти лишенной дыханія, наполнилъ жалостію мою душу; а воображеніе, что моя отважность была единою причиною сего ея соспоянія, и послѣдующаго за тѣмъ къ ней гнѣва родительскаго, покрыло меня соблазнованіемъ. Я пренебрегъ опасность собственной моей жизни, а только хотѣлъ увѣришь о невинности Гремиславиной отца ея. Почему выслалъ я, хотя съ великимъ трудомъ, непокоряющихся на сей разъ моихъ служителей, и повергну на полъ мою шпагу, бросился на колѣни предъ Порамиромъ, борющимся съ гнѣвомъ, досадою и изумленіемъ. — Теперь видите вы, сказалъ я ему, что не съ злодѣйскимъ намѣреніемъ пришелъ я въ домъ вашъ; я не ищу обороны, и предаю себя во власть вашу, отвергаю

гад

гая всѣ средства, могущія защитить
меня отъ вашего гнѣва. Но какъ
не ожидаю я помилованія отъ отца
раздраженнаго, то по крайней мѣрѣ
великодушіе его возьмѣтъ шерпѣніе
выслушать извиненіе сему моему
поступку, и дозволишь оправдаться
въ томъ, чѣмъ можѣтъ быть по
ошибкѣ обвиняѣтъ добродѣтельную
дочь свою. Казалось, что Порами-
ровъ гнѣвъ утишился нѣсколько мо-
ею покорностію, или не хотѣлъ онъ
насытити мщенія убіеніемъ человека
безоружнаго; почему обратилъ онъ
на меня глаза свои, являющіе пре-
врѣніе, смѣшанное со удивленіемъ,
и въ молчаніи ожидалъ словъ мо-
ихъ. Я продолжалъ: шпага, кою
по видимому сочли вы извлеченною
противу васъ въ мое защищеніе,
была обнажена на собственную грудь
мою; я хотѣлъ пронзить ее отъ
отчаянія, что добронравіе вашей
дочери не соответствовало желані-
ямъ моимъ къ пайному отъ васъ
добѣгу и браку безъ вашей воли.
При-

Признаюсь вамъ, что вся склонность, кою я опъ нее имѣю, и всѣ лестныя слова, мною на шо упопребленныя, не могли принудить забыть почтеніе ея къ вамъ, и прешупить должностъ чести. Она ни въ чемъ не винна, и можетъ быть повесетъ гнѣвъ вашъ за мое прешупленіе. Безъ ея воли опважился я войти сюда; она еще огорчилась за мою дерзостъ; и еспли бы любовь ея не всшупилась нѣсколькo за жизнь мою, она бы призвала васъ на помощь наказатъ сію наглостъ. Теперь яснѣ опишу вамъ причины, принудившія меня на сіе предпріятіе; но не оправдывать себя хочу я: кто не желаетъ помилованія, какая шому нужда въ извиненіи? Я смертельно влюбленъ въ дочь вашу; два года пипалъ я страсть къ ней безнадежную; ни разумъ, ни время не могли испребитъ оныя изъ моей памяти. На послѣдокъ желанія сердца моего удовольшвовались. Я открылся въ шомъ

пре-

прекрасной вашей дочери, былъ сча-
 стливъ въ ея соопвѣщствованіи; но
 скблъ ии сильнымъ пламенемъ воз-
 горѣли наши души, любовь наша
 имѣла вождемъ своимъ добродѣпель;
 и мы не имѣли желаній, кромѣ одо-
 бряемыхъ вами и закономъ. Не смѣлъ
 я вдругъ приступить просить
 васъ о соизволеніи на наше желаніе;
 а между тѣмъ несчастное письмо
 мое попало въ ваши руки. Вы
 сочли въ безчестіе себѣ непорочность
 нашихъ намѣреній, вы обратили про-
 тивныя противу меня предразсудки,
 и лишили всей надежды. Я оспал-
 ся въ отчаяніи, но не дерзнулъ
 преступить вашего повелѣнія, не
 ѣздивъ въ домъ вашъ. Съ тѣхъ
 поръ не видалъ я мою любезную...
 Если вы когда нибудь чувствова-
 ли власть жестокой любви, разбери-
 те почему мое страданіе, кое сно-
 силъ я, возложи на себя столь му-
 чительную должность. Былъ лишенъ
 и той отрады, чтобъ гдѣ нибудь
 ее увидѣшь. И такъ мученія мой
 при-

принудили меня отважиться на сей
 прїѣздъ, чтобъ увидѣть любезную
 мою прошиву ея воли, съ тѣмъ,
 чтобъ уговорить ее или въ досаду
 вамъ бѣжать со мною, или окончить
 дни мои. Но какъ не былъ я ща-
 сливъ въ первомъ; то хотѣлъ испол-
 нить послѣднее. Приходъ вашъ по-
 мѣшалъ мнѣ совершить ваше опча-
 яніе; однако разгнѣванный родителемъ
 исполнилъ оное, принеся виновнаго
 на жертву справедливаго своего мще-
 нія. . . . Прошу васъ, великодушный
 Норамиръ, не медлите пролить кровь,
 на казнь мою шекущую въ моихъ
 жилахъ. Когда я не могу ласкать
 себя ни малою надеждою васъ уми-
 лоспивши ко удовлетворенію моему
 сердцу, на что мнѣ жизнь моя? . . .
 Возмите ее; она нужна для вашего
 спокойствія; но пощадите невинную
 Гремиславу. На мнѣ опмстите, въ
 чемъ вы, хотя напрасно, ее подозрѣ-
 ваете; я причиною несчастнаго сего
 случая. Довольно вины моей, что
 невинность и непорочность подвергъ
 не-

недовѣрчивости. . . . Чшо жѣ мед-
лишь ты прекрапишь поспылые дни
мои? говорилъ я, разкрывая грудь
мою, къ пребывающему въ безмол-
віи опцу Гремиславину. Чшо удер-
живаешъ себя поразить меня? . . .
Мнѣ пріятно. пріянь послѣдній
ударъ, прекращающій жизнь мою опъ
шого, кшо далъ оную моей любез-
ной. . . . Естли ты гнушаешся
обагришь оружіе швое въ крови, споль
себѣ ненавистной. . . . вонъ моя
шпага, (продолжалъ я, подавая ему
оную) ее вонзи въ меня; она
должна въ рукъ швоей совершишь свое
предопредѣленіе.

Слова мои и опчаянный видъ
смягчили нѣсколько гнѣвъ Пирами-
ровъ; онъ бросилъ свою шпагу и ска-
залъ: я прощаю себѣ мою обиду;
но естли ты можешь чувствовашъ,
сколько имѣю я привужденія преодо-
лѣть справедливую мою досаду, шо
постарайся быть достойнымъ моего
прошенія: забудь на вѣкъ домъ
мой, и не дерзай являшся на глаза
мои.

мои. — Развѣ я прошу тебя о каковомъ либо помилованіи? вскричалъ я къ нему съ досадою. Если бы ты меня прощаешь, я хочу сего, но только съ тѣмъ, чтобы въ залогъ милости твоей доспалась мнѣ рука твоей дочери, а безъ оныя всякое твое снисхожденіе есть злоба. — Я хотѣлъ было еще продолжать, но Порамиръ велѣлъ меня служителямъ своимъ вывести вонъ изъ своего дома. Они принялись исполнять приказъ сей; я бросился къ ногамъ его; Порамиръ былъ неумолимъ, и подтверждалъ жестокое свое повелѣніе. Меня пощипали; я собралъ всѣ силы вырваться изъ рукъ моихъ ширанновъ, и бросаясь къ ногамъ пришедшей уже въ память и проливающей слезы Гремиславы, поцѣловалъ ея руку. Но едва успѣлъ сказать сіе:

проси несчастную мою дерзость! я навлекъ тебѣ толикое бѣдствіе; но вѣрь, что любовь моя дорого заплашитъ мнѣ каждую каплю слезы

Часть VII.

Р

твс-

твоихъ ; просни моя любезная !
 часъ разлучающъ навсегда. —
 Мнѣ не дали докончатъ словъ мо-
 ихъ , и шацили меня вснѣ. Вар-
 варъ ! кричалъ я выходя Цорамиру ;
 ты лишаешь меня крайняго утѣше-
 нія : вѣ послѣднѣ проспишься съ
 владѣтельницаю дней моихъ . Я
 чаялъ находить вѣ тебѣ милосер-
 діе , но ты звѣрь , лютеѣшій шигра :
 ты на шо оставилъ жить меня ,
 чшобъ я спрашившія смерти пер-
 пѣлъ спраданія . — И такъ былъ
 я приведенъ къ моимъ служителямъ ,
 и отданъ онымъ съ подшвержде-
 ніемъ , чшобъ они , естли хошатъ
 видѣшь меня жива , немедленно бы
 везли меня прочь .

Какой языкъ достапоченъ изъ-
 яснишь шогдашнее состояніе ужас-
 ныхъ дней моихъ ! Все , что ни есть
 мучительнаго , раждалось вѣ моемъ
 сердцѣ , и все , мятущее воображе-
 нія , производилось во мнѣ отчаяні-
 емъ . Мнѣ казалось , что уже не
 ва чемъ жить больше . Укоряя себя
 мо-

моимъ несчастливимъ покушеніемъ, а иногда прѣклиная жестокость Порамирову; считалъ, что въ одной лишь смерти моя отрада. Я хватался за мое оружіе; но единое имя моей любезной, входящее въ унылую мысль мою, ослабляло мою руку. Все свирѣпство мое оканчивалось плачемъ. Не осуждай, Клорандъ, слезъ моихъ: женамъ и любовникамъ рыдать позволено; печаль и онѣ умягчаютъ душу. Орося лице мое, находилъ я нѣкое довольство поскѣ моей, и самое мое состояніе уже нешаково казалось горестно. Когда прошли первыя стремленія волнующихся чувствъ, представлялъ я себѣ, что участь моя не такъ еще безнадежна; что всѣ опасныя для любви моей случаи удобна отвратишь въѣрность моей дражайшей. Произшествіе сіе считалъ я достойною мнѣ казнію за то, что подвергалъ Гремиславу поспупку предосудительному, и самое то, что прежде казалось мнѣ

необходимостію , находилъ уже по-
ступкомъ , недостоинымъ челоѣка ,
идущаго по спезямъ добродѣтели.
Однако ни разсужденія , ни добро-
дѣтель не могли удержашь сердце
мое отъ воздыханій ; оно возсыла-
ло ихъ поминушно. Хошя произ-
шедшее со мною и отвращало отъ
покушеній увезши Гремиславу ; ибо
видѣлъ я , что не иначе , какъ съ
великимъ безпокойствомъ души ея ,
и въ одной только крайности рѣши-
лась она на мое желаніе , но иног-
да возвращались и сіи мысли въ
мою голову. Однако , научась луч-
ше разумѣшь достоинства моей лю-
безной , испреблялъ я мысли , пред-
осудительныя моему къ ней почте-
нію. Нѣтъ ! уже не огорчу я боль-
ше моей дражайшей , пвердилъ я
самъ себѣ. Буду любить ее , бу-
ду любить вѣчно , хошя лишенъ
всехъ надеждъ ; буду несчастливъ ,
но не буду распушенъ , чтобъ укл-
ониться отъ добродѣтели. — Въ ша-
ковыхъ мѣшающихъ болѣзнь съ оц-
ра-

радою мнѣвнѣхъ провождалъ я дни мои: иногда спеналъ, а иногда ушѣшалъ себя. Ушѣшался шѣмъ, что любимъ шюю, которая мнѣ милѣе жизни; а спеналъ о томъ, что нѣшъ ее со мною. И такъ положилъ отъ времени ждашь умягченія суроваго моего рока.

Между шѣмъ провѣдывалъ я о состояннн моей любезной, и узналъ, что за нею строго присматриваютъ, что она никуда не выходитъ изъ своихъ комнатъ, и что запрещено пускать въ домъ Порамировъ не шюмо меня, но никого и изъ моихъ служителей. Досадовалъ я за сей поступокъ родителя Гремиславина, но понималъ, что онъ необходимъ, и что безразсудная спрасъ моя причиною сей его жестокости. Кто виноватъ, шотъ не можетъ ропшашъ на причиненное просшупкомъ его ему неудовольствіе. Но какъ не могъ я снести, чтообъ не дашь знать Гремиславъ о моемъ состояннн, шакъ и

Р 3

узнашь

узнашь почтѣ о ея : шо подкупилъ я слугу Порамирова вручишь ей слѣдующее письмо :

„ Причинилель твоихъ горестей ,
 „ дражайшая Гремислава , дерзаетъ
 „ еще возмутишь опраду твоего уединенія начертаніемъ руки своей .
 „ Не осмѣлился бы онъ прибѣгать къ тебѣ въ мученіяхъ своихъ ,
 „ естли бы подверженная безразсудствомъ его гнѣву родительскому не была та , въ коей живешь душа его , коя удерживаетъ бышіе дни его , и въ коей опрада всѣхъ его степеній . Вишишься ли мнѣ должно въ несчастномъ моемъ покушеніи , нанесшемъ шодкое тебѣ смяшеніе , когда ежеминутно налагаетъ на меня казни сраженное собственное мое сердце ? Такъ , любезная моя , я страдаю , и страдаю больше , нежели бы могли пиранны налагать на пресшупниковъ раны , изобрѣтаемыя безчеловѣчіемъ . Одно шо только , шо я осужденъ себя не
 „ ВИ-

„ видѣшь, кромѣ прочихъ бѣдствен-
 „ ныхъ воображеній, разрываетъ въ
 „ часни грудь мою. Но ты не толь
 „ жестока, чтобъ оправдывала му-
 „ ченія, достойныя своего мщенія,
 „ когда подверженъ сталъ я онымъ
 „ сильною и неукрошимою къ тебѣ
 „ любовію; ты меня любишь, слѣд-
 „ ственно не каранія опредѣляетъ мнѣ
 „ свое сердце, но омываетъ слеза-
 „ ми раны моего, опвершья раска-
 „ яніемъ. И такъ не умилоштивляешь
 „ я себя долженъ, но ушибашъ въ
 „ злощастіи, покрывшемъ лютострію
 „ свою нашу участь. . . . Но мо-
 „ жешь ли умирающій лечишь боля-
 „ щаго? можешь ли спрадающій
 „ произноситъ, кромѣ вздоховъ?
 „ Какія слова, кромѣ являющихъ
 „ ужасъ души, излепашъ изъ сом-
 „ кнутыхъ печалію устъ моихъ?
 „ единое только соблазнованіе бѣд-
 „ ствующаго можешь пріятно бышь
 „ несчастному. . . . Ахъ! естли въ
 „ семъ можешь находишь ты отпра-
 „ ду, вѣрь мнѣ, вѣрь, моя дражай-
 „ шая,

„ ты ? О Гремислава , Гремислава !
„ сладость и бытіе бытія моего !
„ не вѣ силахъ я изъяснишь ужасъ
„ души моей , наносимый сею раз-
„ лукою . Но я самъ себѣ оную при-
„ уготовилъ ; на кого мнѣ сѣшовать ?
„ Если бы бѣдшвенное сіе начер-
„ таніе не было вѣ рукахъ твоихъ ,
„ не была бы ты неоспорожна доз-
„ волишь узрѣть его своему роди-
„ телю . Я видѣлъ бы безпрепят-
„ ственно прекрасное лице твое .
„ Страсшныя уста лобзали бы пре-
„ лестныя твои руки . Но что твер-
„ дишь невозвратимое ! судьба хотѣ-
„ ла , чшобъ вѣ спрданіяхъ нахо-
„ дила довольство свое любовь на-
„ ша . . . . О рука ! жестокій членъ
„ несчастнаго тѣла ! ты пишешь и
„ желаешь облегчить тѣмъ мои му-
„ ки , коихъ ничто на свѣтѣ облег-
„ чить не можешъ ; увы ! еслибъ
„ я не имѣлъ тебя , я зрѣлъ бы
„ мою Гремиславу ! . . . . гдѣ ты ,
„ Гремислава ? . . . . гдѣ ты , моя
„ любезная ? . . . . какой предѣлъ

„ испоргаетъ тебя отъ моихъ объ-
 „ ятій? . . . о небо! . . . сжался
 „ надъ бѣднымъ любовникомъ! . . .
 „ сжался надъ душою, изнуренною
 „ сшениемъ! . . . Но кого я при-
 „ зываю? ничто, кромѣ тебя, моя
 „ любезная, не можетъ мнѣ подать
 „ оспрады. Я какъ бы слышу твой
 „ милый голосъ. . . . ты говоришь
 „ мнѣ: имѣй надежду, я твоя. Ни-
 „ какое разшояніе мѣстъ, никакое
 „ пространство времени не ошпор-
 „ гнетъ меня отъ твоихъ желаній.
 „ Сей голосъ есть твоихъ клятвъ;
 „ сіи слова суть вѣрность любви
 „ твоей. Вѣрю, душа души моей:
 „ гдѣбъ ни былъ я, съ тобою все,
 „ что я имѣю жизненнаго, и гдѣ
 „ бы ни была ты, со мною твоѣ
 „ сердце. И такъ не должно намъ
 „ ошчаяваться; должно намъ пови-
 „ новаться участи нашего предѣла,
 „ должно мнѣ жалѣть дней своихъ,
 „ должно мнѣ хранишь ихъ для те-
 „ бя; ты желаешь, чтобъ я жилъ
 „ для любви твоей, хоша безъ на-
 „ „ гравы.

„ грады. . . . Жесткоко сіе бремя,
 „ но я тебѣ повинуюсь. Сколь ни
 „ несчастна любовь моя, однако
 „ есть въ ней нѣсколько благополу-
 „ чія, когда только она тебѣ уго-
 „ дна, и о которой я и умирая
 „ жалѣть долженъ. . . . И такъ
 „ я тебя не увижу? и такъ дол-
 „ женствую жить безъ тебя? ахъ!
 „ можно ли въкъ такой почестъ жиз-
 „ нію? Коликихъ пронзающихъ вздо-
 „ ховъ споитъ мнѣ помышленіе,
 „ что я злополучнѣе сей бумаги:
 „ оная будетъ въ рукахъ твоихъ,
 „ а я . . . можетъ быть никогда
 „ тебя не увижу. . . . Прости, моя
 „ любезная! . . . съшлибъ орошен-
 „ ная слезами моими бумага сія
 „ могла говорить, она сказала бы
 „ тебѣ, чего споитъ мнѣ сіе сло-
 „ во. . . . но ты не хочешь моей
 „ горести, ты запрещаешь мнѣ про-
 „ ливать слезы; но что укротишь
 „ мои рыданія? . . . Прости! . . .
 „ и того не имѣю я утѣшенія
 „ чтобъ при глазахъ твоихъ изреч
 „ сі

„ сіе ужасное слово! . . . . увы! я
 „ вѣрять оное строкамъ, кои мо-
 „ жетъ бытъ не дойдущъ до тебя.
 „ Не ужъ ли въ послѣдніе я пишу
 „ къ тебѣ? . . . несносное состо-
 „ яніе! . . . шакъ, въ послѣдніе,
 „ не должно миѣ писать къ тебѣ;
 „ покой, безопасность швоя сего шре-
 „ буютъ. . . . Сей разъ есть пе-
 „ чать моихъ намѣреній и ключъ
 „ къ тоскѣ моей. . . . Живи, моя
 „ любезная, живи, чшобъ я жилъ,
 „ и естли можно, на одного меня
 „ возложи вѣчно грусть швою и шпра-
 „ даніе. „

Я не былъ измѣненъ въ семъ случаѣ;
 ибо прежде пріѣздъ мой открытъ
 былъ самымъ шѣмъ подкупленнымъ
 мною садѣвникомъ; но можно ли
 вѣрность къ господину называть
 измѣною? Такъ нарекала то лю-
 ювь мся, но не было сіе шѣмъ
 въ очахъ должности. Письмо сіе
 ршло въ руки Гремиславины. Я
 рлучилъ отъ ней поршрешъ ея и
 цвѣтъ такового содержанія:

„ Могу

„ Могу ли я винить тебя въ
„ проступкѣ, который оправдаетъ
„ мое сердце? Еслибъ не зависѣла
„ опасность твоей жизни, я хотѣла
„ бы еще тебя видѣть, и за одинъ
„ взглядъ на тебя подвергнуться
„ всей немилости моего родителя.
„ Къ успокоенію своему знай, что
„ онъ не опмѣнилъ своей ко мнѣ ла-
„ ски. Всѣ выговоры, коихъ бы, ка-
„ залось, должна я ожидать, пре-
„ шворились въ жалость: на печаль
„ мою взиралъ онъ очами, наполнен-
„ ными слезъ. Но сіе обстоятель-
„ ство, по видимому могущее льстить
„ нашему щастію, не приноситъ
„ намъ надежды. Задумчивость,
„ окружающая его съ тѣхъ поръ,
„ какъ ты у меня былъ, вчераш-
„ ній день открылась тѣмъ, что
„ происходила она отъ опасности
„ о моемъ уходѣ. Долго ходилъ
„ онъ взадъ и впередъ запер-
„ шись въ своей комнатѣ, почасту
„ воздыхая, и наконецъ приказалъ,
„ чшобъ все гошова было къ отъѣз-
„ ду;

„ ду; но куда, никто не знаетъ.
 „ Ужасный приказъ сей исполненъ:
 „ мы ѣдемъ сей часъ, и когда
 „ дойдетъ до тебя письмо сіе, мо-
 „ жетъ быть дальнее разстояніе раз-
 „ дѣлитъ насъ. Можешь быть ду-
 „ маютъ шѣмъ изцѣлишь меня отъ
 „ любви: весьма ошибаюся! Вѣрь
 „ миѣ, любезный мой, что прежде
 „ разрушатъ бытіе мое, нежели
 „ испреятъ напечатанное на серд-
 „ цѣ моемъ швое имя. Я клянусь
 „ тебѣ, клянусь всемъ, что или
 „ ты, или смерть получишь меня
 „ въ свои объятія. Я подтверждаю
 „ надежду швою на мою вѣрность;
 „ употребляй оную, чтобъ прено-
 „ сить горестъ нашей разлуки. Еже-
 „ либъ можно было желать невоз-
 „ можнаго, я хотѣла бы, чтобъ
 „ ты не вздыхалъ по миѣ; но ахъ!
 „ не требуй, чтобъ не проливалъ по
 „ тебѣ слезъ я: разлучишься съ
 „ шѣмъ, что милѣе всего на свѣтѣ,
 „ удобно лишь выговоришь, но не-
 „ сносно чувствоватъ... Прости, мой
 „ дра-

„ дражайшій! прости, благополучіе
 „ дней моихъ! я не такъ опчаян-
 „ на, какъ ты; я не скажу тебѣ
 „ прости на вѣки; непорочность на-
 „ шего пламени когда нибудь дол-
 „ жна увѣичаться. Любовь перевоз-
 „ можеть судьбу, возвратишь те-
 „ бя мнѣ, а меня своимъ желані-
 „ ямъ. Но не будешь минутой, въ
 „ кою загладила бы тебя память
 „ въ душѣ моей. Когда ты меня
 „ ни вспомнишь, знай, что въ ту
 „ минуточку образъ твой въ глазахъ
 „ моихъ; ибо онъ ни во снѣ, ни въ
 „ явѣ не опходишь отъ моего серд-
 „ ца. Я посылаю къ тебѣ въ за-
 „ логъ любви моей то лице, коего
 „ подчинникъ столько милъ моему
 „ любезному. . . . Прости, и будь
 „ спокойнѣе, нежели былъ до сихъ
 „ поръ. Я въ мысляхъ простираю
 „ къ тебѣ мои обѣщанія, и опѣ-
 „ ѣваю лобзая вмѣсто тебя письма
 „ твое; оно пріемлетъ мои возды-
 „ ханія; а ты довольствуйся тѣмъ,
 „ что съ тобою остаётся все сердце

„це и все, что я имѣю подающа-
го мнѣ ошраду.“

Подашель письма сего увѣдомилъ меня, что Порамирѣ заподлинно уѣхалъ въ ошдаленное и неизвѣстное мѣсто, взявъ съ собою Гремиславу и все то, что доказы-
ваетъ о долговременномъ его ошсущ-
ствіи. Сколь ни обрадывало меня дражайшее начертаніе руки моей любезной, сколь ни ушѣшало увѣ-
реніе ея мою надежду, но не лзя, чтобъ не чувствовалъ я всей горе-
спя долгія разлуки. Великая раз-
ноща хотя нещасливу бышь, хо-
пя не видашь любезной, но находишь-
ся ошѣ ней въ близости съ шѣмъ,
чтобъ ошѣ ней удалиться, разлу-
читься на время неопредѣленное и
не вѣдать, гдѣ она. Туть могъ я
хоть изрѣдка имѣть о ней извѣ-
стіе, могъ льспиться когда ни-
будь ее увидѣшь, а шуда, гдѣ на-
ходилась она въ ошсущствіи, не до-
стигало, кромѣ болѣзненныхъ моихъ
воображеній. Я прижалъ къ устамъ
мо-

моимъ прекрасное начертаніе лица
ея, орошалъ слезами и чаалъ, что
оныя охлаждающъ силу шоски моей.
Но сіе малое успокоеніе было лишь
преддверіемъ шѣхъ неописанныхъ
спраданій, въ коихъ безъ ослабы
шомишъ меня по сихъ поръ бѣд-
ственная любовь моя. Съ того вре-
мени не имѣлъ я извѣстія о моей
драгой Гремиславѣ. Какъ прово-
ждалъ я несносные дни мои, дока-
зывающъ тебѣ видъ мой и возды-
ханія. — —

Тѣмъ кончилъ Любимиръ свою
повѣсть, которую заключилъ пошо-
комъ горькихъ слезъ. Клорандъ
при слабомъ свѣшѣ лампы, освѣ-
щающей бесѣдку садовую, примѣ-
шилъ ручки оныхъ, стремящіяся по
лицу своего друга; вздохнулъ, и
началъ говорить: Любезный другъ!
соспояніе швое научаешъ меня,
сколь опасна спрашъ любви истшим-
ной. Но не знаю, чтообы доводило
тебя до такового опчаянія? шы
увѣренъ въ швоей любовницѣ, что
Часть VII. С она

она пылаетъ равномерною къ тебѣ страстію, что она вѣрна тебѣ и кажется кляпвы ея достапочны бы подать тебѣ опраду. — Ахъ, Клорандъ, сказалъ Любимиръ! но не видашь ее сколько времени, возможно ли душѣ спраждающей не имѣть ни малаго о ней извѣстія? каковаго стоишь ужаснаго воображенія! что увѣришь меня, что она еще жива? Сіе страшное помышленіе испребляетъ существо мое. . . . .

Оспавилалъ бы она впрочемъ подати мнѣ опраду хотя единой строчкой? . . . О другъ мой! любинь Гремиславу и ее лишишься довольная причина прекранишь дни мои; и есѣли видишь ты меня еще жива, то скоро совершитъ судьба мему своихъ гоненій; здоровье мое шаетъ. Ты не дивись, что любовь, столь пріятное изреченіе, можетъ прекратишь дни мой: она, такъ какъ слабоснь мысленная, можетъ быть и смертоносна, для того что въ ней сильныя движенія мыслей прохож-
де-

денію смятенныхъ жизненныхъ духовъ меньше отверзающъ хода, нежели повреждающъ обращеніе крови; отъ чего душа мало помалу исчезаетъ. О Гремислава! . . . . дражайшая отрада дней моихъ! могу ли я хотя въ послѣдніе узрѣть милое лице твое? Щастливъ бы былъ я, еслибъ прекрасная рука твоя пришла закрыть темяющіе мракомъ вѣчности глаза мои! самая смерть въ объятіяхъ твоихъ не такъ была бы мнѣ горестна. — Оставъ сіи помышленія, подхватилъ Клорандъ; ты меньше близокъ къ смерти, какъ можешь быть къ щастію. Предѣлъ поспешенно ведешь насъ къ отрадамъ, когда положишь окончашъ свою жестокость. Когда ты нашелъ своего друга, надѣйся, что возвратишь и свою любезную. Не столько ли же причинъ имѣлъ ты не видашь меня, какъ и Гремиславу? Можешь быть сіе удовольствіе оставлено принявъ тебѣ отъ руки твоего друга; ипо сего имѣешь,

не совсѣмъ еще несчастенъ. Я обещаюсь приложить всѣ мои силы, доставить тебѣ радостную вѣсть о своей любезной, и думаю, что небо наградитъ успѣхомъ искреннее сіе желаніе. Сердце мое увѣряетъ меня въ помѣ своими предчувствованіями; но въ залогъ сей моей услуги пребую, чтобъ ты не предавалъ себя опчаянію; ты долженъ лишь одну надежду имѣть спутницею своего воображенія, и все горестное выкинуть изъ головы твоей. Печальныя помышленія приносятся ли, кромѣ стѣсненія, сердцу занимающему? Кто ропщетъ прошиву своего несчастія, чтобъ бередитъ ту рану, кою охотно бы излечилъ хотѣлъ.

Кончая слова сіи, Кларандъ выходилъ изъ сада, ведя друга своего за руку. Полный свѣтъ луны освѣщалъ дорогу ихъ, кою продолжали они къ карешамъ своимъ, вспавленнымъ по случаю обоими вмѣстѣ въ ближнемъ селеніи. Кларандъ

рандѣ начинаетъ еще говорить во
 утѣшеніе воздыхающаго Любимира ;
 но слова его пресѣкаются стономъ
 голоса , изъясляющаго человѣка ,
 шерпящаго нападеніе. Другъ , ска-
 залъ онъ Любимиру ! поможемъ ближ-
 нему : мѣсто сіе не безопасно отъ
 злодѣевъ во время шоль позднее.
 Любимиръ обнажилъ свою шпагу :
 пойдемъ , говорилъ онъ , удвоя ша-
 ги свои ; тайное побужденіе влечетъ
 меня спаси дни несчастнаго. Они
 приближаются и видятъ четверыхъ
 вооруженныхъ и закрытыхъ маска-
 ми , влекущихъ обезоруженнаго и
 связаннаго. — Постойте , злодѣи ,
 вскричалъ Любимиръ ! не даромъ
 пройдетъ вамъ сіе беззаконіе ! —
 Оныя оспановляются , и вмѣсто ош-
 вѣша одинъ изъ нихъ производитъ
 выстрѣлъ изъ пистолета ; но пуля
 пролетаетъ мимо Любимира , копо-
 рый , не дожидаясь повшоренія , по-
 ражаетъ его шпагою. Ударъ сей
 рѣшилъ сраженіе : злодѣи оставля-
 ютъ добычу , и спараются унести
 тѣло

шѣло убитаго своего поварища. Они удаляются вѣ гуспину лѣса, куда два друга не могли ихѣ преслѣдовать. Они возвращаются, развязываютѣ руки тому, къ которому щасіе послало ихѣ на помощь; и когда оный благодаритѣ ихѣ за свое спасеніе, Любимирѣ узнаетѣ вѣ немѣ отца своей любезной. Возможно ли, вопіетѣ онѣ? . . . О Клорандѣ! знаешь ли, чьи дни удержала рука моя? . . . Епо Порамирѣ! . . . ахѣ, родитель мой любезной! чѣмѣ возблагодарю судьбу, пославшую меня для швого защищенія? — — —

Сія часть кончилась, но шущѣ еще не все.

РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

Древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

ВЪ М О С К В Ъ.

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Рускія Сказки, Часть VIII. и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Соцѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

Продолженіе приключенія Любимира и Гремиславы.

Удивительное спеченіе случаевъ , располагаемое судьбою въ жизни смертныхъ , было тогда причиною , чтобъ предашь разнымъ чувствованіямъ людей, сведенныхъ сею нечаянною встрѣчею. Хотя Порамиръ былъ единый причинитель горестей для сердца страдающаго Любимира , но одно имя отца возлюбленной укрощало въ немъ всѣ прочія стремленія, кромѣ нѣжныхъ. Онъ восхищается, избавя опасности даваго жизнь Гремиславъ. Тысяча разныхъ побужденій ободряютъ его надежду, любовь и жгеланія ; но многія сіи про-

Часть VIII.

А 2

извѣст

изведенія радости смущаютъ его душу, которая лишается дѣйствія своего въ обезсиленномъ языкѣ, и лишь шрепещущія обѣщанія прилѣпляешь къ колѣнамъ Порамировымъ. Сей, приведенный отъ страха къ изумленію, пребываетъ равно безмолвенъ, усуремляетъ глаза свои на Любимира, познаетъ его, смущается, и даетъ время благодарности и опшращенію сражаться въ безпокойныхъ своихъ мысляхъ. Между шѣмъ Любимиръ, слѣдующій движеніямъ своего сердца, находитъ употребленіе словъ. Великодушный Порамиръ! говорилъ онъ, цѣлуя его руки, понуждаемая благоприспосовностию разорвать обѣщанія, являющія униженіе. Естлибъ нанесшій вамъ многія безпокойства несчастною своею шрастною не былъ пропивенъ глазамъ вашимъ, злополучный Любимиръ предался бы всей сладости удовольствія, кою только можешь вкушать душа благородная, обезоружа злосшь, производящую насиліе;

но

но рожденный для горестей долженъ спавивъ въ дерзость и сіе невинное спремленіе моеи радости, моеи къ вамъ привязанности. Онъ съ шрепетомъ лобзаетъ шу руку, кою самъ вооружилъ на свое наказаніе. Но когда злощастіе, преобразившее непорочную любовь мою къ швоей дочери въ предметъ, достойный швоего гнѣва, не дѣлаетъ лесными мнѣ дни мои, когда успа швои опредѣлили мнѣ опчаяніе, и когда цѣпь онаго къ одной лишь идетъ смерти, не ужъ ли добродѣшельный Порамиръ гнушается и руки, къ нему касающейся? онъ ее оппоргаетъ; но ахъ Порамиръ! сія рука и въ преступленіи своемъ себя почитаетъ; она достойна швоеи ненависти, но она спасла можетъ быть жизнь швою. Есльи случай сей не можетъ быть правомъ моего къ шобъ приближенія, пусть послужитъ оный къ удовлетворенію иѣжности моихъ чувствъ къ шобъ. — Государь мой, опвѣшвовалъ ему Порамиръ! иѣтъ обиды,

коя могла бы помѣшать душѣ признашальной чувствовашь оказываемыя благодаренія. Не отвращеніе принудило меня освобождатьсь отъ вашихъ объашій, но то самое безпокойство, что избавишель мой распростираетъ себя предо мною въ видѣ шоль униженномъ. Есшья мѣсто сіе не можетъ быть удобнымъ, къ объясненію прочихъ нашихъ обстоятельствъ, но не препящивуетъ оно чувствовашь мою благодарность, и объашь моего избавишеля. Съ словомъ симъ прижимаетъ онъ Любимира къ груди своей, и шѣмъ испоргаетъ изъ очей его слезы. Въ промежкѣ сихъ минутъ Клорандъ, соучаствующій радости своего друга, возбужденъ любопытствомъ хочетъ разсмотрѣть опца Гремиславина; но взоры сіи простираютъ ужасъ въ душѣ его; онъ познаетъ въ немъ Милорда Гарстона, величайшаго своего непришеля. — Чудное свойство ненависти! кровь, расплечная въ жилахъ его нѣжностію, въ одно мгно-

мгновеніе мѣшается съ желчію, раждаетъ злосць, и премѣняетъ видъ его во образъ фуріи. Онъ отскакиваетъ назадъ, и посинѣвшія его губы произносятъ въ дрожаніи: О небо! . . . въ чьихъ объятіяхъ зрю я моего друга? . . . Любимиръ! содрогнись, лобзая убійцу отца моего. — Рѣчь сія опрыгаетъ Порамира отъ груди его избавителя; онъ опстываетъ въ смятеніи; но Любимиръ, схватившій крѣпко его руку, ведетъ за нимъ шаги свои, и лишь изумленный взоръ лица устремляетъ къ своему другу. Волнующаяся душа его не смѣетъ опредѣлить о истиннѣ словъ Клорандовыхъ. Взираетъ онъ на Порамира, видитъ холодную его спокойность, и съ каждымъ взглядомъ обвиняетъ ошибку своего друга; обращаетъ къ сему слезящіе глаза свои, и безмолвнымъ видомъ спарается вывести его изъ заблужденія; сердце Любимирова не позволяетъ присвоить беззаконія родителью своей любезной. Но Клорандъ

не оставляешь его долго пребывать
 въ сихъ чувствованіяхъ; яростный
 его голосъ пронзаетъ ужасомъ Люби-
 мира, внимающаго слова сіи: Другъ
 мой долженъ бы мнѣ способствовати
 въ справедливомъ моемъ мщеніи; но
 онъ пріемлетъ сторону моего зло-
 дѣя. . . . . О Любимиръ! должна ли
 дружба уступать любви? -- Но къ
 чему сіи разсужденія? окровавленная
 швъя опца моего! прими отмще-
 ніе . . . . Ты, кою злобная рука на
 вѣкъ закрыла очи дражайшаго моего
 родителея, прими воздаяніе! кровь
 швоя усладишь слезы его сына:
 умри! — Слова сіи были еще во
 устахъ его, какъ усстремилъ онъ
 извлеченную шпагу на Порамира. Сей,
 не имѣя оружія, хватаетъ лежащую
 на земли шпагу его друга; но не
 успѣлъ бы онъ ни вооружиться, ни
 отвесить удара, естлибъ Любимиръ
 не защитилъ его своею грудью. Онъ
 бросаешся между острія шпаги и
 опца своей возлюбленной, схваты-
 ваетъ голою рукою смертоносный
 ударъ;

ударъ, и съ уязвленіемъ оныя сей
остановляетъ. Постой Клорандъ,
вопіешь онъ! другъ твой не допус-
шинъ тебя бышь безчестнымъ...
Какое право позволяетъ тебѣ уби-
вать не обороняющихся? благородная
душа можешь ли употреблять въ
мечь свою предательство? . . . Еслили
хочешь ты мстить за своего роди-
теля, безразсудный ли гнѣвъ дол-
женъ провождать твои удары? могъ
ли ты считаешь Порамира толь по-
длымъ, чтобъ не далъ онъ тебѣ
средства къ удовольствію честнымъ
образомъ? . . . Но ахъ Клорандъ!
какія ни имѣлъ бы ты причины ис-
кать смерти Милорда Гарсона,
онъ отецъ Гремиславы, отецъ воз-
любленной твоего вѣрнаго друга.
Дни мои соединены съ спокойстві-
емъ его семейства; вся природа моя
пріемлетъ въ немъ участие; она
вооружаетъ на тебя сердце мое, кое
въ оборону противу тебя спавитъ
единяя шокмо объятія. . . . Рука
моя уязвлена твоимъ оружіемъ; удо-

вольсвувъся текущую изъ оной кровью... О! еспьли шолько можешъ она насыщашъ гнѣвъ швой, проливай ее, вошъ грудь моя для швоего мщенія; но примирися съ Порамиромъ. Вражда швоя къ нему еспь болѣзненнѣйшая мнѣ рана, нежели какову получилъ я шеперь ошъ швоего оружія.

Въ продолженія сего, когда Любимиръ говорилъ къ Клоранду, луна, закрывшаяся на шотъ часъ малымъ облакомъ, посылаетъ свѣтъ свой помочь глазамъ Клорандовымъ обозрѣшь лющуюся кровь изъ руки его друга. Видъ сей смягчаетъ его душу; онъ бросаетъ свою шпагу, и въ сраженіи спрастей своихъ, достаетъ плашокъ, и обвершываетъ онымъ его язву. Гнѣвъ и жалость спремленіями своими его преосиляютъ, и приводя въ умѣренность, лишаютъ словъ; одни шолько сверкающіе глаза его обращаются попеременно, шо на Порамира, шо на своего друга.

Между

Между тѣмъ Порамиръ, опершійся на близъ стоящее дерево, съ удивительнымъ равнодушіемъ произносилъ: — Я не опорочиваю, Кларандъ, запальчивости твоей, возбужденной справедливою причиною мщенія: отъ моихъ рукъ скончалъ въкъ свой твой родитель, и ты ненавистію ко мнѣ показываешь въ себѣ достойнаго его сына. Но не всегда пресупленія бываютъ таковы въ самой вещи, каковыми изображаютъ ихъ наружность. Если бы зналъ ты точность сего несчастнаго происшествія, ты вмѣсто мщенія раздѣлялъ бы проливаемые по родителѣ твоемъ слезы, чтобъ сорыдать горестямъ оплакивающаго его друга. Такъ, Кларандъ, отецъ твой соспавлялъ одну со мною душу, пока бѣдственная ревность не изыскала средства погубить ему отъ руки моей. Но сія рука, пресѣкшая дни его, и теперь есть рука его друга; она же виновна въ крови его, единая только нечаянностію управляла ея ударомъ, причинившимъ

шимъ безпрестанное мученіе моему сердцу. . . . О пѣнь моего друга! ты въ вѣчности пріемлешь всегдашнія мои воздыханія. — Ты невиненъ въ смерти отца моего, прервалъ съ горестною улыбкою Клорандъ? Но чѣмъ докажешь ты страшную сію неправду? — Весьма неоспоримую истинною, естли только Клорандъ будетъ терпѣливъ выслушать до окончанія всѣхъ прешедшія и послѣдующія обстоятельство сего злощаснаго произшествія. — Слышишь, Клорандъ, сказалъ Любимиръ; тебя хотятъ удостовѣришь въ томъ, что предрекало мое сердце. Я никакъ не могъ присвоить злодѣянія мужу споль добродѣтельному. Ты не можешь отказать сего своему другу, чшобъ малымъ временемъ пребуемаго терпѣнія не побѣдишь можешь быть безразсуднаго и несправедливаго твоего мщенія. — Ахъ Любимиръ, отвѣщивовалъ Клорандъ! какія увѣренія можешь быть сильнѣе истинны, явившей

шей мнѣ смерть отца моего! . . . Но я повинуюсь волѣ моего друга, кого одно имя обезоруживаетъ мою руку. Ты силенъ изъ меня учинишь преслупника; я есмь уже онымъ, вручая предшашельству швоему за Милорда оружіе моего мщенія. . . . А вы, государь мой, (обращаясь къ Порамиру) имѣете теперь власть располагать моимъ шерцѣніемъ; но не забудьте, что вы должны за то единственно тому, кто въ одинъ часъ двоекратно спасъ жизнь вашу. — Слѣдственно и въ шрепій разѣ, сказалъ Порамиръ обнявъ Любимира; для того ешьялибъ не онъ согласилъ васъ къ шерцѣнію, вы покушались бы еще на жизнь мою. . . . Но не подумай, Маркизъ, что я себя опасуюсь: кто дни провелъ борясь съ нещасціями, можетъ ли шому бышь смерть спрашна? И шакъ не ошъ робости приемаю я удовольшвіе остановишь месь швою, но чшобъ увѣришь себя въ моей невинности, и приобрѣсши любовь шого, кто до-

воля.

вольную причину имѣешь меня не-
навидѣшь. Разогнавъ заблужденіе
случая, я попрошу тебя, чшобъ ты
принесъ дни мои на жершву драгой
миѣ памяти отца швоего; но мо-
жешь быть тогда ты сполькожъ
будешь неумолимъ на мою прозьбу,
сколькo казалъ шеперь прошиву
меня яросши. . . . Однако когда мы
говоримъ о вещахъ, могущихъ имѣть
мѣшканіе, тогда забываемъ подашъ
помощь въ дѣлѣ, нешерпящемъ вре-
мени: другъ швой исходилъ кровью,
исходящее изъ раны его оной мно-
жество можешь быть для него
опасно. Опложимъ все, и доведемъ
его до его дома; я не хочу оставитъ
моего забавишеля, поколь увижу его
въ опасности. — Ахъ государь
мой! вы оказываеше миѣ одолженіе,
которое пріятно принимаешь и отъ
непріятеля, ешъли лежишь оное до
моего друга и моей неосторожности.
. . . Любезный другъ! сей ли знакъ
оказалъ я моей любви къ тебѣ?
Оружіе, долженствующее со всею моею
жизнію

жизнію обращаешься въ швое защищеніе, обогрено швоею кровію. — Но она спасла родителѣя Гремиславина, сказалъ Любимиръ Клоранду. Не опасайся о моихъ ранахъ; обстоятельство шбя извиняешь, и когда случай способствуетъ моимъ желаніямъ, не помышляй о ихъ болѣзни. — Въ продолженіи шяковыхъ рѣчей шли они къ своимъ карешамъ, Клорандъ ведя подъ руку своего друга, а Порамиръ опираясь на поднятую съ земли его шпагу; ибо глубокія лѣша его шребовали сей помощи. Они все шрое пріѣхали въ домъ Любимировъ въ его карешъ, пошому что Клорандову послали напередъ за лѣкаремъ. Сей, перевязывая рану Любимирову, нашелъ оную неопасною, хотя въ лѣвой рукѣ шпага и очемъ глубоко прошла къ локтю.

Когда оспались они одни, Порамиръ, обращаясь къ Клоранду, началъ говорить слѣдующее: Теперь время уже удовольствовашь мнѣ вашу недовѣрчивость объявленіемъ на-

настоящаго произшествія кончины
исстиннаго моего друга, а швоего лю-
безнаго редишеля, доказашь мою
невинность, и обратишь ненависть
швою въ сожалѣніе. Но какъ хо-
зяинъ дома сего, имѣющій не малое
соучастіе въ моихъ обстоятель-
ствахъ, можешь шолько неполное
имѣшь понятіе, естли я коснусь
нѣкошорой части моихъ приключеній,
шо позволешь мнѣ, Маркизъ, нѣсколько
ошыгопишь вашу нешерпѣливоснъ пол-
нымъ всей жизни моей описаніемъ.
Клорандъ на шо согласился, и Пора-
миръ началъ.

---

*Попѣсть Порамира, или Ми-
лорда Гарстона.*

Настоящее имя мое показываешь,
что я Агличанинъ; но предки
мои не были соплеменниками сего на-
рода. За нѣсколько времени опецъ
мой, гонимый нещастіями, поселился
на брегахъ Темзы. Форшуна, уснав-
шая

шая его гнать, подала ему случай оказашь услуги Королю покровителю; оный наградилъ его имѣніями, и произвелъ въ достоинство Лорда. Вскорѣ попомъ щастіе дома нашего усугубилось весьма выгоднымъ опца моего бракомъ, который присоединилъ насъ въ свойство ко многимъ знатнымъ фамиліямъ; я былъ второй плодъ сего союза.

Мнѣ исполнилось дваццать лѣтъ, какъ отецъ мой кончиною своею оставилъ наслѣдство большому моему брату; а я по законамъ долженствовалъ довольствоваться одною пенсією. Сіе принудило меня искашь щастія моего собственными моими трудами; но какъ не находилъ я склонности къ торговлѣ, которую шамъ всякаго состоянія люди производяшъ, то расположилъ, отдавъ половинное число годоваго моего дохода въ торговый капиталъ вѣрнаго человека, посвятивъ жизнь мою военной службѣ. Я имѣлъ уже офицерскій чинъ въ Королевской гвардіи,

Часть VIII.   Б   какъ

какъ прибылъ ко Двору одинъ несчастливый владѣтель нѣкошораго небольшого государства въ Нѣмецкой землѣ. Опредѣленъ бывъ въ приставы къ Сегимеру, (имя сего Государя) вскорѣ приобрѣлъ я его ко мнѣ особливую милость, такъ что видя онаго въ безпрестанной задумчивости, нѣкогда осмѣлился ему сказать: Ваше Величество! да опущитесь дерзость послѣднѣйшаго слуги вашего, желающаго проникнуть шаниство скорби, окружающей васъ со дня вашего прибытія. Вѣдаю я, что не рабамъ оставлена смѣлость помышлять о сокровенностяхъ Государей; но добродѣтельные Монархи не презираютъ желаній, исходящихъ отъ сердецъ, горящихъ къ нимъ нелестною преданностію. Говоря такому, не сомнѣваюсь я, что смѣлость сія почтется за то самое соболѣзнованіе, кое лишаетъ меня до болѣе спивоваться безпримѣрными ко мнѣ Вашего Величества милостями.

Сегим-

Сегимеръ не оторчился шѣмъ, но испусти тяжкій вздохъ, опившись валь: Пріятно видѣшь сіе соболѣзнованіе ошъ челоуѣка, ничемъ миѣ не обязаннаго; самое шо увѣряешъ меня, любезный Гаршонъ, о швомъ чистосердечіи. Приемающіе ошъ судебъ жребій цѣлыхъ народовъ шѣмъ шолько несчастливы, что не имѣють у себя шаковыхъ вѣрныхъ друзей, кои смѣли бы говоришь имъ все шо, что видяшь и чувствуюшь: они облегчили бы имъ шягость обременяющей ихъ должности, они исправляли бы ихъ пороки. Не скрою я ошъ себя причину шоски моей; но должно прежде дашь тебѣ поняшіе о соспоянніи Государей. Тѣ, кои, единымъ властолюбіемъ побуждаемы, ищущъ скишра, вѣ казнь людей возводяшся къ вышнему доспоинству. Будучи самолюбивы, не пекушся они кромѣ о своеугожденіи; слѣдшвенно должностъ сія, удручающая добродѣтельнаго; служишь имъ шолько къ забавѣ;

роскоши и покою. Но кто, влекомъ любовію къ опечеству и къ щастію своихъ собратій, вступаетъ на престолъ, тотъ опречается оцъ самаго себя. Онъ долженъ всѣ желанія свои порабощить благополучію своихъ подданныхъ, и не чувствовашъ того, что можешъ чувствовашъ чело-вѣкъ. Народъ ввѣряетъ ему волю свою, какъ самодражайшій изъ всѣхъ залоговъ, съ такимъ договоромъ, чтобъ онъ былъ ихъ отецъ. Они хошашъ и онъ долженъ, чтобъ только одинъ онъ мудростію и заботами снискивалъ благополучіе несмѣтному числу людей, а не того, чтобъ всѣ они бѣдностію своею, рабствомъ и подлымъ ласкашествомъ служили надмѣнію и вѣгъ одного шокмо чело-вѣка. Не для него самаго Богъ дѣлаетъ его Царемъ, но чтобъ былъ онъ чело-вѣкомъ цѣлаго общества. И такъ видишь ты, Гаршонъ, завидна ли на участъ, коя однако великое имѣетъ приращеніе въ душахъ смертныхъ. Я

вы-

выбранъ на престолъ желаніями моихъ соопчичей; они принудили меня взять надъ ними владычештво. Я повиновался имъ, и не жилъ какъ для ихъ щасія. Ошвергалъ все, что лежало до меня, и сіе - то самое причинило величайшее мое нещасіе.

Во время войны у Римлянъ съ Пароянами, женился я на дочери Пароянскаго Полководца Мурена, именемъ Азблстѣ; ибо я, какъ союзникъ Римлянъ, посредствомъ сего брака привелъ къ окончанію раззорительную войну сію. Дарованія Азблсты доспашочны были учинише щасіе дней моихъ; почему и жилъ я въ совершенномъ покоѣ, управляя моимъ государствомъ. Но какъ нѣшѣ въ свѣшѣ ничего непостояннѣ форшуны, то скучила она взираше на меня равнодушнымъ окомъ. Одинъ сосѣдственнѣ владѣшель, кошорѣй прежде еще посредствомъ союза кошѣлъ ушвердише силу своего дома, предложилъ мнѣ дочь свою въ супруги; но бракъ мой съ Азблстою уничто-

жилъ его намѣренія. Неполадствожѣ
 моеѣ жены возбудило вновь его же-
 ланія. Тайные происки его сдѣлали
 лесными сіи предложенія во ушахъ
 моихъ подданныхъ. Почему и при-
 нужденъ былъ я слышать опягопи-
 шельную прозбу, что благоденствіе
 наслѣдственныхъ державъ состоитъ
 въ томъ только, еспли корень цар-
 ствующаго рода имѣетъ довольную
 надежду во многомъ попомствѣ;
 что неполадство Азбласпы грозитъ
 паденіемъ ихъ опечества, и что
 могу я еще возстановитъ родъ мой,
 разведшись съ неплодною Азбласпою,
 и вступя въ новый бракъ. Полагая
 все щастіе мое въ споль любви до-
 стойной супругѣ, принялъ я очень
 худо намѣреніе моихъ подданныхъ,
 и чтобъ вовсе уничтожишь ихъ
 предложеніе, сказалъ имъ: Государи
 хошя должны отъ подданныхъ сво-
 ихъ принимашь совѣшы, когда имъ
 и на комъ женишься, чтобъ опече-
 ство не перешло въ чужія руки, и
 не возгнѣдился бы въ немъ подо-
 зри

зришельные старинные непріятели ; но что лежишь до совершившихся уже браковъ , по они не должны держашь ихъ опорочивашь. Впрочемъ , сколько силъ моихъ было, спарался я ропотъ сей скрывать отъ дражайшей моей Азбласты ; однако ишь ни одной полъ малой скважины , сквозь кою бы пронырство не могло поспигнуть тайнѣйшія дѣла Государей. Можешъ бышь сожалѣніе ишкихъ наперстницъ открыло женѣ моей сіе печальное извѣстіе , чшобы она разумомъ своимъ отвращила сію опасность , прежде нежели зло утвердитъ свой корень. Какъ Азбласта удосшовѣрилась въ семъ произшествіи , а я изъ сожалѣнія весьма скрывалъ отъ ней оное , по тайная скорбь ея обратилась въ чувствительное подозрѣніе , что я дѣйствительно ищу сего новаго союза , и за шѣмъ отъ ней утаеваю , чшобъ отккрышь ей шогда , какъ дѣло будетъ сдѣлано , и ничемъ попрепятствовашь ему будетъ уже не можно.

Б 4

Нѣ

Не знаю я, чрезмѣрная ли любовь ея ко мнѣ, чтобъ и крайнѣйшею скорбью души своей сдѣлать мнѣ угожденіе, или жестокая дочь любви ревнивость принудила ее взять рѣдко слыханное предпріятіе. Когда я для защищенія границъ отъ чаемаго впаденія непріятелей оплучился изъ моей столицы, а Азбласса подумала, что подъ симъ видомъ расположенъ новый мой бракъ, то одѣвшись въ муское платье и взявъ съ собою двухъ вѣрныхъ ей Парояскихъ женщинъ, тайно изъ владѣнія моего удалилась. Престарѣлый отецъ мой, узнавъ про несчастное сіе приключеніе, щепотно старался пресѣчь опчаянное сіе ея намѣреніе, всѣ погони остались безъ успѣха, для того, что побѣгъ ея подъ видомъ болѣзни скрытъ былъ до трехъ дней. Я, возвращаясь съ побѣдою, вмѣсто торжества нашелъ въ кабинетѣ моемъ слѣдующее ужасное письмо:

„ Любез-

„ Любезный супругъ !

„ Почитающіе смерть за величайшее дѣйствіе любви либо не испытали благородныя ея силы, или прилагаютъ ей большее несовершенство. Пролитъ для любезнаго всю кровь, спойтъ малой болѣзни, и единого лишь ошважнаго удара ; но пренебреженіе несчислимыхъ душевныхъ, спраданій естъ нѣчто выше человѣчества ; сіе, думаю, я исполнила, оставляя щасливой новоизбранной вами супругъ полное владѣніе дражайшимъ моимъ Сегимеромъ, чшобъ присутствіемъ моимъ не навести ему принужденія дѣлать, или невозможнаго надлежащую мнѣ любовь. Огнемъ шушишь и водою зажигаешь не возможно напуръ, но не любви : сія самая пожираетъ во мнѣ пылающее пламя, а холодный поступокъ мой возжегъ сердце неоцѣннаго моего супруга къ новому браку. И такъ будь щасливъ Сегимеръ ! надѣлай избранную тобою всею твоею спра-

Б 5

„ стію ,

„спію , и оставь единое напоминове-
„ ніе нащаспливой Азбласпѣ. „

Естьли первое извѣстіе о побѣгѣ любезной жены моей привело меня въ опчаяніе , то письмо сіе въ совершенное бѣшенство. Но какъ не было никакихъ средствъ успокоить спраданіе души моей , то положилъ я искашь добродѣтельную Азбласпу , хотя бы было то на концѣ вселенныя. На сей конецъ вручилъ я правленіе пресшарѣлому родителю моему , который , не видя никакого средства удержать меня , принялъ сіе иго , кое заблаговременно возложилъ было на плеча мои. Я проѣхалъ уже множесво земель , провѣдывая о моей супругѣ , и какъ не думалъ гдѣ либо найши ее , кромѣ у ея родителея , то отсюда въ скоромъ времени отправаюсь моремъ чрезъ Архипелагъ , а потомъ сухимъ пушемъ чрезъ Ерцерумъ до Гекапомпила , столичнаго Парейнскаго города.

Вотъ ,

Вотъ, дорогой мой Гарспонъ, причина печали моей. Лишишься споль великодушной супруги, коя мнимоу моему покою положила шаковую безпримѣрную жершву, оправдываетъ проливаемые мною безпрестанно о ней слезы.

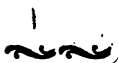
Я не могъ болѣе изъяснить, сколько пронуло меня сіе повѣспованіе, какъ присоединя въздыканіе мое къ спенаніямъ Сегимера. Но чѣмъ болѣе сожалѣнія достоинъ казался мнѣ сей Государь, шѣмъ сильнѣе возрастало мое къ нему прилѣпленіе; почему и просилъ я его неопшупно принять меня въ число его вѣрныхъ подданныхъ, и дозволишь оказашъ усердіе мое въ пуши, шоль трудномъ и сообщенномъ съ премногими опасностями. Сегимеру пріятно было видѣшь чистосердечное желаніе челоука, ему необязаннаго; посему и соизволилъ онъ на мое прошеніе. Я, какъ согражданинъ народа волянаго, получилъ безпрепяшшвенно увольненіе, и опправился въ числѣ
 малой

малой свиты сего Государя. Не буду описывать подробностей пуши нашего, и поставлю конецъ онаго близъ Гекашомпила, чшобъ дашь извѣстіе о Азбласпѣ.

Государыня сія оставила владѣніе свое не по иному приспращію, какъ по безмѣрной любви къ своему мужу; она не хотѣла привлечь на него негодованіе народа чрезъ сопротивленіе онаго желанію. Въ опечесивѣ своемъ чаяла она сыскашь по спокойствію, коего лишилась; но какъ печеніе жизни человѣческой имѣетъ одинакій кругъ, и когда оный превратится вверхъ дномъ, що никакія старанія поправиль его не могутъ. Такъ Азбласпа перемѣнила только климатъ, а не состояніе свое; ибо въ Пареахъ впала она въ новую бездну чувствительнѣйшихъ горестей. Опца своего Сурену хопя нашла она при Дворѣ Пареянскаго Царя Орода, но ни въ шой степени достоинства, ни знашности, какovýchъ требоваѣи заслуги его въ войнѣ

нѣ прошиву Римлянѣ. Безмѣрныя
 одолженія Суренины сдѣлали Орода
 шаковымѣ ему должникомѣ, что
 онѣ, не могли воздашь имѣ, прину-
 жденѣ былѣ изѣ зависти его нена-
 видѣшь. Сполькожѣ не могѣ онѣ
 и опѣ Двора оплучишья; ибо со-
 мнишельный Ородѣ не воображалѣ,
 чтобѣ Сурена не упошребилѣ средства
 наградишь самѣ себя, имѣя все во
 власпи вредишь ему. И такѣ сей
 полководецѣ жилѣ при Дворѣ не ина-
 ко, какѣ вѣ темницѣ; для того что
 изключенѣ былѣ изѣ шайнаго совѣ-
 ша, и отрабленѣ надлежащаго ему
 достоинства, кое опдано было осо-
 бамѣ, ни мало его неспоющимѣ. Одна-
 ко великія души всякое униженіе,
 не по дѣламѣ ихѣ присвоаемсе, прене-
 брегающѣ, такѣ и Сурена прези-
 ралѣ сію несправедливостѣ; поелику
 легче онѣ могѣ обойшишь безѣ
 Двора, нежели Дворѣ Парейнской
 безѣ него. Но со всѣмѣ тѣмѣ на-
 ходился онѣ вѣ крайности, для того
 что свирѣпство Ородово и клевету-
 щіе

щіе придворные, кои ко всѣмъ имѣюшѣ обоюдный языкъ, а рѣдко усердіе, грозили каждому его шагу конечнымъ паденіемъ. Азбласпа прибыла въ Гекашомпилъ въ самое то время, когда Ородъ сына своего Пакора объявилъ наследникомъ государства. И хотя родъ Суреновъ издревле имѣлъ право возлагать корону Пароянскимъ Государямъ, но Максартъ, убійца Крассовъ, (*) былъ ему въ помѣ предпочтенъ. Таковаго-то свойства бываюшѣ иѣкіе Монархи, что они прежде награждаюшѣ пороки, или прощаюшѣ истинныя оскорбленія, нежели забываютъ о помѣ, что искусный ихъ подданный учинитъ въ соспоаніи, хотя бы оный о помѣ и не помышлялъ. Сурена долженствовало снести такую несправедливость, но еще и благодаритъ Орода,

ищу-

(*) Крассъ, полководецъ Римскій, былъ отъ Максарта увитъ обманомъ въ то время. когда они сошлись для доготородъ о мирѣ.

ищуаго истрѣбитъ его, за избавленіе отъ таковоаго труда; однако впрочемъ и въ самомъ своемъ гоненіи во всѣхъ дѣлахъ своихъ и рѣчахъ сохранилъ достоинство своего происхожденія, такъ какъ никто презиралъ его не осмѣливался. Трудно добродѣтели учреждать ходъ на полъ скользкомъ пуши; но Сурена умѣлъ доказать, что не честолюбіе имъ владѣешь, но онъ умѣешь владѣшь всемъ равно, какъ и надъ самимъ собою; поношеніе свое принималъ онъ съ радостнымъ видомъ и спокойною мыслию. Но какъ несправедливостъ больше прогаешъ души нѣжныя, то и Азблста, научась въ Европѣ, что поношеніе шолько одною кровію заглаждается, почла невозможностию оставишь безъ мести обиду своего родишеля. Почему въ слѣдующій день, когда Пакоръ успановилъ разные рыцарскіе подвиги, явилась на мѣсто позорища въ закрышомъ Европейскомъ уборѣ. Получа проворствомъ и искусствомъ своимъ

своимъ приговоръ къ награжденію, не хотѣла онаго принять изъ рукъ Максаршовыхъ, какъ оскверненныхъ измѣническимъ убійствомъ, и сказала ему въ глаза, что до тѣхъ поръ шанель считашъ его за нечестнаго, пока покажешъ ей, что имѣешъ сердце явно обороняшся прошиву обиженныхъ, какъ умѣешъ нападать съ стороны предательства. Мало склонное къ спорамъ Максарша дворянство при семъ случаѣ показало такой видъ, что Максаршъ не могъ обойтися безъ поединка съ Азбласкою. Но въ первомъ нападеніи получилъ шаковый ударъ, что голова его на малой кожицѣ оспалась у шѣла, кошорую Азбласа, совсѣмъ ошдѣля, съ оказаніемъ глубочайшаго почитанія положила предъ ноги Царя, присутствовавшего при семъ позорищѣ.

Мало было зришелей, кои умершему Максарту не желали случившагося съ нимъ нещастія, и не хвалили храбрость сего незнакомаго

РМ

рыцаря; одного только Орода произшествіе сіе пронуло чрезмѣрно, шакъ что копя онъ мѣсто и обрядъ позорища сохранилъ терпѣніемъ, но какъ скоро игры кончились и Азбласса хотѣла удалиться, приказалъ ее караулу своему схватить, и какъ злодѣя опдасть подъ спрожайшій уоловный судъ. Уединенный Сурена, не бывшій на позорищѣ, совсѣмъ не зналъ о предпріятіи мщеніи своею дочерью, какъ Царь назначилъ его главнымъ къ тому судію; ибо онъ не употреблялъ его, кромѣ ненавистныхъ исправленій. Сурена, подобно какъ бы за волосы приращенный для суда, въ коемъ долженствовало оскорбить или Царя, или свою совѣсть, пошерялъ языкъ и всѣ чувства, когда узрѣлъ дочь свою въ оковахъ, введенную для осужденія. Пришедъ въ себя, сказалъ онъ вздохнувъ: Жестокій Ородъ! не преминулъ ты меня принудить быть палачемъ надъ моею кровію. Всѣ присутствующіе обрали изумлен-

Часть VIII.

В

ные

ные глаза свои на Азбласпу; но прежде нежели они на что нибудь рѣшились, начала она сама: Не сомнѣвайшесь вы, суди, что наказавшая пороки Максарша и отмстившая оскорбленіе Сурены есть въ самомъ дѣлѣ дочь его Азбласпа. Произшествіе сіе хотя донесено было Царю, но возжгло его еще болѣе мщеніемъ, вмѣсто того, чшобъ должно было его смягчить, и сложить съ Сурены неприличную должностъ суди. Онъ велѣлъ Суренѣ объявить: Правосудіе глазъ не имѣетъ, слѣдственно не можетъ узнавать дѣшей своихъ: въ дѣлахъ государственныхъ виды природнаго права должны быть безгласны; почему слѣдуетъ ему или судъ произвестъ, или какъ непокоривому подданному самому предъ оный предстать. Сурена, хотѣвшій лучше потерять жизнь свою, нежели родительское сердце, избралъ безъ основки послѣднее; и такъ дрожащіе отъ страха суди въ утѣдоснѣ шираяна, чшобъ спасти самихъ

самихъ себя , приговорили ихъ обоихъ къ смерти.

Въ день, назначенный къ произведенію сего приговора , прибыли мы съ Сегимеромъ въ Гекашомпилъ. Отвсюду сбѣгающійся народъ привелъ насъ къ печальному позорищу, лишь только храброму Суренъ отсѣкли голову. Ударъ сей едва не разлучилъ самаго Сегимера съ душою, естълибъ усмотреніе своей любезной Азбласпы не произвело въ немъ новыхъ движеній. Оную вели также на казнь; видъ шаковой всякаго лишилъ бы чувствъ, но разумный и опважный Сегимеръ, довольно свѣдущій нравы Пароянъ, собралъ силы помочь несчастливой своей супругѣ. Увидя шутъ присутствующаго Царя Орода, не сомнѣвался, чтобъ не происходило сіе по его повелѣнію, бросился поспѣшь къ близъ стоящему водомешу, зачерпнулъ изъ онаго воды въ шоломъ свой, потомъ схватилъ головню изъ неугасимо горящаго въ Царскомъ дворѣ огня. Съ

сими двумя прѣшивными вещьми пред-
 спалъ онъ предъ Орода, и закри-
 чалъ болѣе угрозишельнымъ, нежели
 просишельнымъ образомъ: должно не-
 винную Азбласпу освободить отъ
 смертной казни, или онъ загаситъ
 священный Парѣянской огонь сею во-
 дою. Округъ стоящіе Парѣяне, кои
 и безъ того по обычаю человѣчества
 склонны были къ сожалѣнію, тогда
 наиболѣе глазами и знаками оправ-
 вдали справедливость его прозвѣ-
 бы. Палачи, опредѣленные къ произведе-
 нію казни, ужаснувшись опустили
 руки, но и самъ люшый Ородъ си-
 лою Парѣянскихъ законоположеній,
 кои воспрещаютъ прѣшиваться прозвѣ-
 бѣ, чрезъ огонь учиненной, прину-
 жденъ былъ освободить Азбласпу,
 но приказалъ сего дерзкаго пред-
 спашеля пошчасъ бросить въ глубо-
 чайшую пещицу, коюорый тогда
 же и былъ нуда ошведенъ, такъ
 что изумленная о своемъ свобожде-
 ніи Азбласпа не могла увидѣть своего
 избавишеля. Однако приложила все-

возможное стараніе его узнать, а наиболѣе, когда свѣдала, что Ородъ повелѣлъ сего оскорбителя священнаго огня въ слѣдующій день принести огню на жершву.

По наступленіи дня Азблста была первая на горѣ, въ пещерѣ которой хранился вѣчный и по мнѣнію Парянъ съ небесъ низпадшій огонь, а на вершинѣ приносилась ему жершва. Въ жарчайшій полдень везенъ былъ увѣчаный розами Сегимеръ въ колесницѣ, влекомой четвернею, какъ сѣгъ, бѣлыхъ коней на назначенную казнь въ провожаніи всего Двора и многихъ тысячъ народа. Служители огня начали пошчасъ очищать корку съ принесенныхъ полень лавроваго и кедроваго дерева, а главный жрецъ съ великою набожностію вошелъ въ пещеру, и зажегъ восковую свѣчу, коею пошомъ запалилъ срубъ для жершвы. Тогда жрецы схватили Сегимера и положили для закланія на жершвенный шолъ, какъ продирающаяся

вѣ одеждѣ проспаго Паряяскаго
 воина Азблста, вѣ назначенномѣ
 на жертву узнала вселюбезнаго сво-
 его супруга, и сѣ первымѣ взгля-
 домѣ вскричала: Не опорочьте себя
 кровію совершеннѣйшаго и доспойнѣй-
 шаго изѣ Государей! Но понеже она
 противорѣчіе сіе содержала за слабое
 средство къ опвращенію жертвы и
 Царской воли, то бросилась она къ
 огню, и какѣ не имѣла ничего, чѣмѣ
 бы совершивъ жертвоприношеніе, и
 остановивъ шѣмѣ смерть Сегимеро-
 ву, (ибо Паряяне огню по одной
 только вѣ день пожирали жертвѣ)
 схватила она ножѣ, и разрѣзавъ
 себѣ руку, пустила на огонь доволь-
 ное число крови; чѣмѣ и совершила
 жрение. Раздраженный шѣмѣ Ородѣ
 воскипѣлъ отѣ гнѣва, и опредѣлилѣ
 обоимѣ имѣ мучительную смерть.
 Но Царица, по униженіи первыхѣ
 стремленій его свирѣпства, упро-
 сила его, чтобѣ онѣ изслѣдовалѣ
 напередѣ причину шаковаго осквер-
 ненія свящынн. Чрезѣ что Сегимѣ
 мерѣ

меръ и Азбласта, кои между тѣмъ съ пролишемъ слезъ другъ друга обнимали, приведены были предъ Царскій шашеръ, гдѣ Азбласта на требованное оправданіе отвѣчала: Я Азбласта, дочь Сурены, а сей Сегимеръ, мой супругъ, оказавшій великія услуги Пароянамъ. Онъ вчерась исхишилъ меня изъ челюстей смерти; заключише пошому, не должна ли я была нынѣ осквернить вашъ священный огонь, чшобъ не пошушишь впрочемъ гораздо святѣйшій пламень любви супружеской? Я согрѣшила, но подумайше, что любовь мѣры не знаетъ, равно какъ нужда закона. — Сегимерова прозьба соспояла въ шомъ шолько, чшобъ надъ нимъ однимъ, какъ надъ странникомъ, произведена была шпрогость правъ, а добродѣшельная Азбласта получила бы свободу. Отъ чего оба сіи супруга произвели между собою споръ; для шого каждый изъ нихъ одинъ за другаго хошѣлъ бышь жертвою примиренія.

В 4

Каждый

Каждый изъ предстоящихъ хвалилъ необычайную ихъ любовь; и хотя никто не осмѣлился за нихъ предстательствовать, но виды всѣхъ, а отъ части и слезы сожалительныхъ, за нихъ вопіяли. Но немилосердый Ородъ не былъ больше тронутъ, какъ повелѣлъ опвесити ихъ въ шемницу; ибо милость не была участвіемъ его природы, или переменна единожды взяшаго имъ намѣренія не могла происходить ни отъ какой истинны.

Напрошивъ меньшаго Царева сына Фрааша красота Азбласты сполько уязвила, что онъ, по отбытіи Пакора на войну противу Римлянъ, также и самаго Орода, который, чшобъ бытъ ближе отъ шемнапра военнаго, отбылъ въ Едесъ въ Месопотамію, вознамѣрился ихъ тайно перевести изъ шемницы въ одинъ изъ своихъ увеселительныхъ домовъ.

Между тѣмъ я, не имѣя возможности подать помощь несчастливому Сегимеру, не звалъ что дѣлать.

Все

Все сіе произошло съ таковою нечаянношю , и такъ скоропоспшижно , что я отъ изумленія и жалости не прежде опомнился , какъ уже Сегимеръ заключенъ былъ въ шемницу. Тщешно старался я подкупить сразу , чшобъ освободить моего Государя ; но не шокмо чшобъ имѣшь въ ономъ успѣхъ , но и самъ едва избѣгъ опасности. По нѣсколькихъ разсужденіяхъ опредѣлилъ я съ однимъ дворяниномъ свиты нашей Ѣхашъ къ Римлянамъ , и просить ихъ о помощи къ избавленію союзника ихъ , несчастливаго Сегимера , или ешъли шогда не можешъ освободить его , то заплашишь бы огнемъ и мечемъ внутри Паревъ ожидающую смерть его. Въ шаквомъ расположеніи отправились мы , и скакали денно и ночью къ границамъ Паревнскаго царства въ ту сторону , гдѣ чаяли бышь Римлянамъ. По шчасшю встрѣтились мы съ Кавалеромъ Флавіемъ , подданнымъ Сегимеровымъ , ведущимъ шысячу всадниковъ

никовъ на помощь Римлянамъ. Товарищъ мой узналъ Флавія, и разсказалъ ему несчастіе, случившееся съ ихъ Государемъ. Почему онъ остановилъ путь свой, и по совѣпу съ нами обратился оный къ Гекашомпиу. А чшобы свободнѣе пройши и скрыть намѣреніе наше, положили мы переодѣшья въ Парейнское плашье, въ чемъ и не имѣли затрудненія; ибо предъ самымъ шѣмъ временемъ Флавій побилъ на голову не малую шолпу Парейнъ, идущую къ своему войску. И шакъ продолжали мы хопя съ великою осторожношцію, но весьма поспѣшно путь нашъ.

Фраатъ въ сіе время, чшобъ удобнѣе достигнуть своего желанія, заключилъ предувѣдомишь Азбласпу о своей къ ней склонности; онъ не могъ вообразить, чшобъ она не согласилась промѣнать тяжкія оковы на обѣщанія великаго Принца. Написавъ письмо въ шаковомъ содержаніи, принудилъ онъ начальника шемничкой

вой спражи отчасти деньгами , а наиболее угрозами, вручили оное Азбласпѣ. Она прочла съ крайнимъ ужасомъ сіи неожиданныя спроки ; но пришедъ въ себя сказала подапелю , что она охотно послѣдуетъ туда , куда велипѣ ей его Государь. Обрадованный шаковымъ извѣстіемъ Фраатъ назначилъ чрезъ погожъ начальника спражи, чтобъ въ слѣдующую ночь перемѣнилъ онъ караулъ надежными людьми , и провелъ ее къ нему во Дворецъ , о чемъ и дано погдажъ знать Азбласпѣ ; но она подъ видомъ нѣкошорой немощи испросила на по придневную опсрочку. И между шѣмъ подарками и слезами склонила шюремщика , чтобъ онъ перевелъ ее на верхъ , гдѣ содержался Сегимеръ , а его посадилъ бы въ шощъ покой , гдѣ находишься она , предлагая , что онъ влажности въ нижней пемницѣ она можешъ лишиться жизни въ разсужденіи слабаго ея сложенія ; что и было исполнено. Въ назначенную ночь пришелъ онъ Фраатъ

Фраата подкупленный спражен-
начальникъ, сложилъ весьма бережно
сѣ Сегимера оковы, почтя онаго за
Азбласпу, и запрешя ему говоришь,
вывелъ его очень тайно изъ темни-
цы, и вручилъ другимъ пригошов-
леннымъ людямъ, кои посадя его
на лошадь, скакали сѣ нимъ во всю
конскую прышь до самаго свѣша.
День препроводили они въ нѣкошо-
ромъ пустомъ домѣ, попомъ опять
ѣхали во всю ночь, и предъ свѣтомъ
прибыли къ саду преогромнаго Двор-
ца, гдѣ имъ со всякою пишиною от-
ворили дверь, и впусшя одного Сегиме-
ра, оныя заперли. Сегимеръ, коему
все сіе не инако, какъ сномъ казалось,
введенъ былъ въ комнапу, коея
верхъ блисталъ отъ золота, стѣ-
ны бѣлѣлись отъ слоновой кости,
полъ успанъ драгоцѣнными Персид-
скими коврами, и всю надушенную
благовоніями, гдѣ пребогато одѣшяя
особа бросилась ему на шею, и уду-
шала его поцѣлуями. Сегимеръ ни-
какъ не могъ постигнушь сію загад-
ку,

ку, пока Фраашъ произнесъ имя Азблaсты, и открылъ тѣмъ какъ себя, такъ и свое намѣреніе. Чрезъ что Сегимеръ пошчасъ вырвался изъ его объятій, и ко освобожденію отъ его ошибки сказалъ ему: Я Сегимеръ, а не Азблaста. — Легко поняшь, въ какую пришелъ Фраашъ перемѣну отъ сей ошибки. Однако опамятовавшись спросилъ Сегимера: какимъ образомъ зашелъ онъ въ сіе мѣсто? Фраашъ лучше по знаешъ, ошвѣчалъ ему Сегимеръ, нежели я, коего въ полночь изъ темницы взявъ привезли сюда. Фраашъ понялъ объ ошибкѣ спраженачальника, и сказалъ: однако я изъ любви къ Азблaстѣ даю тебѣ свободу. Съ чемъ и учредилъ, чтобъ Сегимера проводили дваццать Пароянъ чрезъ Мидію до Арменскихъ границъ.

Сегимеръ, коего сердце пребывало еще въ неволѣ съ его зашоченною въ Гекашомпилѣ супругою, считалъ свободу сію горчайшею рабства. Почему и не возможно для него
было

было оставишь въ покоѣ жестокую Парюю. И такъ помышляя онъ приспашъ къ Римлянамъ, и заплашишь помощію ихъ обиды свои Парянамъ.

Въ то время оставшіе изъ нашей свиты, провѣдавъ, что Сегимеръ тайно увезенъ изъ своей шемницы, не думали инаго, какъ потребовалъ его Ородъ для казни въ городъ Едесъ; почему и положили, захватя дорогу отъ Едеса, напасть на ведущихъ Сегимера, и освободишь его, или положишь жизнь за своего Государя. Какъ они скакали съ великою поспѣшностію, то не болѣе въ трехъ стахъ верстахъ отъ Гекашомпила повстрѣчались съ Флавіемъ, съ коимъ я и опецъ твой Маркизъ Клорандъ (ибо онъ былъ пошъ, который вмѣстѣ со мною отправился къ Римлянамъ просить о помощи) съ тысячею всадниками пробирались тайно къ Гекашомпилу. Паряанское наше одѣяніе привело было ихъ въ робость; но какъ встрѣча

ча сія воспла́довала въ шаковомъ мѣстѣ, откуда имъ за пѣснымъ ущеліемъ горъ уйши было не возможно, но принуждены они были останавишься и къ взаимной радости другъ друга узнали. Но удовольствіе сіе смѣшалось съ превеликою печалію, когда узнали мы отъ нашихъ о увезеніи Сегимера на мнимую казнь въ Едесъ. Во время, когда мы, побуждаемые ненавистію и мщеніемъ, соглашались на испребленіе всѣхъ могущихъ намъ попасься Паряянь, судьба, покровительствующая добродѣтельныхъ Государей, вела къ намъ на встрѣчу Сегимера съ его проводниками. Увидя чело́вѣка въ одеждѣ Европейской, окруженнаго Паряянами, безъ размышленія бросились мы всѣ онаго освободить. Нещастные Паряяне прежде нежели могли опоминишься, всѣ были порублены, и удивленный Сегимеръ, узнавши насъ, не поспѣвъ избавишь оныхъ отъ смерти. Радость наша была неописанна, которую

шерую изъявляли мы, бросясь къ колѣнамъ нашего Государя, въ слезахъ и восклицаніяхъ. Потомъ увѣдомили его, кшо были соспавляющіе наше поварищесшво, какимъ случаемъ мы съ ними соединились, и съ какимъ намѣреніемъ шеспивовали къ Гекашомпилу. Онъ благодарилъ всѣхъ, а особливо меня и опца твоего за наше къ нему усердіе. Но какъ почиталъ предпріятіе наше дерзкимъ и невозможнымъ, чшобъ освободить въ ядрахъ Гекашомпила его супругу, шѣ заключилъ избавить ее не шоль опважнымъ образомъ, и щадя своихъ подданныхъ отъ опчаянныхъ покушеній, повелъ насъ къ Едесу. Мы проходили въ возможной шихоспи до самаго онаго города, не дѣлая никому озлобленія, и какъ многіе изъ насъ совершенно разумѣли языкъ Парейскій, а къ шомужъ провѣдали, чшѣ предъ самымъ шѣмъ временемъ Римляне разбили Парейскія войски, при чемъ и самъ Пакоръ, сынъ

сыиъ и наслѣдникъ Царевъ, убитъ, что сказывались мы, что соснаваемъ часть разбитыхъ Пароянскихъ войскъ, и идемъ въ Едесъ. По приближеніи къ оному провѣдали мы, что въ слѣдующій день Царь Ородъ выступитъ къ городу Карра, и что уже Дворъ его за два дни шуда ошправился. Не было лучшаго случая къ намѣренію Сегимерову, который давно уже расположилъ захватить самаго Орода, или изъ дѣшей его, на обмѣнъ своей супруги; въ каковыхъ мысляхъ и пробирался къ Едесу. И такъ занялъ онъ съ своимъ войскомъ лѣсъ, находящійся на той дорогѣ, гдѣ долженшвавалъ ѣхать Ородъ, и напалъ нечаянно на Пароянъ, ожидавшихъ прежде нападенія неба, нежели въ томъ мѣстѣ непріятелей, съ таковою жестокостию, что Ородъ съ превеликою нуждою ушелъ назадъ въ Едесъ, оставя въ плѣнъ двоихъ своихъ любимыхъ сыновъ, Фарнабаза и Орозмана, рожденныхъ отъ дочери Ко-

Часть VIII.

Г

маген-

Магенскаго Царя Антиоха , коиъ Сегимеръ съ поспѣшностію увезъ въ Цеигму, (*) гдѣ переправясь по мосту чрезъ Евфратъ , укрѣпилъ оный довольнымъ карауломъ. Отъ сего урона Ородъ пришелъ въ опчаяніе , а особливо что по смерти Накора назначилъ онъ Фарнабаза наслѣдникомъ престола. Какъ между шѣмъ заключенъ былъ у него съ Римлянами миръ , то узнавъ , куда уведены его дѣти , прислалъ онъ въ Цеигму съ жалобою за сіе похищеніе и нарушеніе мира ; но Сегимеръ далъ ему знашь , что онъ имѣлъ дѣло не съ Римлянами , а съ Сегимеромъ , мстящимъ ему за обиду , претерпѣнную онъ него въ Гекашомпилѣ , и что онъ сыновъ его не иначе отдастъ , какъ на обмѣнъ супруги своей Азбласпы. Чрезъ сіе

Царь

(*) Цеигма городъ въ Сиріи , въ Магенской части , вышій тогда по пласъни Римлянъ.

Царь Ородъ послалъ на почтѣ повелѣніе, чѣобъ Азбласпу отвезли на обмѣнъ немедленно въ Цейгму.

Между тѣмъ Фраашъ въ Гекашомпилѣ темницу разломалъ силою, прошивицатогося ему градоначальника Монеца выгналъ вонъ изъ города, и Азбласпу увезъ въ Родисъ, гдѣ обыкновенно весеннее время препровождаетъ Царскій Дворъ. Все сіе произвелъ онъ тѣмъ удачею, что Ородъ старостию и печалію по убишомъ сынъ своемъ Пакеръ сталъ изнеможенъ, а въ Фраашѣ каждый чаялъ зрѣть восходящее новое солнце. Хотя Азбласпа желанія ея разными разумными и отважными отвращала всегда средствами, и онъ по всѣмъ, частію самимъ собою, частіюжъ чрезъ тѣхъ женщинъ, коихъ пристра по Царскому тамошнему обычаю ночью караулъ содержалъ, произведеннымъ щещно покушеніямъ, въ сопротивствованіи любви ея сомнѣваться началъ; но не могъ себя превозмочь пущишь изъ рукъ

сіе сокровище сердца своего, хотя
 Ородъ и обнадживалъ усупишь ему
 Царскую власъ за шо; но недовѣр-
 чивый Фраашъ хотѣлъ дойти
 оныя вѣриѣ, когда возлюбленныя
 его дѣти, Фарнабазъ и Орозманъ,
 остануся въ неволѣ Сегимеровой,
 или испребятся его мщеніемъ; по-
 чему честолюбіе превозмогло въ немъ
 любовь, и заключилъ онъ Азбласпу
 уморитъ ядомъ. Произвестъ сіе воз-
 ложилъ онъ на Тернамену, сестру
 свою и сообщницу въ его тайнахъ,
 коя по своей люпости не размыслила
 бы совершитъ оное, естлибъ
 спроситъ ея къ взятому въ плѣнъ
 Фарнабазу не припомянала ей, что
 онымъ вознесетъ она мечъ на главу
 его. Но чтобъ въ семъ случаѣ и съ
 Фраашомъ не нарушитъ дружбы, ве-
 лѣла она пригласитъ Азбласпу къ
 ешолу своему, и вмѣсто яду напо-
 ла ее сокомъ нѣкоторыхъ правъ,
 кошорый въ одно мгновение ока ли-
 шилъ ее всѣхъ чувствъ, такъ что
 замертво упала она на полъ. Тер-
 наменѣ

мамена призвала шопчасъ Фрааша, и показала ему дѣйствіе его приказанія; свирѣпство его обратилось тогда въ горчайшія слезы; ибо никакъ не примѣшилъ онъ, что то былъ обманъ. Тернамена, для лучшаго увѣренія въ Азбласшиной смерти, приказала ее, положи въ кипарисный гробъ, отнесъ въ Царскую надгробную палату, въ намѣреніи, чшобъ ночью опнесъ ее опшуда куда нибудь далѣе. Надъ вечеръ она, чая, что сокъ потерялъ уже свое дѣйствіе, пошла она въ надгробную палату подъ видомъ благоговенія, чшобъ обмазать свѣжимъ балзамомъ шѣло дѣда своего, и приведши спиртами Азбласу въ память, открыла ей всю шайну предпріяшаго ея избавленія. Азбласта не могла ей довольно изъяснить свою благодарность, какъ съ пролишіемъ слезъ, и обѣщала ей пѣннаго мужемъ ея Фарнабаза доставить шуда, куда она ей прикажетъ. Тернамена, прощаясь съ нею, сказала, что

все учредитъ къ ея отъѣзду, и дала ей нѣкошорую шамъ распу-щую праву, коя опъ масла заго-рается, чшобъ тѣмъ пришедшимъ за нею сдѣлать знакъ, гдѣ ее въ темноцѣ пресстранныхъ и разныхъ сводовъ сыскашь было можно.

На послушайте, какъ было слу-чай все сіе благоразумное учрежде-ніе едва не испровергъ. Фраапъ, чрезъ умерщвленіе Азбласпы и возмущеніе свое противъ Царя, не ожидающій кромѣ его величайшаго гнѣва, положилъ совсѣмъ покинуть престолъ у своего опца. Почему завладѣлъ онъ Царскими палатами, гдѣ хранились два великія Царскія сокровища; также занялъ ту Цар-скую постелю, коея занавѣсъ со-ставляла золотая виноградная вѣтвь съ кистями изъ дорогихъ камней, и присвоилъ себѣ шриста дѣвицъ, на-значенныхъ для Орода, равно какъ бы господствованіе безъ роскоши было не зрѣлый токмо плодъ. Чшобъ совершишь съ успѣхомъ сіе намѣре-
ніе,

нѣ , уговорилъ его нѣкоторый волшебникъ ипши въ полночь въ надгробную палату и принесъ жертву погребенному тамъ Царю Арсацесу , а пошомъ снявъ съ руки его перстень съ печашью , на коемъ въ большемъ яконѣ вырѣзанъ былъ конь , носилъ оный . И такъ Фраатъ съ шѣмъ волшебникомъ пришли ночью въ подземные сіи своды . Хоша у каждаго изъ нихъ было въ рукахъ по факелу , и они , исполняя свои суевѣрные обряды , въ разныя бѣгали стороны ; но Азбласса , не узнавъ Фраата , хотѣла зажечь и свой огонь , думая , что шо люди , пришедшіе за нею . И такъ приложила она шраву къ маслу стоящей тамъ чаши у гроба Фарнацесова , ошъ чего оная потчасъ вспыхнула ; и съ симъ огнемъ пошла она прямо на свѣтъ факеловъ . Фраатъ и волшебникъ , усмотря неожиданнаго пламя , ошоропѣли , а особливо когда Фраатъ разсмотрѣлъ приближающуюся къ нему Азблассу ; онъ счелъ

ее за духъ ея, идуцій опмстивъ на
 немъ свое убійство ; ибо злая совѣсть
 содрогается и отъ шѣни , думая без-
 пресшанно, что наказующая Божія ру-
 ка всегда на нее вознесена ; почему
 бросилъ онъ факелъ , и въ ужасномъ
 трепетѣ побѣжалъ вонъ съ послѣ-
 дующимъ за нимъ по пятамъ во-
 лшебникомъ. Азбласпа узнала при-
 шомъ Фраапа , и какъ размышляла
 о предстоящей для ней опасности ,
 увидѣла вдали приближающійся
 къ ней другой свѣтъ , который на-
 конецъ помогъ ей познать Терна-
 мену. Сія проводила ее до садовыхъ
 воротъ , гдѣ переодѣвъ въ муское
 плашье , поручила Параянскому
 дворянину Мупридашу. Оный въ
 препровожденіи нѣсколькихъ воиновъ
 благополучно довезъ ее къ полумерт-
 вому отъ печали Сегимеру. Радость
 обоихъ супруговъ лишила на нѣ-
 сколько времени словъ , пока преж-
 нія печальныя облаки обратились
 въ слезный дождь ; и тогда уже
 сіяніе удовольствія освѣщило ихъ мы-
 сли

сли иѣжнѣйшими чувствованіями, и они больше въ пріятныхъ объясіяхъ, нежели въ смѣшанныхъ рѣчахъ изобразили довольство душъ своихъ.

Сегимеръ не токмо освободилъ въ шужь минушу Фарнабаза и Орозмана, но и одарилъ Мишридаша съ бывшими при немъ щедрою рукою. Послѣ чего отправились мы чрезъ Грецію, и безъ всякихъ прошивныхъ случаевъ прибыли въ спенящее о отсупствіи Государя своего Сегимерово опечесство. Вельможи сѣхались и лобзали колѣна добродѣтельныхъ и милосердыхъ сихъ Монарховъ, а народъ всего столичнаго города наполнилъ пространство площади предъ окнами Дворца своимъ спеченіемъ. Стремленіе его было подобно волненію морскаго пролива, но шумъ голосовъ выражалъ токмо имена своихъ Государей, кои и привлечены были шѣмъ къ окнамъ. Тогда по воздухъ загремѣлъ отъ радостныхъ восклицаній, а особливо когда чрезъ провозглашающаго возвѣщено оному

Г

было

было о беременности доцоль бывшей
 неплодной ихъ Государыни. Сегимеръ
 пролилъ слезы оцъ удовольствія,
 видя усердіе къ себѣ своихъ
 подданныхъ; и можно сказать, что
 сія шо позорищи суть единые золо-
 тые часы въ жизни Монарховъ.
 Восхищенный родитель Сегимеровъ
 возвращеніемъ дѣтей своихъ имѣлъ
 щастіе въ глубочайшей древности
 своей принять на руки свои не токмо
 рожденнаго потомъ Азбласпою пер-
 ваго сына, но и еще лобзалъ двоихъ
 послѣ произшедшихъ оцъ нее При-
 цовъ.

Я почувствовалъ тогда всѣ зна-
 ки милостей Сегимеровыхъ: былъ
 награжденъ чинами и имѣніемъ до
 того, что забылъ мое опечесиво,
 и опредѣлилъ остатки дней моихъ
 препроводить въ покровительствѣ сего
 великодушнаго Государя. Но неща-
 стіе, коего дошелъ я еще не имѣлъ,
 нашло меня ядовищымъ своимъ зѣ-
 вомъ, и обще съ покоемъ лишило
 меня и счастливаго моего пребыванія.

Ро-

Родитель пзой Клорандъ, съ
 коимъ я, раздѣляя всѣ нужды и
 опасности спранствования, ушвер-
 дили шѣсное дружество, составлялъ
 со мною одну душу, такъ что насъ
 поставляли примѣромъ согласія, чего
 рѣдко найти можно посреди дво-
 ихъ, пользующихся особливою довѣ-
 ренностію своего Монарха. Вы по-
 мните, что вѣ по время женился
 онъ на вашей мачихѣ; ибо вамъ
 было тогда осьмнадцать лѣтъ. Сей
 случай произвелъ все мое несчастіе, и
 влилъ ядъ ревнивости вѣ сердце, на-
 полненное дополь однимъ шолько ко-
 мнѣ дружествомъ. Я былъ холостъ,
 а отецъ вашъ гораздо меня поспар-
 рѣе; а сіе - шо и положило причину
 шолковать невинныя мои ласки къ
 женѣ его совсѣмъ вѣ противную сто-
 рону: Со дня на день примѣчалъ я
 раждающуюся вѣ немъ ко мнѣ хо-
 лодность, коей не могъ постигнуть
 причины. Но какъ горестъ моя, ошѣ
 шого произшедшая, принудила меня
 бышь оспорожнымъ и взирашь на все
 съ

сѣ большимъ вниманіемъ, по усмотрѣль при томъ, что и матица ваша противъ прежней своей ко мнѣ опкровенности и пріязни спаралась всегда отъ меня убѣгать. Я не осмѣливался объясниться въ томъ моему другу, и считалъ, что все сіе имѣетъ какуюнибудь причину кромѣ меня, и что наконецъ перемѣняшъ они въ разсужденіи меня свои поспупки. Однако не достало мсего терпѣнія: я сталъ искать времени поговорить о томъ сѣ вашею матицою, въ чемъ мнѣ и удалось; ибо однажды, какъ былъ я въ вашемъ домѣ, родитель вашъ позванъ былъ во Дворецъ. Оставшись наединѣ открылъ я ей причину моего неудовольствія въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ. Ахъ Милордъ! ошвѣстствовала она мнѣ сѣ пролипіемъ слезъ; я несчастлива, мужъ мой ревнивъ до безумія. Чаяла ли я, чтобъ невинныя мои прошиву себя обращенія, въ кдихъ сначала онъ самъ находилъ удовольствіе, наре-

кая

какъ тебя испиннымъ своимъ дру-
 томъ, могли подашь ему подозрѣнїе?
 Гаршонъ! ты зналъ меня до за-
 мужства, ты, который больше всѣхъ
 раздѣляешь наши бесѣды, примѣ-
 шилъ ли когда нибудь, чшобъ я спо-
 собна была заставишь его имѣть
 паковыя поносныя о мнѣ мыслї?
 но все шо случилось: ласки мои къ
 тебѣ показались ему порочными, и
 вошъ каковымъ образомъ нашелъ
 онъ причину опкрышь мнѣ свои уко-
 ренїя: мѣсяца два спустя послѣ
 нашей свадьбы, приласкавшись ко
 мнѣ больше, нежели въ другое время,
 спрашивалъ онъ у меня: не уже ли
 ты никогда къ кому нибудь не чув-
 ствовала склонности? Я опвѣстиво-
 вала ему, что совсѣмъ нѣтъ. Какъ,
 прервалъ онъ слова мои: возможно ли,
 чшобы глаза швои не различали въ
 разныхъ особахъ совершенствъ? на
 примѣрѣ, ешъли случалось бывать у
 васъ нѣсколькимъ людямъ, конечно
 одного лице казалось тебѣ прїятнѣе,
 нежели всѣхъ прочихъ; а сіе-шо и
 есть

есть родъ склонности, для того что въ чемъ глаза находяшъ пріятность, то конечно намъ нравится. — Къ намъ мушкетеръ ѣзжало очень мало, отвѣщивала я, и мнѣ изъ всѣхъ оныхъ, если признашся, нравился больше всѣхъ другъ вашъ Гарспонъ. Мужъ мой при семъ нѣсколько позадумался, но послѣ опять началъ говорить: однако онъ, думаю я, не искалъ въ тебѣ? Нѣтъ, сказала я, кромѣ что нѣкогда нашла я, что онъ на стеклѣ, застывшемъ отъ холода, написалъ слѣдующіе стихи:

Сколь страшенъ ея взоръ!
Онъ грудь мнѣ пробиваетъ;
Предестенъ разговоръ,
И душу восхищаетъ.

Больше сего не могла я примѣнить, чтобъ казалъ онъ какіе знаки своей ко мнѣ склонности, и думаю, что стихи сіи писалъ безъ всякаго намѣренія. Во время сихъ словъ мужъ мой смотрѣлъ на меня такъ пристально, что я, пришедъ отъ

отъ того въ нѣкоторое смященіе, закрасивлась; но онъ поспѣшь вышелъ вонъ, и я не воображала, чтобъ разговоръ сей имѣлъ какое нибудь слѣдствіе; но ревнивый нравъ его извлекъ ядъ изъ того, что любви служило бы пищею. Для того сія зараза когда хощь единожды войдешъ къ кому въ сердце, то труднѣе оную искоренишь, нежели шерніе изъ пучнаго земнаго дна; и когда кажешся искорененною, то она въ то время только припаялась. Онъ въ уединеніи своемъ далъ полную волю мыслямъ утверждать подозрѣніе о моей къ тебѣ склонности. Не довольно ли сего сказано, помышлялъ онъ? Жена моя конечно любишь Гарстона, если призналась, что онъ изъ всѣхъ пріятнѣе казался глазамъ ея. Какая бы причина могла быть впрочемъ помнишь ей съ таковою точностію списки, написанные имъ на стеклѣ? да и краска, на лицѣ ея выступившая при семъ напомнименіи, довольно то подтверждаетъ.

шверждаетъ. Въспъ какъ явспвенно невзначай слова ея измѣнили ея шайнѣ! и кшо знаетъ, чшо она, опасаясь подашь мнѣ причину къ не удовольствію, о многомъ не умолчала ли?.. Но и можно ли, чшобъ жена мужу высказала шайны своей спраши? — День проводилъ онъ со всѣми знаками безпокойства, а ночь всю безъ сна. И какъ не чаялъ онъ, чшобъ лице его не изъявило состоянія души его, которое желалъ опъ меня скрышь, то уѣхалъ онъ на звѣриную ловлю. Однако въ сердцѣ своемъ гонялъ онъ гораздо жесто чайшихъ звѣрей, нежели каковы могутъ быть въ лѣсахъ. По нѣсколькихъ дняхъ пожелалъ онъ меня видѣшь, но не для шого, чшобъ ревность въ немъ угасла, но чшо желалъ больше мнимыхъ шайншвъ опъ меня вывѣдашь. Возвращаясь не могъ скрышь онъ ни безпокойства мыслей, ни холодности своей. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ не говоря ни слова, вздыхалъ, ломалъ

руки,

руки и дѣлалъ шакіе виды, что я немало того ужаснулась. Наконецъ бросился онъ предо мною на колѣни, и просилъ меня со слезами, чшобы я не скрyla опъ него всѣхъ подробностей любви моей съ шобою. Что мнѣ было опвѣчать кромѣ пролишія слезъ? но познавъ ревнивое его сложеніе, подшвердила ему вновь по же, что уже ему объявляла, и упшверждала кляшвами, что болѣе между нами ничего не произошло. Онъ казался бышь нѣсколько шѣмъ успокоенъ; однако продолжилъ немалое время въ ревнивыхъ привязкахъ. Между шѣмъ сердце его было позорищемъ, на коемъ ревнивость всѣ люшосши свои совершала: голова его была лабиринтомъ, изъ коего сражающіяся мысли не могли сыскашь пупи къ разсужденіямъ; сонъ опбѣжалъ опъ глазъ его, и подозрѣніе безпрешанно швердило ему въ уши: Жена швоя шевѣ измѣнила: она любила Гаршпона.

Наконецъ не доспало возможности перпѣть мнѣ его укоризны, и огорченіе принудило меня сказать ему нѣсколько съ ожесточеніемъ: Государь мой! я вижу, что ни невинность моя не можетъ освободить васъ отъ подозрѣнія, ни перпѣніе мое разсыпашъ чудныя ваши воображенія. Муча себя неосновательными моими преступленіями, оскорбляете вы несправедливо невинность мою. До сихъ поръ молчала я для любви моей, но теперь принуждаетъ говорить честь моя. Я знаю мою справедливость, и небо видитъ, что я, кромѣ себя одного, ни тогда, ни нынѣ не любила, но со всѣмъ шѣмъ перзающая меня ваша ревнивость хотя не можетъ погасить вѣчной любви моей къ тебѣ, но принуждаетъ оставить васъ и скрыться въ какое мѣсто, гдѣ бы безопасна я была отъ вашихъ оклеветаній. Вы, надѣюсь, позволите мнѣ на сіе, когда по видимому подозрѣніе ваше любовь ко мнѣ уже испребило; для
того

того что первая искра ревнивости есть послѣдняя въ любви. Не возможно любить то, что числимъ мы порочнымъ. Но сколь ни болѣзненно мнѣ состояніе мое, однако жалости къ мнѣ кажется швое, Клорандъ, когда только помышляю себя столь слабымъ, что ты ревнуешь къ свѣдому истинному другу, и тогда, какъ я вышла за тебя, прежде нежели могла знать, что такое есть любовь.

Мужъ мой опвѣщивовалъ мнѣ: Ахъ любезная супруга! лучшебъ было, если бы не было Милорда, который столько пригожъ и добродѣтеленъ. Признаюсь, что я ревнивъ, но не безъ причины. Для того, возможно ли, чтобъ ты къ совершенствамъ его не имѣла привлеченія? Гарспонъ мой другъ, но дружество столькожъ мало угашаетъ ревность, какъ восковыя свѣчи заслѣпляютъ свѣтъ полнаго мѣсяца. Посему я хотѣла бы, чтобъ Милордъ не былъ мой другъ; ибо тогда увидѣла бы я, кого изъ насъ лучше ты любишь,

и какимъ бы образомъ обращалась
проштиву его исканій. Но при шако-
вой неизвѣсности я не могу бышь
счастливиць, ни любовь моя довольною.

На сіе сказала я ему : естлибѣ
я Гаршна любила, по какое пре-
пятствіе было мнѣ отказать шво-
ему за меня сватовству-, и склонить
моихъ родителей выдать меня за
Милорда? Мужъ мой отпѣшшво-
валъ: безѣ сомнѣнія любовь швая еще
не такъ выросла тогда. Признаюсь,
что чувствую безмѣрную любовь
швою ко мнѣ; но что мнѣ въ томъ
пользы, естли шы не къ одному мнѣ
оную чувствовашь можешь? Сколь мало
шы къ Гаршону ни склонна, однако
чрезѣ то все мое удовольствіе разру-
шено. Я вздохнула, а онѣ продол-
жалъ: признаюсь тебѣ, что испрекле-
ніемъ склонности своей къ Гаршону
чрезѣ замужство со мною едѣлала
шы поступокъ души великой; но все то
мало въ глазахъ моихъ; ибо прежде
почиталъ я себя владычицею надѣ
любовію, и что оную шы только
онѣ

отъ меня заимствовала. Чрезъ что любовь моя не только что была щаслива, но и побѣдоносна. Теперь же другъ мой срываетъ вѣнецъ сея побѣды съ головы моей. Однако, чтобъ любовь моя не потеряла и остатковъ своей выгоды, расскажи мнѣ о Гарспонѣ, что ты знаешь, что можешь быть забыла, или что съ намѣреніемъ умолчала: можешь быть искренность заслугъ его прошиву тебя подасъ мнѣ облегченіе въ моемъ сомнѣніи. — Я сказала ему: въ разсужденіи Гарспона я предъ всемъ свѣтомъ ничего тайна причины не имѣю, но объявишь объ немъ больше ничего не знаю, кромѣ что его никогда не любила. А естлибъ его и любила, то бы онъ то заслуживалъ своими достоинствами, равно какъ и въ пресупленія и въ томъ, что я только одного себя люблю. Слова сіи пронули моего мужа, такъ что онъ въ восхищеніи вскричалъ: О дорогая супруга! какое сладкое вливаетъ ты удо-

вольшвіе вѣ мое сердце! но ажѣ! , увѣрь шы меня вѣ шомѣ шакѣ , чшобѣ я никогда не сомнѣвался. Проспи мнѣ , что я безвинно шебя мучу , и подай мнѣ своимѣ увѣреніемѣ возможность любишь шебя , шакѣ какѣ сначала ; безѣ чего жизнь моя будешѣ мучительнѣе продолжительной смерти. Я заключила его вѣ мои обѣятія , и цѣловача сѣ шакovou горячностію , что онѣ принужденѣ былѣ вѣришь , что сіе не можешѣ происходить ошѣ пришествя ; и какѣ я вновь утверждала сомнѣніе его кляшвами , то онѣ успокоился , и рассказалѣ мнѣ все , какѣ онѣ мыслями приведенѣ былѣ вѣ ревнивосць.

Но едва остался наединѣ , какѣ ошашь возвѣмѣлѣ на себя великое неудовольствіе , что принуждалѣ меня сшолько разѣ говоришь о шебѣ , Гарстонѣ. Вкорѣ пошомѣ увѣренія мои показалиш ему сомнительны , пешому что я говорила о шебѣ , ошсывая швом достоинствя.

Раз-

Разумъ его щился подавить новое сіе возмущеніе спраспи; но ревни-
 вость сполько уже надъ нимъ го-
 сподствовала, что не въ его волю
 соспоало слѣдовать своимъ хотѣ-
 ніямъ. Сколько шы разъ ни бывалъ
 у насъ, шо послѣ швоего выхода
 продолжалъ онъ обыкновенныя свои
 ко миѣ привязки. Многократно умо-
 ляла я его со слезами пощадить
 себя и меня отъ напраснаго муче-
 нія, на что онъ отвѣчалъ миѣ,
 что ревнивость его есть единое дѣй-
 ствіе безмѣрной ко миѣ любви. Я
 перервала рѣчь его, говоря на-
 шаковое извиненіе можетъ бытъ
 сполько одинъ разъ пристойно, но
 споль долге подозрѣніе не можетъ
 происходить, какъ изъ сердца, вмѣ-
 сто огня наполненнаго желчію. —
 Но можно ли, Милордъ, описать вамъ
 всѣ слова его, кои ежечасно изобре-
 щаетъ къ моему спраданію? Вамъ не
 лзя вообразить свойство предавагося
 сей ужасной спраспи: его беспокоитъ
 шорохъ бѣгающихъ ночью мышей;

Д 4

онъ

онъ желаетъ, чтобъ все кромѣ его, даже и самыя блоки были обрѣзаны, такъ что иногда ревнуетъ къ написаннымъ на стѣнахъ лицамъ, чая, что жена его влюбляется и въ сіи бездушныя изображенія. Я не вижу ни одной покойной съ нимъ минутой; а сіе ваше посѣщеніе, какъ происшедшее во время его отсутствія, конечно мрачнѣйшія навлечетъ на меня шучи его гоненія. Проговоря сіе матица ваша пролила полъ изобильныя источники слезъ, что я не могъ бышь оными не пронуть. Ахъ, сударыня, сказалъ я ей вздохнувши: участь ваша мнѣ чувствительна, а наиболее потому, что я спалъ невиннымъ орудіемъ оныя жестокости. Жаль мнѣ, что по сихъ поръ сокрыто отъ меня было сіе несчастіе: давно уже бы вы наслаждались покойною тишиною вашего супружества, и сколь ни пріятны мнѣ мѣста, гдѣ обищаетъ другъ мой, но для пользы его готовъ я удалиться на край свѣта. Кончая слова сіи вздохнулъ

я вновь, и смотрѣлъ съ жалостію на плачущую Маркизу; въ самое то время вошелъ Клорандъ.

Онъ перемѣнился въ лицѣ, при-
мѣняя вздохъ мой съ провождаю-
щимъ оный сожалительнымъ взгля-
домъ на жену его, равно какъ и ея
слезы. Чшо значитъ шаковая ваша
печаль, сказалъ онъ холоднымъ
образомъ? Нечаянность сія такъ
смущила Маркизу, что она поблѣд-
нѣла и не могла отвѣчать ему, какъ
въ однихъ шолько весьма слабыхъ и
не ксташи приведенныхъ оговоркахъ;
чшо утвердило его подозрѣніе, и
дало волю ревности овладѣть всѣми
его чувствами. Онъ бросилъ на меня
яростный взоръ, и пошелъ поспѣ-
шно вонъ; а я, смященный симъ
призшествіемъ, не зналъ что дѣлать,
и вышелъ изъ его дому, чая при-
йти по успокоеніи первыхъ спре-
мленій его спрасти, чшобъ послѣ
вывести его изъ заблужденія, и
увѣрить въ его ошибку, объявя ему
предпріяшый для шого отъѣздъ,

который я дѣйствительно въ мысляхъ моихъ назначилъ.

Но какъ не могъ я выбить изъ головы сострадающихъ мыслей о несчастномъ сложеніи моего друга, пошелъ я одинъ, не взявъ никого съ собою, въ новую галерею, которую украсили новыми испуканами въ Академическомъ саду, и при которой залъ особливо достоинъ былъ примѣчанія, изображая въ испуканакъ сложеніе нашей сферы. Какъ я не видалъ еще оныхъ, то разсматриваніемъ уповалъ разогнать мою скуку. (*)

Надзирашель и выдумщикъ сего аллегорическаго изображенія положилъ

(*) Тотъ изъ читателей, кто не охотникъ кромѣ сказокъ ни до какихъ начертаній, служащихъ къ просвѣщенію нашего свѣдѣнія, можетъ пропустить описаніе слѣдующаго аллегорическаго зданія, и перекинувъ нѣсколько листовъ, дзяться за окончаніе повѣсти.

жилъ шутъ довольный опытъ своего знанія. Залъ сей сдѣланъ былъ округлый, такъ что полъ его и пошлокъ съ стѣнами составляли во впускоспи своей почный шаръ; онъ хотѣлъ шѣмъ изобразить воздухъ, которъй глазамъ нашимъ кажется имѣшь предѣлы въ округломъ горизонтѣ. По срединѣ онаго на каменномъ подножіи стоялъ земный шаръ, на коемъ видны были всѣ извѣстныя намъ земли, моря и рѣки. На подножіи онаго написанъ былъ цифръ первый въ томъ разумѣ, что сей извѣстнѣйшій шаръ долженъ

сти. Признаюсь, что не кстати плель я здѣсь сіи злтѣи; но доброз мое намѣреніе сіе оправдаеть. Многіе не читають никакихъ книгъ, какъ только Бисчи, то подумалось мнѣ, что можетъ быть ошивкою прочтуть они здѣсь, чего не ожидаютъ, и что имъ послѣ слѣбится и побудитъ ихъ къ дальнѣйшему.

женъ бытъ мѣрою всѣмъ прочимъ
шѣламъ воздушнымъ.

Надъ земнымъ шаромъ споялъ
густопозолоченный образъ солнца ,
на правой его подножкѣ назначено
было число 140; ибо оное сколько
разъ больше нашей земли , хотя
иные мудрецы почитаютъ величину
его во сто шестьдесятъ , и въ шестьде-
сятъ тысячъ разъ больше ; напро-
тивъ того Епикуръ мечталъ , что
солнце и прочія звѣзды не болѣе въ
величинѣ своей того , каковы кажутъ
ся глазамъ нашимъ ; а Емпедоклъ
вспалъ на смѣшное мнѣнiе , что какъ
зрачокъ въ глазѣ не имѣетъ веще-
ственной округлости , но есть только
круглая скважина внутри глазной
кожи , такъ и солнце только малое
отверстiе неба , въ кошорую видѣтъ
вышнiй небесный огонь . На лѣвой
подножкѣ написанъ былъ годъ ; ибо
въ шаковое время солнце пробѣгаетъ
всѣ двенадцать небесныхъ знаковъ ,
такъ что ни одна часть земнаго
дна не бываетъ онымъ болѣе дру-
гой

гой освѣщаема, хоша подѣ полярною звѣздою цѣлый годѣ. только одинѣ день и одну ночь, шо естѣ по полу-году, составляющѣ. По срединѣ под-ножки назначено 27 дней, для того что во столько солнце обра-щаешся около своей оси, чѣмѣ оно не шокмо землю изѣ испощаемыхѣ своихѣ сокровищѣ обогащашѣ и шво-ришѣ плодоносну, но и каждой пла-нетѣ по свойству лучей своихѣ свѣшѣ и качество вливашѣ. На боку у онаго висѣлѣ лукѣ и колчанѣ съ стрѣ-лами, дабы изобразитѣ шѣмѣ бы-стрѣйшій стрѣлы бѣгѣ его и прони-цательную силу; ибо скорость обра-щенія его шакова, что почти во-образитѣ не можно, какѣ шо пробѣ-гаешѣ оно вѣ одинѣ часѣ болѣе 935 поперешниковѣ земли, или восемь милліоновѣ сорокѣ одну тысячу вершѣ; дѣйствіежѣ его пронизашѣ во глу-бины моря, до средней шочки земли, и насѣменяешѣ всѣ вещи, даже и сокрышыя жилы металловѣ, хлад-ные кристаллы и мозгѣ швердѣйшихѣ горѣ.

горѣ. Въ лѣвой рукѣ держитѣ оно лиру; ибо движеніе солнца учреждаетѣ всеобщее согласіе, и соединяетѣ всѣ прошивныя дѣйствія другихъ звѣздъ, и воюющихъ между собою стихій, такъ что солнце изъ земли, какъ изъ прочихъ шести главныхъ планетъ нашей сферы, вліяніе ихъ приѣмлетѣ, чрезъ что движущееся его огненное море, по содержанію нашурѣ, иногда подобно какъ опѣ бурливаго вѣпра волнуется, а иногда чрезмѣрное его вскипѣніе укрощается. Близъ образа солнцева спосылѣ небесный знакъ льва, означая высочайшій предѣлъ его возвышенія. Въ рукахъ надъ головою держитѣ солнце прозрачный, но не гладкій, а по подобію земли горами, долами, морями и рѣками учиненный шароховатымъ шаръ, сквозь который видны внутри проходящія цѣпи горъ, коими и земля наша связана, подобно какъ шло составомъ костей; также видны были на шарѣ ономъ всюду выходящіе

щїе огненныя лучи, пары и облаки. Что я не иначе разумѣть могъ, какъ что солнце есть истинный элементъ единственнаго огня, котораго впрочемъ въ настоящемъ свойствѣ нигдѣ не находится; и потому солнце состоитъ сначала изъ твердой огненной извѣсти, частіюжъ изъ жидкаго пламеннаго моря, подобнаго въ плавильной печи расплавленному золоту, потому что при сильномъ своемъ движеніи не только огненныя пары выпускаетъ, но и такъ какъ огнедышущія горы, большія раскаленныя рѣки изливаетъ, кои послѣ въ огненный дождь обращаются, и такъ влекутся къ своему началу, служа солнцу, своею пищею. Чрезъ то происходятъ многія видимыя на солнечномъ шарѣ пятны, также и его иногда примѣчаемая блѣдность, удерживающая чрезмѣрное дѣйствіе жара его на землю. Пары же сіи по своему смолянистому веществу иногда слипаются вмѣстѣ, и производятъ рѣдчайшія фигуры,

назы-

называемыя явленіями, кои столько продолжаются, пока матерія ихъ обратится въ пепелъ, и равно какъ на земли метеоры въ видѣ летучихъ змѣевъ и прочаго исчезнешь. Солнце хотя не инакъ, какъ наша земля и прочія звѣзды и планеты, изъ тлѣннаго вещества соспавлено и шерпншъ умаленіе, припадки и годовыя болѣзни, каковое не вдавнѣ примѣчено, когда оно цѣлый годъ блѣдно и слабо свѣщило; однако имѣетъ въ себѣ таковую извѣстную матерію, которая безпрестанно даетъ ему пищу, ошъ чего оно и горитъ безоспоновочно; а хотя иногда таковой огнь и убавишся, но чрезъ многочисленныя солнечныя шрубы опять дополняется, подобно какъ горящая въ безпрестанно огнемъ дышущихъ горахъ сѣра изъ ошдаленныхъ рудныхъ жилъ.

Вкругъ сего господствующаго солнечнаго образа стояли въ измѣренномъ ошдаленіи еще шесть испукаровъ.

новѣ. Первая изъ нихъ изображала мѣсяцъ, была посеребрена, стояла на двухъ бѣлыхъ быкахъ, съ назначеннымъ на одной ногѣ числомъ дваццати девяти дней, двенадцати часовъ и сорока четырехъ минутъ; а на другой дваццати семи дней, семи часовъ и сорока двухъ минутъ, объявляя пѣмъ время его печенія. Стеклянный на головѣ его шаръ былъ въ сорокъ два раза меньше земнаго шара, хотя иные счишаютъ мѣсяцъ въ прищцать девять разъ меньше земли. Вещество онаго казалось быть земное и водяное, и послѣднее къ южному краю подобно великому источнику раздѣлялось на многіе потоки, и являло какъ бы разныя ясноблещащія зеркала. Онъ также наполненъ былъ рѣкъ, морей, острововъ, горъ, лѣсовъ и долинъ, и чрезъ то происходящихъ несчислимыхъ пещенъ, частію отъ того, что лучи солнечные въ таковыя глубины упасть не могутъ, частію же изъ мѣсячныхъ морей, что сіи, неменьше

Часть VIII.

Б

какъ

какъ и земное море, по своему свойству и силою солнечныхъ лучей шуда и сюда движущся, также какъ мѣсяцъ отъ востока къ западу, и обратно на востокъ въ шеченіи круга своего идешъ, не всякій разъ одинако кажешся, а шакъ какъ прошиву солнечныхъ лучей и человеческого глаза стоишъ, является переменѣнъ. У ногъ его споялъ небесный знакъ рака. Въ правой рукѣ держалъ бѣлый восковый факелъ, а въ лѣвой водяную кружку, или рогъ росы; пошому что мѣсяцъ не шокмо свѣпишъ ночью, но и весь шаръ земный, который бы отъ солнечнаго жара обратился впрочемъ въ пепелъ, навлажняешъ; наиболѣежъ шогда, какъ солнце мѣсячное море въ ново и полнолуніе сильнѣе движешъ, сильнѣйшія падаюшъ росы; и шакъ изъ мѣсячнаго шара не меньше, какъ и изъ земли, восходишъ паровъ, шолько гораздо шончайшихъ. Тогдажъ у насъ приливъ и ошливъ моря бываешъ большій, рѣки наводняюшся, ра-

расшнїя получаюшъ больше соковъ, раки и раковины полнѣюшъ, и мозгъ въ живошныхъ спановишся влажнѣе.

Вшорый видъ Меркурїя, сдѣланъ былъ изъ замороеной и сѣ извѣстью смѣшанной ршущи; споялъ ногами на каменномъ пѣшухѣ, и на мешаловой змѣѣ. На головѣ его находящїйся шаръ былъ девятинапцатѣ разъ меньше земнаго, и получалъ временемъ, когда солнечный шаръ шемнѣ свѣшшъ (при захожденїи), непловидный опсвѣшокъ. По споронамъ его спояли небесные знаки близнецовъ и дѣвицы. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ кругъ, въ среднѣ коего спояло солнце, показывая шѣмъ, что сія планета шолько около солнца обращаетъ ходъ свой, и опъ онаго никогда далѣе 28 поперешниковъ не удаляется, почему безпрешанно скрываетъ въ лучахъ онаго и Венериномъ свѣшъ; чрезъ что и шаръ ея сѣ обѣихъ споронъ освѣщенъ, кромѣ когда Венера по другую спорону солнца спановишся сѣ

Е 2

нимъ

нимъ въ равностояніи. На одной ногѣ его поставлено было число шесть, въ какое число часовъ планета сія обращается вкругъ своей оси; и потому съ земли кажется, также какъ мѣсяць, растущею и убавляющеюся.

Третье изображеніе Венеры, было изъ мѣди, спящее одною ногою на мраморномъ лебедѣ, а другою на алабастровомъ голубѣ. Круглый шаръ на головѣ ея былъ только въ шестую часть противъ земли, но во всемъ равнаго съ оною вида; сіяніемъ же своихъ бѣложелтыхъ лучей превосходилъ, кромѣ двухъ небесныхъ свѣтилъ, всѣ прочія звѣзды. По сторонамъ ея стояли небесные знаки быка и вѣсовъ. Въ рукѣ держала кружокъ, посреди коего также изображено было солнце, въ знакъ, что сія планета ходитъ кругомъ солнца, и спочивъ стѣ него не въ дальности, иногда надъ нимъ, а иногда внизу, такъ что иногда бываетъ предсѣдовавшемъ, а иногда послѣдовавшемъ.

нашелъ его, по есть вечернею и
упрежнему звѣздою; а чрезъ по въ
разсужденія своего отъ земли оп-
стоянія кажется меньше и больше,
и равно какъ луна ежемѣсячно, она
ежегодно кажется полною, полови-
ною и серповидною. Въ ней видимы
также горы и моря чистѣйшей воды.

Четвертый испукавъ Марса, сдѣ-
ланный изъ свѣшлошлифованной
стали, споялъ одною ногою на ко-
злѣ, а другою на волкѣ; понеже сія
планета содержишь жесткое сложе-
ніе. На правой ногѣ его спояло число
V, какъ мѣра, во сколько оная земли
нашей меньше; на лѣвой время об-
хожденія ея около солнца, а имянно:
годъ, пристра двашцать дней, дваш-
цать два часа и двашцать чешыре
минушы; по сторонамъ небесные зна-
ки спрѣльца и рыбъ, какъ два его
жилица, въ кои онъ попеременно
входишь. Въ лѣвой рукѣ держалъ
онъ круглый, совсѣмъ раскаленный и
подобно какъ бы верхній шаръ, освѣ-
щающій щитъ, а въ правой спрѣлу,
Е 3 какъ

какъ собственный свой знакъ. Шипъ значилъ, что онъ при солнечномъ свѣтѣ и собственнымъ своимъ огнемъ освѣщается; чрезъ что его свѣтъ, который бы впрочемъ долженъ бытъ блѣднѣе мѣсячнаго, есть кровавый; отъ каковаго своего собственного свѣта шаръ его кажется бытъ расколотъ, пошому какъ онъ обращаясь около своей оси, шу или другую намъ къ землѣ кажется сторону; для того что на срединѣ одной стороны имѣешь онъ круглую, величину съ нашу Африку, вертящуюся пропасть, состоящую изъ темнаго черножелтаго смолянаго моря, въ которомъ горящій шрусъ, къ ежедневному питанію сей пылающей планеты между сѣрныхъ горъ изъ сажи и искръ рудной земли составленнаго хребта, хранился, и чрезъ шайныя шрубы во внутреннія хляби сего огненнаго ада приводился. Спрѣла въ рукъ его, и выходящая изъ рта молнія, значитъ, что планета сія никогда не кажется круглою, но

боль-

большею часпію великія уцелія вы-
 ставляешъ. Въ шарину приписы-
 вали ему, что онъ, какъ ярящійся
 Вулканъ, куешъ всѣ на поврежденіе
 свѣта оружія, и дѣлаешъ голову
 кружащеюся, члены прясущимися,
 печень горячею, сердце біющимся;
 звѣрей приводишъ въ бѣшенство,
 расшѣнія пожираешъ, источники из-
 сушаешъ, и наводишъ ядовитые
 вѣпры, высасывающіе воздухъ,
 громъ и непогоды. Почему и на-
 зывали его нещасіемъ свѣта и бо-
 гомъ разоренія. На плечахъ несѣ
 онъ голубожелшый шароховашый шаръ,
 или лучше сказаць, огнедышущую
 гору, въ знакъ, что планета сія
 безпрестанно пѣнишся огнемъ и ку-
 ришся вонючимъ дымомъ, и самая
 водяная оныя часпѣ варишъ одну
 кипящую смолу, и производишъ
 шѣмъ около своего шара шуманъ и
 облака черныя, копорыя въ шако-
 вый же превращающся дождь, и упа-
 дающъ шудажъ, откуда произошли.
 Однакожъ получаешъ и сей ужасный

шаръ отъ предстоящихъ ему планетъ первой и претей, также и отъ послѣдующей за нимъ, почасту пріяшній опсвѣтокъ. Для того какъ великая лира свѣша требуетъ къ своему согласію неровныхъ и противныхъ струнъ, да и земля наша изъ различныхъ между собою воюющихъ вещей соединена, по небо имѣло и въ сей возмушительной планетѣ нужду, чпобъ зимнюю спужу убавляшь, и почасту къ излишеству земной влажноши приходитъ на помощь. Также какъ иѣшь ни одного яда, который не нуженъ бы былъ въ лѣкарство; ибо скорпионъ вытягиваетъ ядъ изъ раны: такъ и сія звѣзда всѣхъ другихъ звѣздъ вредныя вліянія втягиаетъ въ себя, и употребляетъ оныя на пищу огню своему. Натура премудро ушвердила, что кругъ хода сей звѣзды, коя иногда кажешся великою волосашою звѣздою, опстоипъ отъ солнца далѣе круга земнаго, чѣмъ она въ хожденіи своемъ иногда отъ земли очень удаляешся. Пятое

Пятое изображеніе Юпитера изъ искроваатаго олова, спояло одною ногою на орлѣ, вооруженномъ молніею, а другою на еленѣ. На ногѣ видно было у него время, во сколько онѣ по своему кругу около солнца ходѣ свой совершаетъ, то есть одиннадцатъ лѣтъ, тридцать пять дней, семнадцать часовъ и сорокъ шесть минутъ; близъ его стояли небесные знаки спрѣльца и рыбѣ. На пупкѣ его видно было вырѣзанное число 284 дней, по числу сія планета во сколько времени около своей средней почки, равно какъ колесо кругомъ оси, обращается, чтобъ шѣмъ могла она цѣльбоносную свою силу другимъ планетамъ и землѣ сообщать. Въ рукѣ у него находящіяся масличными листьями обвитый скипепрѣ; ибо по мнѣнію древнихъ вліяніе сей господствующей планеты (еслили только не удержиши оно приближеніемъ воюющаго Марса) заключаетъ человѣческую честь, господство, радостный духъ и разумъ;

умѣ; возбуждаешѣ въ живописныхѣ
 жизненные духи, въ насажденіяхѣ
 плодоносіе, въ воздухѣ благорасшво-
 реніе и тихіе дожди; въ восхож-
 деніи своемѣ умножаешѣ шеплошу,
 а въ захожденіи влажностъ; въ лѣ-
 шѣ умѣряешѣ зной, а въ зимѣ
 спужу; и какѣ внутреннія сей пла-
 неты наполнены масловашыми благо-
 зоніями, испарины ея состояшѣ изѣ
 однихѣ пахучихѣ балзамовѣ, ко-
 торые производяшѣ на землѣ всѣ
 пряныя зелія, масла и смолы; по-
 чему и называющѣ ее щаспливою
 звѣздою и рогомѣ изобилія. Испу-
 шакѣ сей надѣ головою своею дер-
 жалѣ особливое небо съ четырьмя
 разными окруженіями. По срединѣ
 онаго стоялѣ свѣшлоблеснящій и
 землю въ четырнадцатъ разѣ пре-
 восходящій, (который представлялѣ
 собсшвенно планету Юнишера) и съ
 наружной кѣ солнцу спороны гораздо
 шароховашый шарѣ, не ушупающій
 свѣшомѣ своимѣ вечерней звѣздѣ.
 Другая спорона его была довольно же
 свѣшла,

свѣща, потому что сія планета, не отъ одного солнца, но и собственнымъ своимъ свѣтомъ освѣщается. Около сего шара отъ востока къ западу проходили разныя, и въсколько шемноватныя, отчасти прямыя, частіюжъ согнутыя полосы; ибо планета сія шаковыми великими горами въ полосы раздѣляется, между которыхъ хранится блестящее и безпрестанно движущееся ртутное море, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мысами твердой земли прорѣзывается. Сей прекрасный шаръ получаетъ еще прибавленіе своего свѣта отъ чешырехъ его спутниковъ, или мѣсяцовъ, ходящихъ вокругъ его въ разныхъ чешырехъ окруженіяхъ, которые вообще движущаяся отъ запада на востокъ, и внутреннія, или ближайшія къ нему, обходятъ его скорѣе наружныхъ; оныя сообщаютъ главной своей планетѣ собственный свой и занятый отъ солнца свѣтъ; а особливо первый и шрешій, кои безмѣрно ясно блестя-

блещящѣ и въ разсужденіи прочихъ двухъ мѣсяцовъ могутъ почтеннѣ бысть за маленькія^{ше} солнцы. Велику солнце не можетъ сію великую и отдаленную звѣзду довольно освѣщать, мѣсяцы сіи заслупаютъ его должность; первый и ближайшій изъ нихъ равняется величиною нашему мѣсяцу, второй Меркурію, третій Венерѣ, а четвертый нашей землѣ. По теченію ихъ и сей великой планеты, спояніе ихъ бываетъ иногда очень близко, иногда же они далеко другъ отъ друга удаляются; когда стоятъ на полночной сторонѣ, то бывъ къ намъ ближе, кажутся больше, а къ полуденной за удаленіемъ меньше, и по положенію своему къ солнцу бываютъ видомъ иногда полны, иногда распущія и ущербляющіяся, равно какъ наша луна, а иногда закрывающіяся шѣломъ Юпитеровымъ. Слѣдственно Юпитеръ и его спутники суть шѣла грубыя, подобныя нашей землѣ.

Ще-

Шестый образъ Сатурна, выли-
 ный изъ свинца въ видѣ шарика
 съ морщинивымъ лбомъ, впадшими
 щеками, съ слабыми и изнуренными
 членами, имѣлъ глаза опущенные
 внизъ, и ноги какъ бы неспо-
 собныя къ движенію. Онымъ изоб-
 ражено, что сія крайняя и тихо
 идущая намъ кажущаяся планета,
 какъ бы имѣетъ всѣ слабости вели-
 кой старости, отъ чего не прежде
 какъ въ 29 лѣтъ, 162 дни, 7
 часовъ и 36 минутъ совершаетъ
 она ходъ свой около солнца.
 Спялъ онъ на драконѣ и мед-
 вѣдѣ, на ногѣ имѣлъ число дваш-
 цать два, какъ мѣру, во сколь-
 ко разъ онъ земли нашей больше,
 хотя иныя планеты сію съ обѣими
 его руками (такъ кажется кольцо,
 окружающее Сатурна) полагаютъ
 земли нашей больше во сто шесть-
 десятъ пять разъ. По сторонамъ его
 сподаетъ изъ зодіака козерогъ и водо-
 лей. Въ правой рукѣ держалъ онъ
 орудіе, а въ лѣвой кадилицу, въ
 знакъ,

знакъ, что въ сей планетѣ находящаяся сухая земля и свинцовыя горы, также подобно какъ бы изъ стекла соспоящее и продолжительное колеблющееся мертвое море, изъ пещеръ своихъ отъ кипящей смолы беспрешанно вонючій черный дымъ испускающъ, и онъ, какъ прямой шаръ раззоренія, все засушаетъ, полезное смершнымъ серпомъ своимъ все потубляетъ, холодносною своею жизненную теплошу погашаетъ, раждаетъ лихорадки, жидкости дѣлаетъ вязкими; ядовитые шуманы, непогоды, неплодность и спужу приключаетъ, а особливо когда приближается къ нашей землѣ, или съ воюющимъ Марсомъ въ одинъ рогъ дуешь; почему древніе, увидя сїя свойства, назвали его предвѣспникомъ несчастій, холоднымъ и сухимъ неприятелемъ натуры, и подобіемъ времени, кое собственныхъ своихъ дѣшей поядаетъ. Надъ головою его былъ великій темный шаръ; освѣщенный спереди отъ солнца,

а

а съ боковъ отъ пяши меньшихъ шаровъ и свѣтлаго кольца, кои по разнымъ положеніямъ представляють шаръ Сатурновъ иногда овальнымъ, а иногда какъ бы съ ушами. Кольцо сіе собственнымъ своимъ свѣтомъ, за тѣмъ что Сатурнъ за крайнимъ своимъ удаленіемъ отъ солнца сіянія его не пріемлетъ, освѣщаетъ оный съ помощію спутниковъ, ходящихъ въ особливыхъ около его кругахъ съ запада на востокъ; безъ чего бы сей тяжелый шаръ былъ покрытъ вѣчною ночью; однакожь когда сіи спутники обращаются къ Сатурну своею землянистою неизмѣнющею свѣта стороною, тогда онъ пошемиѣвъ, въ глазахъ почти исчезаетъ, или съ обѣихъ сторонъ какъ бы темными облаками покрывается. Планета сія чрезвычайно отъ земли нашей отдалена, а именно до пятидесяти тысячъ земныхъ поперешниковъ, дабы сильныя ея вліянія и притягательная сила училились слабѣе. Нѣкоторые мудрецы

рецы взаимный союзъ семи планетъ и свойства ихъ уподобляюшъ таковымъ образомъ: что въ человеческомъ тѣлѣ есть желудокъ, варящій нищу и опдающій каждому внутреннему члену свою часть, то самое въ свѣтѣ есть земля; мѣсно влажности въ живопныхъ есть мозгъ, а въ небѣ мѣсяцъ; разпредѣлитель жизненныхъ духовъ въ человекѣ сердце, а въ свѣтѣ солнце; печень даетъ членамъ съ кровію силу и крѣпость, а Юпитеръ всѣмъ шварямъ; легкое приѣмлетъ воздухъ и охлаждаетъ жаръ сердечный, Меркурій производитъ то въ планетахъ; почки сушь сишо, ошдѣляющее нечистое ошъ чистаго и оружіе плодоносія, то же совершаетъ планета Венера; желчь притягиваетъ къ себѣ горькую и сѣроватую кровь, то дѣлаетъ въ небѣ планета Марсъ; и какъ селезенка къ пользѣ тѣла частію вбираетъ въ себя всѣ вредныя мокроты, частіюжъ изводитъ

ОНЫЯ

онья вонь, по самое возложено въ
 большемъ свѣшѣ на Сатурна.

Всѣ сіи шесть держимыхъ ис-
 туканами шаровъ были шолько съ
 передней стороны къ солнцу свѣшлы,
 а съ другой шолько нѣсколко освѣ-
 щались: Сатурнъ и Юпитеръ опѣ
 своихъ спушниковъ, Марсъ же опѣ
 собственнаго своего огня; чшо жѣ
 онья опѣ солнца сіяніе свое получа-
 юшѣ, по доказываетѣ отбрасывае-
 мая ими въ воздухѣ небольшая
 островатая тѣнь. Во всѣхъ же сихъ
 шарахъ примѣшны были земля, воз-
 духъ, огонь и вода, кромѣ чшо по
 смѣшенію своему въ одной планетѣ
 совсѣмъ инако, нежели въ другой ка-
 зались; ибо каждая спихія въ каж-
 дой планетѣ свое особое свойство
 имѣшѣ должна. По шому всѣ, какъ
 планеты, такъ и прочія звѣзды,
 имѣюшѣ свои испарины, изъ коихъ
 иногда по освѣщеніи солнцемъ воз-
 спаюшѣ звѣзды волосатыя, кешо-
 рыя хопя долгое время свѣшятся,
 какъ по было примѣчено въ Кассі-
 Часть VIII. Ж оцѣ,

онѢ, на груди лебедя и прочихѢ, однако напоследокѢ исчезающѢ, за тѢмѢ что средняя точка каждой звѣзды имѣетѢ въ себѢ магнитную силу, коя все, свойственное веществу своему, къ себѢ притягиваетѢ, такѢ что ежели бы кусокѢ, опорванный опѢ мѣсяца силою, припаяннѢ былѢ на нашу землю, онѢй безѢ всякаго сомнѣвѢя полетѢлѢ бы обратно въ мѣсяцѢ, такѢ какѢ брошенный камень съ воздуха обратно на землю. ПришедшѢй ко мнѢ надзиратель сего зданѢя примѣшадся къ моимѢ разсужденѢямѢ, и сказалѢ, что онѢ не отвергаетѢ мнѢнѢя Пифагорова и Ксенофонтова, что во всѢхѢ планетахѢ (и спутникахѢ) находятся селенѢя и жители ; а припомѢ какѢ земля наша въ сравненѢи съ прочими планетами можешѢ почестѢся за хлѣбное зерно, то и жители великихѢ планетѢ должны имѢти соразмѢрный ростѢ, и совсѢмѢ не сходные къ нашимѢ въ тѢлахѢ и нравахѢ. — Я спросилѢ у надзирателя, что

что значатъ нѣкошорые испуканы, кои близъ солнца кажутъ спрашный и огнедышущій видъ, а въ удаленіи отъ онаго какъ бы исчезающими? Сіе кометы, или звѣзды съ хвостами, опвѣчалъ ояѣ. Въ приближеніи своемъ по эллипсическимъ пушямъ (коиими они кодятъ около солнца, такъ что иногда приближаются къ оному очень близко, а иногда такъ удаляются, что на нѣсколько лѣтъ исчезающъ изъ вида) къ солнцу начинающъ оныя отъ жара почти раскаливаться и испускатъ превеликіе пары, копорые, бывъ припягаемы солнцемъ, кажутъ намъ лучъ, что мы хвостомъ называемъ. Впрочемъ оныя суть также шѣла шемныя, какъ наша земля, и могутъ имѣть своихъ жишелей. Чтожъ мы не всегда оныя видимъ, сіе происходитъ за вышесказаннымъ удаленіемъ отъ солнца и отъ нашихъ глазъ, также за шѣмъ, что при удаленіи пары ихъ при охлаждающейся самой планетѣ на-

чинающѣ убавляшся, и заключающся въ предѣлахъ ея атмосферы, почему и шановишся она уже безъ хвоста; равномерно какъ возвращеніе оныхъ случается иногда въ той часши неба, коя къ намъ бываетъ во время дня, по за сіяніемъ солнца мы и видѣшь ихъ не можемъ, что и подтвердилось усмотреніемъ оныхъ во время солнечныхъ затмѣній. Кометы также имѣющъ свое намѣреніе въ связи нашей сферы, и обще съ прочими планетами созданы искони; слѣдственно оныя не суть предвозвѣстницы нещастія, и не слипшіеся смолянисшыя пары, вышедшіе изъ солнца, какъ думали прежде; также никогда не могушъ впасть въ солнце, или сполкнуться съ каковою нибудь планетою, поколь учрежденный Создатель бѣгъ планетъ около солнца не учинишся быстрѣе, или шире; ибо пуши всѣхъ оныхъ удерживающся въ своихъ предѣлахъ распространительною силою вѣтра.

По

По разсмотрѣніи сихъ испука-
новъ, показалъ миѢ надзирашеля
висящее изображеніе строенія нашего
міра. Оное въ противность всѣхъ
древнихъ звѣздочетовъ не имѣло зе-
млю нашу среднюю почкою своего
окруженія, но заступало оную солн-
це, около котораго въ первомъ
кругѣ ходила планета Меркурій,
во второмъ Венера, въ третьемъ
за неподвижную считанная земля
наша, и вокругъ ея въ особливомъ
маломъ кругѣ мѣсяцъ. Четвертый
кругъ, описывалъ, ходящій Марсъ,
пятый Юпитеръ, имѣя около себя
четыре особливые круга для обхо-
дящихъ его четырехъ спутниковъ;
по шестому и обширѣйшему обхо-
дилъ Сатурнъ, а округъ его пять
его спутниковъ. Любопытство мое
принудило меня объявить шумъ со-
мнѣніе мое надзирашелю, что про-
шивно бы было помяну въришь,
что солнце стоишь неподвижно,
когда оное ежедневно всходишь и
заходишь, и какимъ бы образомъ

Ж 3

на

на вертящейся землѣ споянѣ твердо животнымъ и роспи деревьямъ? Надзирашель опвѣшествовалъ мнѣ съ улыбкою: не должно полагаться на слабые глаза наши во избраніи средней почки сего спроенія міра, кошорымъ во время скорой ѣзды по морю беретъ земли кажется бѣгущимъ, а корабль споящимъ; ибо при попушномъ вѣтрѣ всѣ вещи во ономъ споянѣ вѣ своемъ порядкѣ, и насажденія вѣ горшкахъ пребываютъ вкорененны и роспущѣ. Сверхъшого земля наша, равно какъ и прочія планешы, имѣетъ свою среднюю почку, къ кошорой все находящееся на ней и выходящее изъ ней припягивается. Сія припягивающая сила называется магнитною, и не допускаетъ ничему опъ земли опдѣлиться; она обще съ воздухомъ принуждаетъ землю вѣ каждыя сушки, подвигаясь впередъ по пущи своему около солнца, обращаясь около своей оси. Сія ось прямо наклонена къ полярной звѣздѣ; а по-
тому

шому ежели бы земля не ходила около солнца, и не вертѣлась около своей оси, то въ одной половинѣ земнаго шара была бы вѣчная ночь и зима; слѣдственно только въ одномъ бы мѣстѣ могли на ней жить живошныя, и росли насажденія. И шакъ сообразиѣ разсудку и доказательшвамъ приняшъ, что земля наша каждая 24 часа поворачиваетъ ся кругомъ своей оси, и каждый годъ обшекаетъ около солнца, не жели думаешъ, что величайшія оной планеты и столько тысячъ неизмѣренныхъ звѣздъ съ непоняшкою быспросшію вокругъ ея бѣгаюшъ. Важнѣйшимъ же доказательствомъ служишъ тому изчисленное время теченію всѣхъ планетъ, по коему предузнаюшъ безъ малѣйшей ошибки солнечныя и мѣсячныя зашмѣнія, происходящія ошъ равностоянія съ солнцемъ мѣсяца и земли, то ешъ солнце зашмѣвается тогда, какъ мѣсяцъ закроетъ оное прошиву глазъ нашихъ, а мѣсяцъ тогда,

какъ земля войдетъ между онымъ и солнцемъ, и подхвативъ собою лучи освѣщающаго его солнца.

На сводахъ сего зала показалъ мнѣ надзирашеть изображеніе всѣхъ звѣздъ, имѣющихся на нашемъ небѣ. Я удивился разсматривая оныя, что астрологія наша не шакъ совершенна, каковой бышь ей я чаялъ; ибо въ каждомъ небесномъ образѣ видѣлъ я множайшее число безъимянныхъ звѣздъ, сверхъ опредѣленныхъ звѣздочешами. Въ шуманной часпи оріона насчиталъ я оныхъ дюжину, между его пояса и шпаги восемьдесятъ, между ногъ его болѣ пяти сотъ, равно и во всѣхъ прочихъ знакахъ множешво новыхъ звѣздъ, а особливо въ молочномъ пупи безчисленно. Надзирашеть обнадеживалъ меня, что хешя оныхъ въ одномъ молочномъ пупи болѣ спа тысячъ находишся, но ни одна изъ нихъ не сотворена безъ намѣренія, равно какъ самамалѣйшая жилка въ чловѣческомъ шлѣ. Изумленіе мое усугу-

усугубилось , когда показалъ онъ мнѣ къ южной часпи неба пятнадцать совсѣмъ новыхъ звѣздныхъ образовъ , о коихъ прежде сего никшо не слыхивалъ . Почему я пошчасъ пожелалъ знать ихъ названія , но въ отвѣтъ получилъ : что онъ , изображая подобіе неба , не осмѣлился употребить ласкательство и чесполюбіе , копорыя не были довольны , когда непопробныхъ женщияъ , прелюбодѣевъ и убійцъ изображали изъ мрамора и слоновой кости , но помѣстили оныхъ съ прочими дикими звѣрьми и между звѣздъ . И шакъ сіи новыя звѣзды , открышыя зрительными шрубамы , не имѣюшъ у нихъ ни земныхъ имянованій , ни суешнаго раздѣленія ; но по ихъ споянію и расположенію можно ожидать , что со временемъ учиняшъ изъ нихъ змѣй , рѣки , мухъ , рыбъ , лягушекъ и воронъ . Между сихъ несчешныхъ звѣздъ , кои прежде почишали за неподвижныя въ швердомъ кристалльномъ небѣ ушвержденныя шѣла , кои однако въ шончайшемъ воздухѣ имѣюшъ свое испра-

Ж 5

вное ,

вное, хотя за отдаленнымъ нашимъ глазомъ непримѣнное печеніе, показывалъ онъ мнѣ по веществу и свойству ихъ различіе, что между оными есть настоящія солицы, изъ коихъ звѣзда Сиріи величайшее, которыя лучами своими освѣщаютъ ходящія вокругъ ихъ планеты, куда свѣтъ нашего солнца доходить не можеть; ибо оныя во сто разъ далѣе отстоятъ отъ нашего солнца, нежели наша земля. Сіе разстояніе есть причиною, что по обращенію земли нашей кажутся всѣ сіи неподвижныя звѣзды ежедневно обращающимися отъ востока на западъ; однако все сіе звѣздное небо впрочемъ ежегодно на нѣсколько разстоянія отъ запада къ востоку ежедневно подвигается, но развѣ только во сто лѣтъ шакое печеніе бываетъ глазамъ примѣнно. Чему явнымъ свидѣтельствомъ есть сѣверная полярная звѣзда, коя кажется не больше какъ на три градуса въ своемъ округѣ ходитъ, но сей

сей малый округъ въ самой вещи больше круга Марсова содержишь. Каково ни непоспизимо спроенiе цѣлаго свѣща, сколько неизчислимыхъ ни созерцаемъ мы въ немъ мировъ, но премудрый Творецъ учредилъ въ ономъ совершеннѣйшее согласiе, такъ что нѣтъ ничего, кое не имѣло бы своего намѣренiя; почему благо-разумно древнiе уподобляли свѣщъ согласiю седмиспрунной лиры. Я просилъ его подать мнѣ обьясненiе о семъ шаинспвенномъ древнихъ знаменованiи. На что отвѣтствовалъ онъ мнѣ слѣдующее: понеже человекъ для размышленiя о семъ получилъ отъ Бога разумную душу, и самъ есть первѣйшая изъ оныхъ струнъ, то не можешь для него бытъ ничего приспойнѣе, какъ наклонность къ проицанiю пѣхъ шаинспвъ, гдѣ можемъ мы удивляться Создателя нашего всемогуществу; почему радуюсь, что нахожу въ васъ прилѣжанiе къ познанiю сей глубокой науки, и не умедлю по возможности.

можности моей васъ въ помѣ удо-
 вольствоваться. Суешные Греки ду-
 мали, что Аполлинова лира для того
 имѣетъ семь струнъ, что при его
 рожденіи лебеди столько разъ обле-
 пѣли островъ Делосъ; но сіе есть
 только непонятное закрытіе исти-
 ны. Слѣдующеежъ больше согла-
 сно разуму, что огонь, воздухъ,
 земля, вода, растѣнія, скоты и
 человѣкъ суть семь согласныхъ
 струнъ въ большей лирѣ свѣта;
 въсь же, мѣра и щетъ, коими какъ
 смычкомъ согласіе сіе возбуждаеш-
 ся. Небо вопервыхъ есть какъ
 начало, совершенство и образецъ
 всѣхъ полнѣйшихъ согласій, въ ко-
 емъ семь круговъ планетъ осо-
 быхъ семь струнъ согласія небес-
 ной лиры изображающими кажутся.
 Происходитъ же оное не токмо въ
 порядочно измѣренной величинѣ, но
 и въ различномъ спояніи каждой
 звѣзды, каковое удаленіе потребно
 для дѣйствія каждая изъ оныхъ,
 такъ что не для чего вопрошашъ,
 за

за чемъ то происходитъ, что солнце, какъ сердце міровъ, всѣ прочія звѣзды освѣщающее, и всю природу согрѣвающее, есть величайшее и стоишь въ срединѣ, свирѣпый же Сатурнъ въ самой дальности. Мѣсяць удаленъ отъ земли на одну степень; Венера надъ мѣсяцомъ, и Меркурій отъ Венеры по полустепени; солнце выше Меркурія въ полупорѣ степени; Марсъ отъ земли въ одной, Юпитеръ отъ Марса, и Сатурнъ отъ Юпитера, также и высочайшій край нашего неба надъ Сатурномъ по полустепени, такъ что отъ края до центра можно считать семь степеней, какъ звуковъ музыкальнаго согласія. Удаленіе каждой неподвижной звѣзды отъ земли согласно съ ихъ величиною, такъ что меньшія къ намъ ближайшія, а чѣмъ которая больше, тѣмъ выше отстоятъ отъ насъ; и такъ близость малости помогаетъ въ ея дѣйствіи, а дальность ослабляетъ жестокость вліяній

вий большихъ звѣздъ. Не меньшежъ
 движеніе, или ходъ планетъ, дѣ-
 лаемъ наше небо подобно какъ бы
 изъ мешалла вылишому шару, въ
 кошоромъ каждая планета хопя
 особливое свое печеніе имѣетъ, но
 въ согласномъ порядкѣ, такъ что
 хопя планеты не равно каждая по
 кругамъ своимъ идушъ, но въ
 извѣстное время другъ къ другу
 приближаются, но въ припцашъ
 аѣтъ обходящій по зодіаку Са-
 турнъ, въ годъ пробѣгающее оный
 солнце, и въ 28 дней мѣсяцъ, ни-
 гдѣ не мѣшкаютъ; что между спу-
 денымъ Сатурномъ и огненнымъ
 Марсомъ щедрый Юпитеръ, близъ
 сухой Венеры и влажной земли умѣ-
 ренный Меркурій дѣлаютъ по-
 средство, слѣдственно согласіе
 прошивныхъ звоновъ. Равнымъ обра-
 зомъ дженапцашъ небесныхъ зна-
 ковъ свойствами своими, какъ
 узлами другъ ко другу привязаны.
 Огненному и сухому овну согласуетъ
 шелецъ своею сухостію, сухому
 шельцу

шельду теплые близнецы, имѣющей же при шомъ мокрощъ близнецовъ подходишъ мокрый и холодный ракъ. Также четверозвонное согласіе въ равномъ порядкѣ соспавляющъ левъ, дѣва, вѣсы и скорпионъ; равно въ претѣхъ стрѣлецъ, козерогъ, водолей и рыбы, шакъ что по порядку пятый знакъ начальному знаку, подобно какъ въ музыкѣ осьмой голосъ первому бываешъ одногласенъ. Какое согласіе простираешся до внушреннихъ нѣдръ земли и глубины моря, и нѣшъ ни живошнаго, ни распѣнія, кои не имѣли бы съ чемъ нибудь согласія.

Равное согласіе находимъ мы и въ стихіяхъ, не взирая, что огонь ничему шакъ не прошивенъ, какъ водъ, шакже и воздухъ съ землею никакого единшва имѣшъ не кажущся. Но понеже огонь вдвое шонѣе воздуха, вшрое легче и въ одинъ разъ острѣе воды, а сія вдвое острѣе, вшрое шонѣе, и вчешверо

веро легче земли , по различныя ихъ свойства дѣлающъ согласіе самыхъ прошивностей. Остроуму , шовкому и движущемуся огню подходитъ въ сходство шупый воздухъ, за шѣмъ чшо онъ шенокъ и движущся. Толстая вода соглашается съ воздухомъ , пошому чшо онъ шупъ и движущся , и неподвижная земля съ водою , за шѣмъ чшо она шакже шолша и шупа ; и шакъ между огнемъ и землею , воздухомъ и водою есть посредство , и воздухъ шолько опъ огня , какъ вода опъ воздуха , и земля опъ воды свою силу унижаетъ. Вода въ осебливое свое свойство имѣетъ мокрошу ; съ спужею соглашается земля , а по свойству своему всегда холодная земля сухостию своею съ огнемъ. Повсегда сухой огонь соединяетъ чрезъ шеплошу воздуху , а воздухъ чрезъ мокрошу водѣ. Однако коль худо великая лира свѣта была бы наспроена , ежели бы спихи шолько между собою , а не по шомужъ и съ небомъ

небомъ были согласны? Земля наша не имѣетъ ничего особаго ошъ планетъ. Въ мѣсяцѣ зрительныя трубы наши находятъ шакія же великія горы, какъ здѣсь Тавръ и Маусъ и Уралъ, шакже разныя моря, дождь, росы и снѣги; а ученые люди скоповъ и человѣковъ. Изъ чего мы подобно какъ принуждаемъся заключаешь, что въ прочихъ главныхъ планетахъ не иначе обшоятъ должно. Сіе согласіе возбуждается и въ прочихъ всѣхъ смѣшанныхъ вещахъ, изъ коихъ нѣтъ ни одной ни въ воздухѣ, ни въ землѣ, ни въ морѣ, которая не приводила бы въ совокупное согласіе огня, воздуха, воды и земли, не взирая, что нѣкоторыя вещи горячѣе, а другія холоднѣе дѣйствія имѣють. Ошъ сегожъ согласія исходитъ, что всѣ рѣки бѣгутъ въ море, изъ коего начало свое пріемлютъ; пары восходятъ въ воздухъ, а пламень пылаешь къ небу, и прочее. Во внутреннихъ земли находимъ мы

Часть VIII.

З

сход-

сходство небесныхъ планетъ, какъ по серебра съ мѣсяцомъ, ртути съ Меркуриемъ, олова съ Юпитеромъ, свинца съ Сатурномъ, и ни одно живошное не ходишь и не ползаетъ на земли, ни плаваетъ въ моръ, кое не присвоилось бы копорой нибудь изъ сихъ планетъ. Впрочемъ и въшъ ничего совершеннѣйшаго въ согласи, какъ самъ человекъ; по справедливости можетъ онъ назваться малымъ миромъ. Для того когда большей миръ есть совершеннѣйшая дѣла, а великій Богъ ея наспроишель, то не долженъ ли меньшій миръ въ преизящности своей назваться наисовершеннѣйшимъ твореніемъ? Ибо въ большемъ мирѣ и въшъ ничего ни великаго, ни малаго, чего бы не находилось и въ меньшемъ мирѣ, копорый въ подобии Божиѣмъ заключаетъ предъ онымъ и излишество. Никогда не остановляющееся солнце согласуетъ съ бѣющимъ безпрестанно сердцемъ, которое во сколько часовъ, сколько есть оныхъ въ

въ сущкахъ, въ жилахъ по всему тѣлу кровь обращаетъ, всѣ члены одушевляетъ, и своимъ движеніемъ не токмо мгновенія ока, но часы, дни и годы измѣряетъ, такъ что сердце въ сокровенномъ своемъ уединеніи прилѣжному примѣчанію вмѣсто часовъ служишь можешь. Съ мѣсяцомъ сходствуетъ мозгъ, который, такъ какъ онъ нашу землю росой, сей всѣ члены тѣла своимъ вліяніемъ орошаетъ. Селезенка подобна Сатурну, а желчь Марсу, все вредное изъ тѣла къ себѣ привлекаютъ. Легкое имѣетъ въ немъ намѣреніе планеты Меркурія, почки Венеры, а печень Юпитера. Глаза имѣютъ сходство съ неподвижными звѣздами; съ огнемъ сходствуетъ зрѣніе, съ воздухомъ слухъ, съ осязаніемъ земля, со вкусомъ вода, а съ обоняніемъ земля и вода. Что сходнѣе съ хребтами горъ и каменныхъ утесовъ, какъ оставъ нашихъ костей? Въ жилахъ нашихъ изображаются рѣки и источники,

въ крови нашей, внутреннихъ и вла-
 жноствякъ обрѣщается не только соль,
 сѣра и ртуть, но и свойство всѣхъ
 металловъ, и мы рождаемъ въ насъ
 таковыяжъ камни, какъ и горы.
 Мясо наше и члены получаютъ отъ
 жизненныхъ духовъ, какъ деревья
 отъ живородной земли и воздуха
 съ водою, питаніе свое и разштіе.
 Травы и цвѣты не иное что суть,
 какъ волосы полей; слезы наши и
 потъ согласующся росѣ и дождю,
 смѣхъ нашъ молніи, угрозы грому,
 воздыханіе и дыханіе въспру, а
 дрожаніе прясенію земли. Наше
 оживленное дѣйство изображаетъ
 прекрасную весну, огненная моло-
 досць жаркое лѣто. Совершенный
 возрастъ плодотворную осень, и без-
 сильная спаросць холодную зиму; и
 самая наша смерть случается не
 только съ звѣздами, горами, остро-
 вами и землями, кои отъ моря, или
 землетрясенія пожираются, но и
 предвѣщаетъ, что и великій весь
 міръ, равно какъ малый міръ чело-
 вѣкъ,

вѣкъ, не можетъ быть безконеченъ. Дальнѣйшее согласіе въ человѣческомъ шѣлѣ съ большимъ свѣтомъ, который соспоитъ въ неизмѣримомъ кругѣ, изображаетъ во первыхъ чело-вѣческая голова, а потомъ все распроспертое шѣло совершенный кругъ, — коего средняя шочка есть пупокъ. Сверхъ того оно пред-стаетъ правильный четверуголь-никъ, когда его четыре стороны отъ персяовъ распроспертыхъ рукъ и ногъ прощянушы будутъ.

Я полюбопытствоваль измѣ-ришь въ себѣ, шочно ли выходятъ изъ шѣла сіи сказанныя имѣ фигу-ры, что увидя надзирашель продол-жалъ: не сомнѣвайшесь, въ чело-вѣкѣ шочно находяшся всѣ правильныя фигуры Геометрии, шакъ что когда отъ конца спинной кѣсти около рас-проспертаго чело-вѣка описашъ кругъ, то гдѣ къ оному прикоснушы концы головы, рукъ и ногъ, выдешъ пра-вильный пшяшугольникъ; а отъ обѣ-ихъ подошевъ къ пупку шреуголь-никъ.

никъ. Когда руки вверхъ подняты, локти будутъ равны съ швомъ головы, тогда середина въ человекѣ будетъ пупокъ; а если руки опущены внизъ, достающъ онъ концами перстовъ до колѣнъ, и въ это время средній пунктъ будетъ лано. Всѣ прочіе члены имѣющъ между собою шоль искусное раздѣленіе, что землемѣры взяли съ нихъ всѣ свои мѣры, какъ то: съ распростертыхъ рукъ сажень, или человѣческую длину, съ локтя до края перстовъ локоть, съ ножной ступени ступень, съ пядени шреть локтя, или четверть аршина. Ноготь большого перста у руки и ноги содержишь половину мѣры того состава, въ коемъ онъ находится. Большой членъ большого пальца шаковой длины, каковъ распворенный ротъ, и шолько нижняя губа отъ конца бороды опшпощишь. Меньшій же членъ большого перста равенъ шому, школко отъ верха нижней губы до носа. Большой членъ указательнаго перста шаковъ

ковъ длиненъ, каковъ лобъ въ вышину ; два его крайніе сосава имѣютъ длину носа. Сосавы, большій съ своею щиколдкой средняго пальца достаетъ отъ носа до ямки, что на бородѣ, средній до конца нижней губы, а третій отъ рта до нѣсу. Длина всего перстеневаго пальца есть половина кисти, копорая находится у кореня перстовъ ; цѣлая же кисть имѣетъ длину лица. Сіе же содержишь при равныхъ раздѣленія, а именно : первое отъ начала аба до глазъ, второе до губъ, а третье до бороды. Сколько отъ бороды до груди, такова ширина шеи. Сколькожъ отъ бороды до шѣмя, то содержишь окруженіе шеи, и половину полспины шѣла въ поясъ. Горло отстоитъ отъ бороды на сколько, какъ носъ отъ середины бровей ; и отстояніе носа отъ бороды согласуешь съ длиною кадыка въ горлѣ отъ конца онаго. Ширина глазной ямки съ верха до низу, отъ конца носа по раздѣленію ноз-

дрей до губы, и длина маленькой
 лоцинки между носа и рта имѣюшѣ
 одну мѣру. Также длина рта, вы-
 соца лба, длина носа, ушей, всего
 большого пальца, и мѣсто отъ носа
 до конца бороды равномѣрны. Отъ
 мѣста, гдѣ носъ имѣетъ ямку, до
 наружнаго угла глаза, столькожѣ,
 какъ отъ сего угла до уха. Обѣ
 брови содержатъ окруженіе глаза,
 а половина окруженія уха простран-
 ство рта, длинажѣ нижней части
 носа, гдѣ ноздри, длину глаза. Сре-
 дній пунктъ состоитъ отъ верши-
 ны головы до бороды шамѣ, гдѣ
 глаза; между вершины головы до
 колѣнѣ въ пунктѣ, между носа и
 грудной кости въ кадыкѣ. Ладонь
 ручная шакова широка, какъ плюсна
 ножная. Сажень, или распросмерныя
 руки составляютъ цѣлую окружность
 плѣа подѣ плечами половину длины
 человѣка. Средній пунктъ на груди
 до вершины головы, также отъ
 лона до колѣнѣ, и отъ колѣна до
 щиколдки ножной, равно ширина
 плечѣ,

плечѣ, то же отъ локтя до конца
средняго пальца, есть мѣра четвер-
той части длины человѣческой. Раз-
стояніе отъ одного соска груднаго
до другаго, отъ сосковъ до рта,
или до пупка имѣющѣ одну мѣру,
и составляютъ седьмую часть длины
человѣческой. Отъ плеча до локтя
есть осьмая часть длины роста, а
ширина груди и окруженіе головы
равно пятая часть онаго. Кишки
въ семь разѣ длиннѣе человѣка. Всѣ
одинакіе члены, какъ по носѣ, ротѣ
и пупокѣ стоятъ въ срединѣ, а
двойные по сторонамъ, но споль
правильно, что они другъ другу
равнолинейны. Размѣръ сей имѣющѣ
свою точность въ людяхъ здоровыхъ
и совершеннаго возраста, а въ мла-
денцахъ, какъ въ неполныхъ шва-
ряхъ, мѣра сія, а особливо въ головѣ,
невѣрна, подобно какъ въ сѣ влажно-
стей и крови въ нездоровомъ шлѣ;
ибо въ здоровомъ и полномъ шлѣ
должно бытъ осьми частямъ крови,
цолы того воды, двѣ части желчи, и

только одна часть черной меланхолической крови. Какъ сіе благоустроенное раздѣленіе есть причина здоровья и живой краски, такъ въ правильномъ расположеніи и надлежащей величинѣ членовъ состоишь красота. Но совершеннѣйшую красоту надлежишь искать въ одной только душѣ, которая съ тѣломъ, подобно какъ планеты нашей сферы между собою, удивительное имѣеишь согласіе. — Но какимъ образомъ искать красоты въ душѣ, сказалъ я, когда мы ее не постигаемъ? — Для чегожъ не утверждаешься на догадкахъ, отвѣчалъ онъ, коими она себя открываетъ? Правда, что всѣ догадки сіи темны; и онъ поговорило произошло столько различныхъ о существѣ души заключеній. Платонъ утверждалъ, что она состоитъ изъ однихъ совокупно звѣняющихъ чиселъ; а Анаксандръ и Аристоксенъ, что она себя самовозбуждающее число. Анаксагоръ и Талесъ Милезскій думали, что она

есть

есть движущійся разумъ, или двигательная сила шѣла, а Алкмеонъ, небесное свойство. Демокришъ полагалъ ее за вещество, изъ однихъ солнечныхъ пылинь состоящее. Діогенъ за чистый воздухъ, Ксенофонъ изъ воды и земли, Парменионъ изъ огня и земли, Емпедоклъ изъ всѣхъ стихій, Эпикуръ изъ огня и духа состоящую вещь, Гиппархъ за силу огненную, и такъ далѣе. Всѣхъ меньше враги Египтяне; ибо признавая свое недоумѣніе, полагали ощупительное, и признавали душу за силу, возбуждающую шѣла. Я же съ моей стороны не могу вамъ больше сказать, что всѣ мы человѣки только ощущаемъ самихъ себя, а знаемъ не больше, что душа есть нѣчто, нежели что она есть въ самомъ дѣлѣ; однако потѣ изъ насъ щасливѣйшій, кто не слишкомъ напрягаетъ свое проицаніе, и лишь щипится дѣйствія души обращать въ свою пользу безъ обиды ближнему.

Та-

Таковъй наспавляющій меня разговоръ былъ причиною , что полько наспуающаа ночь водворяющима мракомъ своимъ принудила меня оспавить сие мѣсто. Вы, Кло-рандъ , довольо имѣли шерпѣнїа, внимая подробноспи , ни мало до дѣла нашего не касающїа: я признаю мою ошибку, что время, опредѣленное моему оправданїю , занялъ шѣмъ , кое не всякому слушашелю можетъ бышь прїяшно , а особливо вамъ , какъ судїа нещаснаго послѣдовавшаго за шѣмъ со мною случая.

Углубленъ въ размышленїа о томъ , что видѣлъ и слышалъ , исходилъ я въ довольствѣ духа изъ сего преогромнаго спроенїа, даже что огорченїе, приключенное поспупкомъ моего друга, подобно какъ бы загладилось въ моей памяти. Но сколь ненадежныи пушь продолжаемъ мы въ печенїи дней нашихъ ! какїе спранные встрѣчаютъ насъ случаи ! каковыа перемѣны ожидаютъ насъ

насѣ съ каждымъ шагомъ ! Спокойная душа почасту за пѣмъ только услаждаешься своею пишиною , чтобъ съ первымъ вдохновеніемъ поглотивъ въ себя ядъ горести. По дорогѣ моей надлежало мнѣ проходить покрышый , изъ однихъ круглыхъ столбовъ состоящій и выводящій на большую улицу ходъ. Вечернее время дѣлало оный довольно темнымъ , такъ что я не могъ примѣнить человѣка , шущъ меня ожидавшаго. Ты ли Гарстонъ? сказалъ онъ мнѣ дрожащимъ полуголосомъ. Я почти не успѣлъ отвѣчать ему , что онъ не ошибся , какъ почувствовалъ себя раненымъ въ лѣвую руку. Что за злодѣйство ! вскричалъ я отскоча и обнажа мою шпагу ; но противника моего рука не дала мнѣ болѣе говорить ; ибо провождаемые ею новые удары опкрѣлись мнѣ зазвѣнѣвшимъ о мою шпагу его оружіемъ. Изумленный ужасомъ началъ я защищать себя , но въ разсужденіи шемношы съ шакомъ

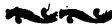

кою ненадежностію, какова полько
 можешъ бытъ въ подобномъ случаѣ
 ошъ слѣпаго махающаго изъ спо-
 роны въ спорону палкою. Однако
 довольно былъ я злополученъ! за-
 пальчивость моего соперника на-
 шкнула его на мою шпагу, такъ что
 оная до самой рукоятки прошла
 сквозь его. Новое смущеніе! я
 спасъ жизнь мою, но убилъ чело-
 вѣка. Колеблющіяся мысли подали
 мнѣ первое побужденіе оставишь
 сіе опасное и пустое мѣсто; въ
 домъ моемъ счелъ я наилучше
 разсуждашь о шаковомъ неожида-
 момъ приключеніи.

Рана моя не такъ была велика,
 чшобъ принуждала меня призвать
 лѣкаря; слуга мой приложилъ къ
 оной пластырь. Я хотѣлъ было
 ѣхать къ Маркизу, но представыше
 мой ужасъ, когда вбѣжавшій его
 служитель съ блѣднымъ лицомъ
 сказалъ мнѣ: Маркизъ, вашъ другъ,
 заколошъ. Естли вы не поспѣшите,
 шо конечно жива его не заспанете,
 для

для того что онъ истекаетъ кровію,
 и запрещаетъ перевязать свою рану;
 сверхъ того и рана очень опасная,
 ибо онъ проколотъ на вылетъ Нѣтъ
 никого, кто бы подалъ ему помощь,
 пошому что Маркизу еще за часъ
 до вечера послалъ онъ противу воли
 ея въ деревню. — Я воспрепешалъ
 отъ словъ сихъ, а особливо когда
 помыслилъ, что обстоятельство
 сходствуетъ съ происшедшимъ со-
 мною въ день томъ случаемъ. Гдѣ
 и какимъ образомъ умерщвленъ
 другъ мой, спросилъ я съ робостію?
 Послѣ того какъ вышли вы изъ на-
 шего дому, отвѣчалъ слуга, онъ,
 прогнавъ Маркизу въ деревню, взялъ
 свою шпагу, и пошелъ запреща
 всѣмъ за собою послѣдовашь. Мы
 были всѣ въ изумленіи, что онъ
 противу обыкновенія никого за собою
 не взялъ, какъ прибѣжавшій отъ
 надзирателя новаго публичнаго строе-
 нія объявилъ намъ, что господинъ
 нашъ найденъ тамъ заколотъ въ
 покрывомъ ходѣ. Громъ не пора-
 зилъ

зилъ бы жеспочае, какъ вѣспъ сія.
 Чувспва меня оспавили, и я подо-
 бный камню упалъ вѣ кресла. При-
 шедѣ вѣ себя не могъ я произносипъ
 жалобъ; пошому чшо оныя супъ
 конецъ смяшенія, причиняемаго пер-
 выми побужденіями гореспи; а я
 находился вѣ величайшемъ спѣснен-
 ніи мыслей. Топчасъ прѣбхалъ я
 вѣ домъ вашъ. Другъ мой, увидя
 меня, собралъ послѣднія силы по-
 дашь мнѣ свою руку, и выславъ
 всѣхъ своихъ служишелей сказашъ:
 Милордъ! жеспочая спраспъ ревно-
 спи, меня ослѣпившая, потушила
 во мнѣ дружеспво; я покуспся на
 жизнь швою, но небо наказало меня
 за швою невинность. . . . Рука швая,
 многокращно обращенная на мое за-
 щипеніе, караетъ прошиву воли
 швоей мою измѣну. . . . Благодарю
 небо, чшо хопя конецъ мой опкрылъ
 глазамъ моимъ ихъ заблужденіе,
 равно швое чипшосердечіе и невин-
 ность жены моей. . . . Сокройше
 ошъ свѣша памяшь сего бѣдспвен-
 наго

наго происшествія. Мой другъ! тебѣ
 вѣрю я моихъ оставшихъ, и не
 хочу, чтобъ они знали, чьею рукою
 наказано мое бѣшенство. . . Письмо,
 лежащее на столѣ, откроетъ имъ
 по желанію моему случай мой. . . .
 Прости Милордъ. . . я умираю . . .
 учинясь . . . недостойнымъ . . . сво-
 его . . . дружест — На семъ словѣ
 вѣчный мракъ покрылъ глаза шво-
 его родителя. Если проливалъ я
 слезы при каждомъ его словѣ, то
 смерть его открыла цѣлые оныхъ
 испочки. Рыданія и безплодныя
 жалобы были знаками величайшаго
 моего опчаянія. Любезный другъ,
 вопіялъ я! ты прощаешь мнѣ смерть
 свою; ты поручаешь мнѣ своихъ
 оставшихъ: такимъ-то образомъ
 мстишь ты своему убійцѣ? но съ
 какими глазами сіи сироты примутъ
 благодѣянія отъ руки, обогрениой
 швоею кровію? Они должны препе-
 шать отъ одного звука произноси-
 маго моего имени. — Сему подобныя
 слова, внушаемая жалостію, повто-

Часть VIII. И ралъ

рѣяль я, пока обращилъ взоры на
сплоликъ, на коемъ увидѣлъ лежа-
щій лиснокъ съ начертаніемъ руки
моего друга. Я читалъ въ ономъ
слѣдующее:

„ Я умираю, или лучше сказашь
„ принялъ казнь за несправедливый
„ поступокъ противу твоей матици.
„ До самаго конца моего не зналъ я
„ цѣны ея добродѣтелей; теперъ же
„ вижу мою безпушную ревность и
„ ея достоинства; но не смѣю и не-
„ достоинъ просить ея прощенія.
„ Соверши ты сіе, сынъ мой, и ска-
„ жи ей, что я умираю съ истин-
„ нымъ раскаяніемъ о нанесенныхъ
„ ей безпокойствахъ. Не ищи при-
„ чины моей смерти: оная произо-
„ шла отъ собственной руки моей.
„ Будь во всемъ послушенъ другу
„ моему Милорду Гаршону; онъ бу-
„ дешь твоимъ ошцемъ. Сія еси
„ моя воля, и послѣднее приказаніе
„ сыну моему.

Клорандъ. „

Имя

Имя свое отъ спрокъ оставилъ онъ довольно далеко, такъ что огорченіе мое пошчасъ внушило миѣ написать выше его имени почное объясненіе, что моя рука пресѣкла дни его, и чтобъ вы, Маркизъ, опмислили чрезъ по миѣ кончину вашего родишеля; ибо жалоспный случай сей сдѣлалъ миѣ ненависпною жизнь мою. И такъ оподралъ я верхнія спроки до самаго слова: „Послѣд-“, нее приказаніе сыну моему; „ и на пущомъ мѣстѣ между подписаннаго имени написалъ сіе:

„Опмисли смерть нивоего роди-
 „ шеля: пошъ, кого я почиталъ
 „ испиннымъ моимъ другомъ, по
 „ естъ Милордъ Гарспонъ закололъ
 „ меня. „

(Клорандъ.)

Посемъ оставя сіе оподранное отъ письма по прежнему на сполжѣ, пошелъ вонъ, приказавъ служителямъ убрать по надлежащему тѣло вашего родишеля, и увѣдомить не мѣшкавъ

И 2

васъ

васъ и Маркизу, матику вашу. —
 Остановившись, Милордъ, вскричалъ
 вскоча Маркизъ Клорандъ; вы мо-
 жете приводить въ оправданіе ваше
 что только хотите, кромъ того
 письма моего родителя, кое я за-
 всегда при себѣ имѣю, и которое
 не подвержено никакимъ подло-
 гамъ. — Тѣмъ лучше, отвѣчалъ
 Порамиръ; чрезъ оное вы яснѣ
 дня увидите справедливостъ словъ
 моихъ; ибо оподранная ошъ него
 строки сберегъ я при себѣ, какъ
 драгоценный залогъ памяти моего
 друга, равно какъ и предметъ вѣч-
 наго моего сожалѣнія о несчастливомъ
 концѣ его. Послѣ чего изъ запис-
 ной книжки вынулъ онъ оныя, и
 подалъ Клоранду. Сей, приложивъ ихъ
 къ письму тому, которое онъ такъ
 же вынулъ, нашелъ, что мѣста
 краевъ неровно оподранной бумаги
 пришлись точно, какъ сказывалъ
 Порамиръ. Пошомъ узнавъ руку
 Порамирову, и прочеши послѣднее
 завѣщаніе отца своего съ видомъ
 раская-

раскаянія обратился къ Милорду. Теперь вижу я истинну словъ вашихъ, говорилъ онъ; познаю мою ошибку, кошорая каждая ушвердила бы въ помѣ понятіи, съ каковымъ счелъ я васъ за величайшаго моего злодѣя. Но теперь, вышедъ изъ заблужденія, прошу передать забвенію происшедшее, и послѣдую послѣдней волѣ вашего друга, принявъ меня шѣмъ, каковымъ онъ меня вамъ оставилъ. Порамиръ съ пролишемъ слезъ заключилъ его въ свои объятія, а Любимиръ, восхищенный симъ случаемъ, сказалъ: видишь ли теперь, Клорандъ, не шаковъ ли Порамиръ, каковымъ я тебѣ его описывалъ?

Послѣ оказанія съ обѣихъ сторонъ многихъ знаковъ искренности, Порамиръ продолжалъ свою повѣсть. Я пріѣхалъ въ жесточайшемъ смятеніи въ домъ мой. Тѣнь друга моего безпрестанно мечталась мнѣ въ воображеніи, и я съ радостію ожидалъ той минуты, когда остав-

И 3. ленное

ленное письмо внушитъ вамъ лишити
 меня жизни за смерть вашего роди-
 шеля. Наконецъ когда прошли пер-
 выя стремленія горести, я хотя
 жалѣлъ о моемъ другѣ, но могъ
 уже разсуждать здравѣе, что не
 ошолько я виновенъ въ бѣдспвенномъ
 семъ произшествіи, каковымъ пре-
 жде желалъ бытъ себѣ. Не смѣлъ
 я появиться въ вашемъ домѣ, а
 вы чрезъ нѣсколько дней не пока-
 зывались ко мнѣ по моему чаянію.
 Между тѣмъ пронесся слухъ, что
 я убійца Маркизовъ; всѣ тайно о
 томъ переговаривали; а сіе учинило,
 что мѣсто пребыванія моего мнѣ
 опостылѣло, и я принужденъ былъ
 просить Короля о позволеніи мнѣ
 оставитъ его земли. Сей Государь
 хотя ошмѣнно меня жаловалъ, но
 внутренно считалъ виновнымъ въ
 пронесшемся слухѣ, и пошому при-
 мѣшилъ я въ разсужденіи милоспи его
 ко мнѣ перемѣну? Сіе наиболѣе побу-
 дило меня просить моего отпуска, ко-
 торый и получилъ я безъ задержанія.

Не

Не медля собрался я въ путь мой, къ копорому понуждало меня и сіе размышленіе : что подавъ вамъ причину утвердисья въ мысляхъ, что я умысленный убійца вашего родителя, впадалъ я изъ невинности въ настоящее преступленіе ; ибо ешь либъ посреди моего опчаянія и получилъ бы я удовольствіе умереть опъ руки вашей, но самымъ шѣмъ навлекъ бы вамъ грѣхъ убійства челоѵка, въ самомъ дѣлѣ въ преступленіи не бывшаго причиною.

Мѣсто, куда я обратился, была Р * * . Имѣя достапочное о поведеніи моемъ свидѣтельство, принявъ былъ я безъ замедленія въ военную службу, по окончаніи которой купилъ деревни, и не вступаая въ бракъ, даже до сего времени прожилъ въ покоѣ. Кажется, что я навсегда остануся подданнымъ сего государства.

А какъ съ шѣхъ поръ, когда я оставилъ ваше опечество, не имѣлъ ни малаго о васъ, Маркизъ,

И 4

извѣ.

извѣсшя, и удивляюсь, что нашелъ здѣсь васъ прошиву моего чаянїя, но вы сдѣлаете мнѣ особенное удовольствїе объявленїемъ всего того, что случилось съ вами со времени кончины вашего родителя. Почему Клорандъ и началъ.

Приключенїя Маркиза Клоранда.

Не буду я изъяснять вамъ о горести, приключенной мнѣ и мачихѣ моей симъ урономъ. По прошествїи первыхъ оныхъ ударовъ, вся природа моя устремилась прошиву васъ, Милордъ; я не чаялъ избавитъя шоски моей, не принеся васъ въ жертву примиренїя пѣни моего родителя. Безполезно мачиха моя старалась отвращать меня отъ сего намѣренїя, приводя подробности предшешихъ случаевъ, и шщась изъ того вывести подозрѣнїя, кои бы могли оправдать, или извинитъ васъ въ моихъ

моихъ мысляхъ ; я искалъ васъ всюду , но вы оставили уже державу Сегимерову. Досада и мщеніе во мнѣ умножались : я погнался за вами , стараясь открышь ваши слѣды. Два года препровелъ я въ странствованіи по разнымъ государствамъ , и упомясь исканіемъ , возвратился въ свое опечесство. Мачиха моя приняла меня какъ роднаго сына , и увѣдомила о шаковомъ произшествіи въ домъ нашемъ , котораго я не ожидалъ , и которое всякому покажется страннымъ. Она оспалась по кончинѣ родителея моего беременною , и въ опсущствіе мое родила мнѣ сестру. Но сей единый плодъ любви ея съ моимъ родителемъ похищенъ незнаемо кѣмъ послѣ двухъ мѣсяцевъ. Никого не могли обвиняшь въ томъ : кормилица ея увезена была съ нею ; о чемъ возвратясь объявила приставленная въ надзирашельницы къ ней старушка , которую хищники также увезли , и удалясь на нѣскольکو миль , оставили свободну. Я

И 5

огор-

огорченъ былъ шѣмъ до крайности, и не разумѣлъ, къ чему и кому приписать шоль безчеловѣчный поступокъ. Кромѣ васъ не считалъ я никого себѣ непріятелемъ, и предва-ренныя ненавистію къ вамъ мысли моя заключили, что нѣкому опречь васъ произвестъ и сіе насиліе. Сіе воспалило меня вновь мщеніемъ; я рѣшился вновь начать мои поиски.

Порамиръ, слушая сіе, довольно примѣшно улыбнулся; но Клорандъ, не ожидая, чтобъ сія улыбка могла значить кромѣ того, что онъ осуждаетъ его за неправильное о немъ мнѣніе, не уважилъ сего и продолжалъ.

Мачиха моя, не имѣя надежды видѣть когда либо дочь свою, и любя меня съ сестрою моею, рожденною отъ перваго брака ея супруга прямо съ родительскою горячностію, усыновила насъ, и укрѣпила намъ великое свое имѣніе. Убѣжденный шаковою милостию приносилъ я ей кляшвы, что никогда не различилъ она

во

во мнѣ пасынка съ сыномъ , и что почтеніе мое замѣнишь ей уронъ, ея претерпѣнный. Она увѣщевала меня вновь оставишь прошивное небесамъ мое прошиву васъ, Милордъ, мщеніе; но безразсудный жаръ молодости поджигалъ меня, и сіе одно было, въ чемъ не могъ я ей повиноваться. Вруча ей все мое имѣніе, просился я вновь съ моимъ опечесшвомъ, котораго уже не видалъ съ того времени.

Я объѣздилъ почти всю Европу, ни малѣйшаго не получа извѣстія о моемъ мнимомъ непріятелѣ, и скуча на послѣдокъ неудачливостію моего покушенія, оставилъ мщеніе во власъ небесъ. Дворъ Марсингскаго Государя (*) удержалъ меня при себѣ: Дагобертъ, владѣтельный Князь земли сея, прославился толико правосудіемъ своимъ и храбростію, что

(*) Марсингія, такъ называлась древле Шлезія, или Силезія.

я пожелалъ посвящитъ ему свои услуги. Щастіе мое пріобрѣло мнѣ особливую любовь Капумера, сына его и наслѣдника. Война, которую соединенные Алеманы производили прошиву Римлянъ, подаде мнѣ случай утвердитъ мнѣніе о моей неуспрашимости, и избавленіе Капумера въ опасѣйшемъ для жизни его нападеніи, гдѣ я не щадилъ себя, укрѣпило ко мнѣ его и родителея его милость. Я пожалованъ въ чинъ начальника шѣлохранишелей, и вступилъ въ совершенное Марсингское поддаянство. Я писалъ къ мачихѣ моей о моемъ благополучіи, и убѣдилъ оную оставитъ опечесство, обратитъ все недвижимое имѣніе въ наличныя деньги, и раздѣлитъ со мною выгоды моего щастія въ новомъ моемъ опечесствѣ. Она согласилась на сіе, и вскорѣ увидѣлъ я себя въ объятіяхъ моего семейства. Домъ нашъ считался изъ богатѣйшихъ въ странѣ шой; и естлибѣ сестра моя не была малолѣтна, мно-

многіе знатные Марсигцы за честь бы поставили искашь сѣ нами союза. Что до моей мачихи, она, не взирая на свои еще неувядшіе годы, заключила сохранить вѣрность къ праху моего родителя; мысль, огорчить меня новымъ бракомъ, была удалена отъ ней, и я равномерно опасался навлечь ей недовольствіе женою, коя можетъ не похотѣла бы признашь ее, такъ какъ я, вмѣсто своей родительницы. Я наслаждался истиннымъ покойствіемъ, и не думалъ кромѣ о услугахъ Государямъ, являвшимъ мнѣ отеческія щедроты. Но неожиданное происшествіе привело мнѣ во ужасъ пощѣ край, вѣ коемъ уповалъ я окончивъ дни мои, и принудило оставишь оный навсегда.

Во время войны Капумеръ познакомился сѣ Княжною Аделмундою, дочерью Кауцскаго (*) Князя Га-

---

(*) Земля Клуцовъ въ древности простиралась между рѣкъ Эмзы, Везера и до Эльбы.

Ганаша; и знакомство сіе имѣло
свѣдѣніемъ своимъ между ими же-
спочайшую любовь. Выгоды поли-
тическія побудили Дагоберта одоб-
рять сію спрась сына своего, и
вскорѣ бракъ сей положенъ на мѣрѣ.
Уже приближалось время къ совер-
шенію онаго, какъ въ некоторый дворъ,
тайно преданный споронѣ Римлянъ,
предвидя укрѣпленіе спороны соеди-
ненныхъ Алемановъ отъ сего союза,
употребилъ всѣ мѣры къ уничто-
женію онаго. Поже у Алемановъ
неплодіе счищается величайшимъ не-
совершенствомъ, а особливо во осо-
бахъ Государей, какъ въ народѣ,
гдѣ престолъ бываетъ наследствен-
ный, то заключено. Аделмунду
чрезъ ошравы учинишь неспособною
къ чадородію, обнаружишь и под-
твердишь сіе, а самымъ шѣмъ уни-
чожить бракъ, готовый совершился.
Къ произведенію сего въ дѣйство
подкуплена одна Гречанка, находив-
шаяся въ особливо милости у Кня-
жны Аделмунды; а чшобъ скрыть
исмин-

исиннюю злодѣйствующую спорону, подосланному для подкупленія Гречанки Башавцу велѣно вручить ей письмо о томъ отъ имени своего Герцога Карювалда. Все учинено; но Гречанка не осмѣлилась произвести шаковое злодѣйство, и чтобъ не подать вида неблагодарности за полученныя ею великіе подарки отъ мнимаго Карювалда, написала къ нему, что желаніе его исполнено, и что Княжна Кауцская уже больше не въ состояніи умножить родъ Государей Марсингскихъ. Начальникъ сего умысла Князь Адганасперъ, имѣющій нѣкоторое право на престолъ Марсингскій, тайно предавший вышесказанному злодѣйствующему Двору, и находившійся отъ онаго въ особѣ посла при Дворѣ Дагоберновомъ, такъ возгордился успѣхомъ сего намѣренія, что самъ съ собою совѣщивалъ, получа отъ Гречанки письмо оное: полезнѣе ли допустить Кашумера жениться на безплодной супругѣ, и чрезъ то имѣть

имѣшь надежду со временемъ быти
его наслѣдникомъ ; или чрезъ обна-
руженіе сего несовершенства въ Адел-
мундѣ , разбишь бракъ сей , и шѣмъ
разрушишь союзъ между Марсинговъ
и Кауцовъ ? Цѣлую ночь заняшъ
онъ былъ сими размышленіями , и
на послѣдокъ заключилъ , что по-
слѣднее больше принесетъ ему вы-
годъ , нежели сомнительное и издали
представляющееся наслѣдство. На
сей конецъ переговорилъ онъ съ
первымъ вельможею Князя Дагобер-
ша , открывъ оному , что союзникъ
Римлянъ , сильный Король Маровей
Маркоманскій , предлагаетъ чрезъ
него Капумеру дочь свою и един-
ственную наслѣдницу въ супру-
жество. Вельможа возражалъ про-
тиву сего , что сія вещь уже невоз-
можная ; ибо Капумеръ створенъ
на Аделмундѣ , и день брака ихъ
назначенъ ; но Адганастеръ далъ
ему знать , что вѣдаетъ о Адел-
мундѣ тайнство , могущее по уни-
чтожитъ , но что никому онаго не
откроетъ ,

откроетъ, кромѣ самому его Государю, и просилъ дославить себѣ для сего аудіенцію.

Вельможа, приведенный въ сомнѣніе, не осмѣлился прямо съ шѣмъ предстать своему Государю, но счелъ за лучшее объявить о томъ родителъницѣ Кашумеровой, Княгинѣ Гершрудѣ. Сія, возбуждена бывъ любопытствомъ узнать о шоль важномъ шайнствѣ, призвала Адганаспера, который безъ дальнихъ околнностей показалъ ей письмо, писанное Гречанкою къ Баварскому Герцогу. Княгиня столько шѣмъ огорчилась, что не могла ничего отвѣчать Адганасперу, и въ себя бросилась въ комнаты своего супруга. Дагобертъ, прочтя письмо, столько пораженъ былъ симъ открытымъ злодѣйствомъ, что учинился недвижимъ, и долго не могъ выговорить ни одного слова. На послѣдокъ воздохнувъ, произнесъ слѣдующее: возможно ли, чтобъ небо попускало существовать шоль злобнымъ, са-

Часть VIII.

I

мой

мой природѣ насиліе наносящимъ душамъ? и какой адской духъ открылъ человѣкамъ таковыя вредныя таинства? . . . Что начнемъ мы шеперь? слово ли наше нарушимъ, или, сдержавъ оное, пресѣчемъ колѣно нашего рода? — Княгиня, супруга его, не могла ничего ему совѣтовать; но и другое казалось для нее выгодно. Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, и предался сраженію своихъ разсужденій. Сперва невозможнымъ казалось ему повѣришь въ преступленіи Гречанки, которая съ спороны его видѣла многія благодѣянія; онъ подозрѣвалъ Адганастера въ вымыслѣ лжи сея. Но довольно знакомый ему почеркъ руки Гречанкиной разсѣялъ сіи мысли. Онъ не смѣлъ Каріовалду въ точности приписать сего злаго умысла; но вспомня о признакахъ любви его къ Аделмундѣ, отъ ревности и зависти ожидалъ всего ужаснаго. Въ таковыхъ заключеніяхъ призвалъ онъ перваго своего вельможу, и по совѣшу съ онымъ

онимъ послааь онъ нарочнаго къ Князю Ганашу, чшобъ увѣдомишь его о происшедшемъ, ишязать Гречанку, и удостовѣришься въ истиннѣ, или обманѣ.

Между тѣмъ Князь Кашумеръ провѣдалъ стороною, что ешь нѣчто могущее разорвать бракъ его съ Аделмундою. Подозрѣнiе въ семъ умножилось, когда не допустили его въ совѣшъ, кошорый родители его имѣли при опправленiи нарочнаго къ Князю Кауцскому. Онъ возлагалъ все бремя печали своей на мое усердiе, и ожидалъ только достовѣрныхъ извѣспiй, чшобъ рѣшиться на всѣ крайности для удовлетворенiя любви своей.

Посланный предсталъ Князю Ганашу, донесъ ему повелѣнное, и повергъ тѣмъ онаго въ горестъ и несказанный гнѣвъ. Гречанка допрашивана, пышана, и запираеь во всемъ, посреди мученiя умерла. Все сiе опнесено только къ злодѣйскому упрямству ея; ушвержденоь

на письмѣ руки ея, что Аделмунда шочно оправами испорчена, и опредѣлено бракъ оный уничтожишь.

Во время сіе въ Марсингіи вельможа государственный по повелѣнію Дагоберта вошелъ въ комнату его сына. Едва оный появился въ двери, какъ Кашумеръ сказалъ ему: не пресупленіе ли идешь ты объявишь мнѣ, за которое исключенъ я изъ шайнаго совѣта, въ кошоромъ ты предпочтенъ мнѣ, наслѣднику престолоа? Вельможа съ должнымъ подобострастіемъ отвѣщивовалъ: въ семъ была воля вашего родителея; при чемъ оспорожность его больше заслуживаетъ вашу благодарность, нежели неудовольствіе; ибо онъ опасся открытъ вамъ вдругъ ту печальную вѣдомость, кошорая, яко до васъ лежащая, болѣе васъ и пронуть должна. Тогда открылъ онъ ему причины, побуждающія уничтожишь бракъ его съ Аделмундою. Кашумеръ столько пораженъ былъ, удостовѣрясь въ своемъ несчастіи,

щасіи, что не отвѣствуя ни одного слова вельможѣ, удалился отъ него во внутренніе покои. Я призванъ къ нему немедленно, и нашелъ его сѣдаема поскою, такъ что онъ долго меня не примѣшилъ. — За чѣмъ желаюшъ бышь владѣтелями, возопилъ онъ наконецъ воздохнувши, когда имъ не дозволено слѣдовать тѣмъ чувствованіямъ, коими можешъ утѣшашъ себя послѣдній подданный? . . . Нѣшъ! безплодно будущъ спарашъ погасишь возженный судьбою въ сердцѣ моемъ къ Аделмундѣ пламень; и не милосердіе ешъ шо, чтошбъ принуждашъ меня къ тому, безъ чего я жить не могу. Непонятно, чтошбъ праведное небо могло попустишъ злomu чловѣку столь вредительствовашъ добродѣтельнымъ. . . . Все ешо претпствіе основано только на догадкахъ, кои сама Гречанка до послѣдняго издыханія своего отвергала; а въ самомъ дѣйствіи нѣшъ шупъ ничего, какъ только явный умыслъ

враждебной стороны. . . . Но что бы ни было, меня съ моею дражайшею разлучить не могутъ. — Послѣ сего увидѣлъ онъ меня, открылъ мнѣ свое несчастіе, и требовалъ моего совѣта, чѣмъ бы можно опровергнуть заключенное уничтоженіе брака его съ Аделмундою? Государь, ошвѣщавалъ я ему! должность Монарха и его престолопріемниковъ есть та, чтобъ терпѣть всѣ болѣзни, кои полезны ихъ государству. — Оставь должности и взирай только на человѣка; взирай на состояніе моего сердца, Кларандъ, сказалъ онъ мнѣ. . . . Но что распространять! я уже вознамѣрился. Скажи, Маркизъ: имѣешь ли ты сколько любви ко мнѣ, чтобъ презря всѣ опасности, явить мнѣ опытъ твоего дружества врученіемъ письма моего Аделмундѣ? — Онъ обнялъ меня произнося слова сіи, и я не могъ отговориться отъ Государя, коего совершенными мидосъями я пользовался. Письмо изгосовлено,

шовлено, я уѣхалъ тайно съ нѣсколькими вѣрными мнѣ изъ тѣлохранищелей, прибылъ ко Двору Кауцскому, и переодѣвшись нашелъ средство вручить оное письмо Княжю Аделмундѣ.

По отѣздѣ моемъ изъ Марсинги Капумеръ, преодолаваемый своею спраснью, не могъ долѣе вытерпѣвъ убѣжденій съ стороны отца своего, несогласующихся съ его сердцемъ; онъ счелъ вѣрнѣе успѣшь въ сочешаніи своемъ съ возлюбленною своею, когда предупредишь пріѣздомъ своимъ ко Двору Кауцскому гошовимый къ возвѣщенію разрывъ. На сей конецъ взялъ онъ чешыреса отборныхъ всадниковъ, и послѣдуемый оными скрытно пустился въ слѣдъ за мною. Приблизясь къ границамъ Кауцскимъ, оставилъ онъ прочихъ, и въ маломъ числѣ прибылъ почти въ шестъ часъ ко Двору Князя Ганаша, когда я вручилъ письмо Аделмундѣ.

Не успѣвъ почши онъ выговоришь нѣсколькихъ словъ съ Княземъ Кауцскимъ, какъ прибѣжали онаго увѣдомишь, что дочь его впала въ опасный обморокъ. Всѣ вспревожились, и можно догадаться, что всѣхъ больше Кашумеръ; бѣжали въ спальню къ Аделмундѣ, старались привести ее въ чувства, и на послѣдокъ пришла она въ себя. На вопросъ о причинѣ ея болѣзни, подала Княжна Кауцская своему родителю письмо, которое она держала, сжавши крѣпко въ рукѣ своей; Ганашъ прочелъ вслухъ слѣдующее онаго содержаніе: „ Не мысли, Адел-
 „ мунда, что злая Гречанка ша-
 „ ковому божеству, какъ ты, могла
 „ вредъ причинить. Впрочемъ вѣрь
 „ миѣ, что ни клевета, ни государ-
 „ ственныя пользы, ни вся человѣ-
 „ ческая власть не въ состояніи удержать
 „ постояннаго своего Кашу-
 „ мера отъ совершенія съ шобою
 „ брака, составляющаго единственное
 „ щастіе моей жизни, хотя бы чрезъ
 „ , что

„по весь родъ мой испребился. Для
 „того сто кратъ лучше съ честію
 „уничтожисья, нежели съ стыдомъ
 „пріобрѣсть щастіе. „

Капумеръ узналъ, что сіе письмо его было причиною огорченія его возлюбленной; ибо оная догадалась изъ того, что Дворъ Марсингскій спарается, или заключилъ уже уничтожить сочетаніе ея съ Капумеромъ. Сей знакъ нѣжнѣйшаго чувствованія сполько пронулъ Князя Марсингскаго, что онъ въ восхищеніи повергся къ ногамъ Аделмунды, и цѣлуя ея руки, вскричалъ: вѣрь мнѣ, моя дражайшая, что сіе намѣреніе мое не на одной только сей ушверждено бумагъ, но незагладимо начертано въ душѣ моей, и что Капумера вѣчно не разлучашъ съ побою. Аделмунда опвѣщивала на сіе поцѣлуемъ. Князь Ганашъ, видя дочь свою въ неопасности, вышелъ вѣнъ; онъ желалъ переговорить наединѣ съ Капумеромъ. Письмо его, слова и видъ ушвердили

Князя Кауцскаго въ подозрѣнїи, что Дагобертъ не токмо ненамѣренъ утвердить бракъ своего сына, но что и онаго принуждаетъ истребить свою склонность. Онъ не могъ найти причины сего разрыва, кромѣ въ слухѣ о поврежденїи чрезъ оправу здоровья его дочери. Ему невѣроятно казалось, чтобъ Каріовалдъ, какъ Государь извѣстныхъ ему свойствъ, могъ рѣшиться на столь злое намѣреніе; онъ хотѣлъ удосщовѣриться въ томъ отъ него изустно, для чего и послалъ просить его о свиданїи съ собою. Капумеръ съ своей стороны прилагалъ всевозможное стараніе, чтобъ не взирая на всѣ препятствїя, кончить бракъ его съ Аделмундою; но раздраженный несправедливостїю отца его Князь Ганашъ учинилъ ему въ томъ отказъ, и принудилъ выѣхать изъ своего владѣнїя. Несчастный Капумеръ не имѣлъ и того утѣшенїя, чтобъ проститься съ своею возлюбленною; онъ закаялся или погибнуть, или прошиву всѣхъ на-
сильствъ

силѣствѣ соединиться съ дражайшею своею Аделмундою. Мы выѣхали, и скрываясь въ тайныхъ мѣстахъ, ожидали способа, чтобъ похищить Княжну Кауцскую.

Между шѣмъ Герцогъ Каріо-валдъ, провѣдалъ о происшедшемъ на него оклеветаніи, самъ пріѣхалъ ко Двору Князя Ганаша, и чрезъ посланнаго своего велѣлъ оному объявить, что онъ ужаснулся, услышавъ возлагаемое на него клеветною преступленіе; что честь его принуждаетъ смыть съ себя пятно сіе, хотя бы то было съ проливіемъ многой крови. Но понеже онъ не можетъ имѣть лучшаго судіи, какъ самъ Князь Ганашъ, который есть припомъ и оскорбленный, то безъ опасенія передаетъ онъ себя въ его руки; что невинности его не трудно вышпи наружу; ибо онъ никогда не могъ помыслить о столь ужасномъ злодѣяніи, питая на все въкъ свой непреодолимую любовь къ Аделмундѣ, и что она будетъ

за-

защитница и свидѣтель сей его невинности. Всегда желалъ онъ соединить судьбу свою съ прекрасною сею Княжною, и укрѣпить шѣмъ древній союзъ между обѣихъ державъ, но что наследникъ Марсингскій лишилъ его къ тому надежды; нынѣжъ оная его оживляетъ, и съ оправданіемъ своимъ уповаетъ онъ учиниться щастливѣйшимъ человекомъ чрезъ окончаніе брака, къ которому Князь Ганашъ нѣкогда самъ прилагалъ стараніе. Однако что все сіе оправданіе теперь состоитъ только на словахъ, а лично можетъ онъ удостовѣрить Государя Кауцскаго на самомъ дѣлѣ. —

Понеже Князь Ганашъ уже огорченъ былъ Дворомъ Марсингскимъ, то посланный безъ труда выпресилъ у него Герцогу Каріовалду дозволеніе къ свиданію. При ономъ умѣлъ онъ защищать себя съ шаковою ревностію, что Ганашъ призналъ его невиннымъ; а особливо когда по довольномъ разсмотрѣніи письма, которое
ошдане

отдано подосланнымъ къ подкупленію Гречанки для оправленія Аделмунды, яко бы отъ имени Каріовалда, найдено, что подпись руки его вырѣзана была изъ другаго письма, и весьма хитро подклеена въ подложное письмо. Герцогъ Баварскій принявъ съ великимъ дружествомъ, но увѣрялъ, что не прежде успокоится, пока откроешь и покажешь начальника сего умысла.

Въ сіе время Князь Адганастеръ не упускалъ ничего способствующаго къ его намѣреніямъ; онъ довелъ Князя Марсингскаго обѣщаніями къ тому, что союзъ его сына съ дочерью Короля Маркоманскаго положенъ на мѣрѣ. Оный бы не замедлился и совершеніемъ, ежели бы тайный отъѣздъ Князя Капумера не повергъ родителя его въ жестокое смятеніе. Адганастеръ не женьше пораженъ былъ сею нечаянноспію; онъ не сомнѣвался, чтобъ Капумеръ удался въ иное мѣсто, кромѣ ко Двору Князя Кауцскаго,
и

и шамъ спарается о испроверженіи всѣхъ его намѣреній. На сей конецъ отправился онъ поспѣшно въ землю Кауцовъ, и прибывъ къ Гаяшу, умѣлъ его сполько обольстить, что гнѣвъ его на Марсинговъ возшелъ къ величайшей степени. Симъ пользуясь предложилъ онъ посредство Двора, отъ коего особу посла онъ представлялъ, о сочешаніи Аделмунды съ Герцогомъ Каріовалдомъ. Выгоды, происходящія отъ сего брака, умѣлъ онъ изобразить шоль живо предъ Княземъ Гаяшемъ, что оный не могъ отказать дашь въ помъ свое слово. Заключено учинить сіе сочешаніе въ Еренсбергскомъ капищѣ, отправиться туда съ легкимъ прикрытіемъ, и не медля совершить бракъ, а попомъ взять мѣры для отпущенія Марсингамъ нанесенной ими обиды шоль поноснымъ отказомъ. Въ слѣдствіе чего Герцогъ Каріовалдъ и Княжна Аделмунда призваны предъ Князя Кауцскаго, который объявилъ имъ о положенномъ

номъ намѣреніи, и что въ слѣдующее утро надлежитъ отбѣхать въ Еренсбергъ. Трудно изобразить, съ какими прошивными чувствованіями Каріовалдъ и Аделмунда узнали о судьбѣ сей. Для перваго былъ звонъ сей радостишій на свѣтѣ; онъ повергся къ колѣнамъ Князя Кауцскаго, и обѣщаніями оныхъ выражалъ безмѣрную свою благодарность. Для послѣдней же смертный приговоръ былъ бы весьма сноснѣйшій; она не могла произнести ни одного слова, упала въ обморокъ, и опнесена въ свои чертоги.

Князь Кашумеръ довольно имѣлъ труда скрывать себя съ своими воинами опчасти въ земляхъ Кауцскихъ, и на границахъ оныхъ. Между тѣмъ тайно посылаемые отъ насъ привозили извѣстія о производящемъ при Дворѣ Князя Ганаша; и на послѣдокъ узнали мы о несчастномъ случаѣ, что Аделмунда обручена съ Герцогомъ Каріовалдомъ и о прочемъ. Я не могу изобразить, какъ поразило сіе Князя Ка-

Кашумера ; онъ заклеяся опмстити Ганашу и Коріовалду уронъ сей. Но полезиѣе для его сердца было воспрепятствовашъ сему браку , и одумавшись приказалъ онъ миѣ съ большею частію воиновъ слѣдовашъ къ замку Сасенбергскому , находящемуся версахъ въ десяти отъ капища Еренсбергскаго , мимо кошаго Ганашу надлежало съ прочими проѣзжашъ для совершенія бракосочешанія. Миѣ повелѣно захвапити важнѣйшія мѣста на сей дорогѣ , примѣчашъ слѣды сихъ шествующихъ , и дать немедленно извѣстіе о томъ , что я примѣчу , въ замокъ Сасенбургъ , гдѣ Князь Кашумеръ съ своими Марсингцами имѣлъ ожидать сего.

На дорогѣ получилъ Кашумеръ подтвержденіе , что Ганашъ остановился въ одномъ изъ своихъ замковъ , чтобъ дождашся новомѣсячія , имѣющаго воспослѣдовашъ чрезъ пять дней , яко дня , назначеннаго къ сочешанію своей дочери. Кашумеръ обра-
до-

дованъ былъ симъ извѣстіемъ, по-
 тому что оно подавало ему надеж-
 ду, что можешь онъ освободить
 свою возлюбленную Аделмунду изъ
 рукъ ненавистнаго совмѣстника. Онъ
 прибылъ въ Сасенбургъ, отдалъ
 приказъ всѣмъ, способнымъ владѣть
 оружіемъ, быть въ готовности къ
 сраженію, и для лучшей предостро-
 рожности, чтобъ слухъ о его пушѣ
 присутствіи и вооруженіяхъ не ра-
 спространился, приказалъ онъ ни-
 кого не выпускать изъ замка. Въ
 ночи предъ новомѣсячіемъ выступилъ
 онъ съ своими вооруженными къ горѣ,
 на копорой находилось Еренсбергское
 капище. Занявъ выгодное мѣсто-
 положеніе, оставилъ онъ всадни-
 ковъ своихъ, и съ нѣсколькими пѣ-
 шими возшелъ на гору до священ-
 наго источника, чтобъ богу онаго
 принести моленіе о щасливомъ
 успѣхѣ своего намѣренія. Тамъ на-
 шелъ онъ двоихъ бѣлодѣянныхъ
 людей, черплющихъ изъ источника
 воду. На вопросъ Капумеровъ оп-

Часть VIII.

К

вѣщ-

вѣшпвовано, что они жрецы свя-
тилища Еренсбергскаго, и берутъ
воду для великаго празднества и
жертвы. Сіе побудило Кашумера
спросить у нихъ еще, къ какому
празднеству потребна имъ вода оная.
Жрецъ отвѣчалъ, что въ слѣдую-
щую ночь при рожденіи новаго мѣ-
сяца Каріовалдъ, Герцогъ Батавскій,
имѣетъ бытъ сочешанъ бракомъ съ
дочерью Кауцскаго Князя. Слѣд-
ственно я вамъ очень обязанъ, под-
хватилъ Кашумеръ; ибо я шотъ
самый женихъ несравненной Княжны
Аделмунды, и пришелъ совершить
моленіе мое о щасливомъ оконча-
ніи брака моего. Онъ просилъ жреца
предсшпельспвовать за него о семъ
къ безсмертнымъ съ таковымъ уни-
женіемъ, что жрецъ, восхищенный
сею чesпю, выхватилъ изъ за пояса
кропило, омочилъ оное въ священ-
номъ источникѣ, и окропя Кашу-
мера, возгласилъ: о рѣдкая кро-
пость въ Государѣ! о естли бы всѣ
подражали сему богоговѣнію! о хра-
брый

брый ирой, разумный Монархъ, и щасливый женихъ! Подобные себѣ воображаютъ, что когда они на землѣ почитаются за боговъ, то уже непристойно имъ-кажется смиришься предъ безсмертными. Но блаженъ ты; ибо вижу я тебя не шако помышляюща; небеса благословяшъ твои желанія. — Капумеръ благодарилъ старца сего за привѣщствіе, и учиня оному подарокъ, вопрошалъ о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до капища и обрядовъ, бывающихъ въ ономъ при бракосочетаніи. Жрецъ удовольствовалъ его въ помъ слѣдующими словами: на вершинѣ сея высокія горы есть плоскость, гдѣ стоишъ Еренсбергское святилище, называемое по насѣоящему званію гора Герміонова. Но въ послѣдствѣ перепорчено имянованіе сіе, и обращено въ Еренсбергъ, или Гермесбергъ. Римляне несправедливо сказываютъ, будто бы находящійся здѣсь каменный, въ броню одѣянный истуканъ храбраго Гермі-

она есть ихъ Марсѣ, отъ Нѣмцовъ
 обожаемый ; но однако испуканъ сей,
 держащій въ правой рукѣ военное
 знамя и розовый цвѣтъ , а въ лѣвой
 вѣсы и щипъ съ изображеніемъ льва,
 а на груди медвѣдя , есть памяш-
 никъ, воздвигнушій приходившему въ
 страну сію Египетскому Царю Ози-
 риду отъ сына его Марса. А какъ
 около сего испукана въ разныя вре-
 мена года введено въ обыкновеніе
 производить рыцарскія игры и подви-
 ги , то суевѣрные предки взяли слу-
 чай обратишь сіе мѣсто въ святыню.
 Со временемъ оное учинилось славнѣй-
 шимъ мольбищемъ, и пронесся слухъ,
 будто бы Алеманы сію Гермесову
 гору обожаютъ. Особливо должно
 о сей горѣ сказать , что здѣсь со-
 вершаемые браки считаются твер-
 дыми и неразлучными ; на сей ко-
 нецѣ посвящена здѣсь находящаяся
 обширная пещера , въ которой соче-
 тающіеся приносятъ свои кляшвы ,
 и возжигаютъ свои жершвы , послѣ
 того , какъ женщины въ рѣкѣ Ди-
 мелѣ ,

мелѣ, а мущины вѣ испочникѣ, обли-
вающимѣ полуденную спорону горы
сея, учиняшѣ измовеніе. Чрезѣ сіи
воды никто не можешѣ переходитѣ,
кромѣ брачныхѣ и жрецовѣ, при
ономѣ присутствующихѣ.

Кашумерѣ, принеся благодареніе
за сіе извѣстіе, просилѣ жреца,
чшобѣ вѣ слѣдующую ночь, вѣ случаѣ,
если онѣ ошибетѣя дорогою, ока-
зашѣ ему вѣ помѣ помочь, а чри-
помѣ принести за него молишвы.
Понеже онѣ думаетѣ, что вѣ зем-
ныхѣ дѣйствіяхѣ свяшыхѣ людей
предсѣательство болѣе способствуетѣ
нежели собшвенная молишва; и
пошому необходимо надлежитѣ
имѣшѣ друзьями и заступниками
особѣ, благопріятныхѣ безсмертнымѣ.
Жрецѣ обѣщашѣ служитѣ ему по
своей возможности; и какѣ обстоя-
тельство не дозволяло имѣ долѣе
медлитѣ, шо разспались они. Жрецѣ
сѣ священною водою возвратился вѣ
капище, а Кашумеру указашѣ до-
рогу, кошорою могѣ онѣ выѣхашѣ на

пушь, коимъ имѣетъ шествовать невѣста его изъ области Кауцскія. На разсвѣтѣ дня прибылъ онъ въ лѣсъ, гдѣ я съ моими подчиненными ожидалъ шествующихъ Князя Ганаша съ прочими. Большую часть воиновъ оставилъ онъ при себѣ, и занялъ лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги; съ прочимижъ приказалъ мнѣ слѣдовать къ самой горѣ Гермесовой на шопъ конецъ, что когда онъ не повстрѣчается съ Каріовалдомъ, то тамъ бы оный попался мнѣ въ руки. Капумеръ, въ семъ расположеніи находясь, послалъ по дорогѣ встрѣчу развѣдаль, переходъши нѣсколькихъ воиновъ въ крестьянское платье. Къ полудню возвратился одинъ изъ оныхъ, и увѣдомилъ, что Ганашъ съ дочерью своею еще поутру прибыли въ мѣстечко Роденъ. Чрезъ три часа возвратился еще другой, и донесъ, что чрезъ часъ, или два, Герцогъ Каріовалдъ съ двумястами всадниковъ конечно прибудетъ въ лѣсъ сей,

сей. Почему Кашумеръ пригото-
 вился къ сраженію, раздѣля воиновъ
 своихъ на чешыре части, чшобъ со
 всѣхъ сторонъ вдругъ учинишь на-
 паденіе. Всѣмъ дано спрожайшее
 повелѣніе, чшобъ Каріовалдъ уйши
 не могъ. Кашумеру время сіе каза-
 лось годомъ, но оставшій изъ по-
 сланныхъ подзорщиковъ увѣдомилъ
 его, чшо непріятель уже не болѣе,
 какъ въ верстѣ. Оный шествовалъ
 безъ всякаго опасенія отъ нападе-
 нія, и Каріовалдъ былъ по срединѣ
 толпы своихъ спутниковъ. Кашу-
 меръ дожидалъ нападенія отъ по-
 ставленныхъ на дорогѣ встрѣчу;
 вскорѣ услышали шумъ, отъ того
 происшедшій; но Каріовалдъ не во-
 ображалъ, чшобъ шо было непрія-
 тельское, поколь увидѣлъ передо-
 выхъ своихъ въ великомъ смященіи
 гонимыхъ. Въ сіе мгновеніе напали
 Марсинцы съ оставшихся прехъ
 сторонъ, такъ что Кауцы и Ба-
 шавцы почти не имѣли времени
 взяться за оружіе. Каріовалдъ

пустилъ коня своего впередъ, чая, что отсюда происходитъ нападеніе, дабы подкрѣпить своихъ воиновъ. Но нѣкоторые дворяне его, узнавъ Марсингцовъ по одеждѣ и волосамъ, кричали ему, что онъ измѣненъ, и что лучше назадъ спасаешься бѣгствомъ, нежели въ столь маломъ числѣ подвергнуться очевидной гибели. Каріовалдъ поворотился было назадъ, но увидѣлъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены, и крайность принудила его къ оборонѣ. Сія и любовь оупь два главные оселка къ изощренію оружія; Каріовалдъ познавалъ, что нападаетъ на него соперникъ его Кашумеръ, почему началось отчаяннѣйшее сраженіе.

Кашумеръ, учредя по всѣмъ сторонамъ засады, чтобъ никто не могъ уйти, и подавъ позади шествующему Ганашу извѣстія, обрашилъ все стараніе, чтобъ самому сразиться съ Каріовалдомъ, и увидя онаго вскричалъ ему, что онъ Кашумеръ, и сіе судьбою избранное мѣсто для рѣшенія, кто изъ нихъ есть

есть достойнѣйшій женихъ Адел-
 мунды. Вызовъ сей воспалилъ Карі-
 овалда къ храбрости. Почему очи-
 спилъ онъ себѣ мѣсто, прибли-
 жился къ Капумеру, и какъ лѣсъ
 препятшвовалъ имъ сразиться на
 копяхъ, упошребили они къ тому
 мечи. Удары ихъ заслуживали,
 чшобъ цѣлый свѣшъ былъ свидѣ-
 шелемъ ихъ неуспрашимости. Послѣ
 продолжительной битвы переломился
 у Каріовалда мечъ, и Капумеръ
 легко бы могъ испребишь его въ
 наказаніе за похищеніе своей невѣс-
 ты. Но Капумеръ былъ столькожъ
 великодушенъ, какъ и храбръ;
 онъ запретилъ своимъ Марсингамъ
 приближаться къ Каріовалду, и
 остановясь самъ сказалъ ему,
 чшобъ онъ взялъ иное оружіе, и
 что онъ стыдился овладѣшь обез-
 оруженнымъ непріяшелемъ. Каріо-
 валдъ былъ шѣмъ усшыжденъ,
 что оскорбилъ чшловѣка, шоль велико-
 душнаго; но жестокость любви его
 препятшшвовала ему отказашься отъ

К 5

права

права своего на Аделмунду. Но понеже въ совѣтѣ любви и гнѣва нѣшѣ участника, кромѣ производителя въ дѣйство своего желанія, по схватилъ онъ подаваемый ему Башавцомъ мечъ, и выговоря къ Кашумеру: я признаюсь, что ты въ щаспїи и великодушїи меня превосходишь, но я до смерти буду защищать мое преимущество и любовь къ Аделмундѣ; напалъ онъ вновь, какъ левъ, на своего прошивника. Однако былъ и вторично нещасливъ шѣмъ, что ударъ Кашумеровъ скользяшисъ поранилъ коня его въ шею, отъ чего оный вскоча на дыбы, сбросилъ съ себя своего всадника, который, упавъ на пень срубленнаго дерева, вывихнулъ свою правую руку. Лошадь опрокинувшись придавила его, и Кашумеръ приказалъ двоимъ своимъ оруженосцамъ его высвободить, и опведши въ безопасное мѣсто, вправилъ ему руку.

Между шѣмъ сраженіе было жарко, половина Кауцовъ и Башавцевъ

цевъ пала на мѣстѣ, а прочіе были окружены, и сдались военноплѣнными; они опшведены въ густину лѣса. Какъ ни одинъ человекъ изъ нихъ не убѣгъ къ Ганашу, но Кашумеръ, для утѣшенія происшедшаго, приказалъ шѣла съ дороги посласкаться, и пятидесяти Марсингцамъ одѣвшись въ плащѣ побитыхъ Кауцовъ и Батавцевъ, дабы Князь Ганашъ безъ всякаго подозрѣнія привезъ дочь свою въ капище горы Гермесовой; и съ своими переодѣтыми воинами шуда отправился. Уже смерклося, какъ прибылъ онъ къ горѣ; я едва не ошибся и не учинилъ на него нападенія; но узнавъ о происшедшемъ, получилъ повелѣніе опшвести воиновъ въ закрытое мѣсто, чтобъ оставивъ свободный путь Ганашу, и не подавъ ему подозрѣнія, естли бы увидѣлъ онъ вооруженныхъ Марсингцевъ.

Кашумеръ съ переодѣтыми повстрѣчался съ двумя жрецами, высланными ему на встрѣчу отъ перво-
свѣдѣ-

священника, и бывъ сочтенъ за Карювалда, провожденъ въ священную пещеру. Тамъ принявъ онъ съ великимъ почтеніемъ, и проводилъ время въ разговорахъ, какъ возженіемъ многихъ огней на вершинѣ горы поданъ знакъ о явленіи новаго мѣсяца. Тогда жрецы раздѣли его, и покрывъ нагошу однимъ шолько полошномъ, повели въ испочникъ для омовенія. По проскрапномъ погруженіи жрецы обшерли его, и одѣли въ бѣлыя одежды, и повели босаго обратно въ пещеру посреди возженныхъ свѣчь. Съ неперпѣніемъ ожидали прибытія Аделмунды, а особливо когда оное слишкомъ замедлилось, и отъ посланныхъ къ ней на встрѣчу жрецовъ никакого не было извѣстія. Верховный жрецъ послалъ освѣдомиться о причинѣ шаковой медленности; ибо знали уже, что Аделмунда прибыла на брегъ рѣки Димеля. Посланный увѣдомилъ, что Княжна едва не утонула, естли бы жрецы не спасли ее,

и

и не выпасили изъ рѣки силою; но что она опдохнувши пропивится ипши добровольно въ святилище, и лучше желаетъ умереть, нежели достаться въ руки Каріовалду. Верховный жрецъ съ прискорбіемъ открылся мнимому Герцогу Бапавскому, что законы святилища не могутъ ни малѣйшаго дѣлать въ семъ принужденія. Капумеръ отвѣтствовалъ, что его расположенія весьма согласны съ уставами сего божественнаго мѣста; ибо онъ лучше дастъ кляпву никогда не вступать въ супружество, нежели жениться насиліемъ; для того что не есть уже чистосердечная по любви, кто требуетъ отъ своей возлюбленной того, что ей противно. Онъ просилъ первосвященника, чтобъ только уговорить Аделмунду прийти въ святилище съ шѣмъ обѣщаніемъ, что ей ни малаго не окажется принужденія, когда она предъ олтаремъ опречется отъ сего брака. Соглашенось, и шаковымъ кляп-

кляшвеннымъ увѣреніемъ чрезмѣрно обрадованная Аделмунда пришла въ священную пещеру, освѣщаемую горящимъ на жертвенникѣ огнемъ. Кашумеръ вышелъ къ ней съ другой стороны пропиву лица, дабы она лучше его разсмотрѣть могла, взялъ ее за руку, и подведши къ жертвеннику, говорилъ: прекраснѣйшая Аделмунда! въ самомъ ли дѣлѣ оказываете вы сіе отвращеніе къ тому, въ коего сердцѣ пылаетъ къ вамъ жесочайшій пламень, нежели сей священный огонь? Если вы сомнѣваетесь въ семъ, по разсмотри лице мое. Глаза мои удобнѣе словъ выразятъ шебѣ шайны души моей. Печальная Аделмунда спояла пошупивши свои взоры, но голосъ и послѣднія слова Кашумеровы принудили ее бросить на него взоръ, и найши въ немъ сходство съ ея возлюбленнымъ. Однако не могущая постигнуть, какимъ образомъ могъ бы Кашумеръ заступити мѣсто Каріовалда, не вѣрила

ла

ла она глазамъ своимъ, и сочла сіе за мечшу. Почему Капумеръ продолжалъ: не сомнѣвайся, дражайшая, въ шомъ, что ты видишь. Кому уже можешь ты повѣришь, когда къ собспвеннымъ глазамъ своимъ шаковое имѣешь подозрѣніе. Воспривишься ли ты судьбѣ, опредѣлившей ночь сію на ушверженіе благополучія предѣидущихъ дней нашихъ? Естьли путь сей, коимъ я досигъ сюда, кажется тебѣ чуднымъ, не испышай онаго, и вѣрь, что сіе святилище предназначено намъ самимъ небомъ познашь другъ друга совершеннѣе, рукою сего достойнаго священника разрѣшишь всѣ узлы препяшпвій, и чрезъ благословеніе его унишожить молву о Аделмундиномъ неплодспвіи. Княжна Кауцкая не спускала глазъ съ говорившаго шаковымъ образомъ Капумера и не смѣла рѣшиться, чтобъ былъ онъ по самъ, поколь Князь Марсингскій простеръ лѣвую руку, и показалъ имѣющуюся на оной волосяную перевязку,

вязку, кою Аделмунда нѣкогда ему подарила. Тогда вся печаль ея и недовѣрчивость обратилась въ несказанную радость, и языкъ, получившій свое дѣйствіе, произнесъ слѣдующее: я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ признаю великое чудо сего святилища; я уповала, что въ божественныхъ водахъ онаго обще съ моею жизнію угашу я ненавистную любовь ко мнѣ Каріовалда; но теперь чувствую себя вопламененну къ нему чистѣйшимъ огнемъ. Почему подвергаю себя законамъ сочешанія и волѣ жениха моего. Кашумеръ приведенъ былъ словами ея въ шаковое восхищеніе, что не могъ произнести ничего, кромѣ осыпавъ поцѣлуями руку своей возлюбленной. Чудною сею переменною утѣшенный первосвященникъ возопилъ: познайте изъ сего смертные, что Богъ есть правитель сердецъ вашихъ, и не медлите воздать ему должное за любовь вашу. Послѣ сего подвели жрецы къ Кашумеру обмышаго ба-
рана,

рана, а къ Аделмундѣ бѣлаго агнца, копорые, поднявѣ оныхѣ, возложили на жертвенный столѣ. Первосвященникѣ заклалѣ оныхѣ, и окронилѣ сочетавающихся сею кровію; попомѣ вскрылѣ внутреннія и вынулѣ желчь, повергѣ за олшарѣ, въ знакѣ, что супружеству должно быть безѣ огорченій. Разсмотрѣ внутреннія, предвѣспилѣ онѣ благополучіе новобрачнымѣ, и во время, какѣ части жертвенныя горѣли на олшарѣ, Камумерѣ и Аделмунда, стоящія на колѣнахѣ, приносили молишвы. Послѣ сего связалѣ первосвященникѣ ихѣ сложенные одна въ одну руки священнымѣ поясомѣ, и повелѣлѣ имѣ принести кляшвы о вѣчной вѣрности. По разрѣшеніижѣ пояса, сказалѣ онѣ въ божественномѣ восторгѣ: да цвѣшетѣ родѣ вашѣ дополѣ, поколѣ будетѣ стоять на мѣстѣ своемѣ гора сія! да будетѣ попомство ваше столькожѣ несчислимо, какѣ искры въ семѣ священномѣ огнѣ, и какѣ капли воды въ рѣкѣ

Часть VIII.

А

Днѣ

Димелъ. Тогда жрецы подали знакъ , что все кончилось , и время уже шествовать изъ пещеры. Другіе жрецы, посланные на верьху горы , по тому знаку воспаленіемъ пламениковъ возвѣсшили , что сочешаніе благополучно совершилось. Сстоящіе близъ горы Марсингцы , и на другой сторонѣ Кауцы съ своимъ Княземъ возгласили радостные клики. Ганашъ, находившійся въ свѣшваніи ешъ сопрошивленія своей дочери къ браку съ Каріовалдомъ , пришелъ въ веселіе. Четверо жрецовъ освѣщали новобрачнымъ сходъ съ горы ; и хотя они увѣдомили Кашумера, что тиесъ его для шоржешествованія брака приготоовилъ на берегу рѣки великолѣпные шатры , но Кашумеръ шествовалъ къ своимъ Марсингцамъ , опивѣспвуя жрецамъ , что по обычаямъ его отечества шоржешеству сему надлежитъ происходить въ домъ жениховомъ. Послѣ чего, одаря жрецовъ , свѣлъ съ своею супругою на коней , приказалъ послашь вѣспника къ

къ своимъ оставшимъ въ лѣсу съ повелѣніемъ, чшобъ оныя, освободя Каріовалда съ прочими Башавцами и Кауцами, слѣдовали за нимъ въ замокъ Сасенбергъ. Провождавшихъ же жрецовъ просилъ объявить Князю Ганашу, что Аделмунда по особливому промыслу судьбы соединилась не съ Каріовалдомъ, но съ законнымъ и первымъ своимъ женихомъ Кашумеромъ, наслѣдникомъ Марсингскимъ.

Жрецы принесли вѣсть сію къ Князю Кауцскому, которъ вышелъ изъ себя отъ досады чрезъ шаковое уничтоженіе своихъ намѣреній. Онъ не могъ понять, гдѣ дѣлся Каріовалдъ, и какъ Кашумеръ шоль искусно обманъ совершилъ. Но гнѣвъ его не далъ мѣста разсужденіямъ: онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ съѣсть на коней, и слѣдовать за собою для отбитія изъ рукъ Кашумеровыхъ своей дочери; ибо онъ въ разсужденіи ошибки и яко безъ согласія родительскаго совершившійся бракъ сей считалъ

сталъ недѣйствительнымъ. Однакожъ поискъ его не былъ успѣшенъ, за шѣмъ что Кашумеръ поспѣшилъ удаленіемъ, и шемноша ночная препятствовала погонѣ. На дорогѣ встрѣтилъ Князя Ганаша Посолъ Кашумеровъ, который донесъ ему отъ своего Государя : что онъ не изъ робости удалился отъ лица своего шесня, но изъ почшенія къ священнымъ мѣстамъ горы Гермесовой, дабы не учинишь оныя мѣспомъ. несправедливаго его гоненія. Что справедливостъ его дѣла столь чиста, что онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ въ шомъ отчетѣ дашь можешъ; и ежели Князь Ганашъ позволитъ ему принесть оправданіе свое, то зять его не поопасетъ предъстать къ нему съ шѣмъ. — Князь Кауцскій, не ожидая, чтобъ Кашумеръ снабженъ былъ довольными силами, пришелъ еще въ вящшую досаду, и отвѣчалъ Послу : что онъ прежде всего надѣешся увидѣшь хищника своей дочери, и опмститъ ему шакový подлый разбой. По-

Посолъ по знакомой дорогѣ еще до разсвѣта-возвратился къ своему Государю , и въ самое поже время прибыли остававшіеся для караула плѣнныхъ Каріовалда съ людьми его. Катумеръ , узнавъ о погонѣ за собою своего шестя , поставилъ воиновъ своихъ въ боевой спрой , и дожидался нападенія. На разсвѣтѣ дня увидѣлъ онъ не одного Князя Ганаша , но и Каріовалда , соединившагося съ нимъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. И хотя Князь Кауцскій усмотрѣлъ предъ собою отборныхъ Марсингцовъ , готовыхъ его встрѣпить , и припомъ въ превосходномъ предъ силами его числѣ , но ослѣпляемый своимъ мщеніемъ не раздумалъ бы напасть на оныхъ , ежели бы Каріовалдъ , испытавшій уже оныхъ храбрость , сего ему не отсовѣтовалъ , представя , что лучше спараться прикрыть благороднымъ учиненную ошибку. Почему подѣвхали они подъ видомъ , чтобъ выслушашъ оправданіе Катумерова ;

и Ганашъ пребовалъ, чшобъ для сего выбрано было мѣсто на помѣ же полѣ, которое и назначено на берегу рѣчки, за которою Князь Кауцскій находился. И такъ чрезъ рѣчку начали они разговоръ. Князь Ганашъ не могъ удержаться, чшобъ въ рѣчахъ своихъ не называть Кашумера хищникомъ своей дочери, осквернителемъ свящилища, и пребовать выдачи Аделмунды, какъ презрительницы родительской воли. Кашумеръ съ своей стороны, помня, что говоритъ съ отцомъ своей возлюбленной, ошвѣшшвовалъ ему съ великимъ почтеніемъ: что самъ Князь Ганашъ признается въ шомъ, что дочь его отъ него самаго и по доброй его волѣ обручена за него, прежде нежели за Каріовалда. Что хотя родитель его, Князь Дагобертъ, усумнился было совершить бракъ сей, но что сомнѣніе его было безъ основанія, и со всѣмъ шѣмъ не могъ онъ удержать своего сына отъ освобожденія отъ несправедливаго

диваго обвиненія своею возлюбленною Аделмундою. Сверхъ того хотя бы можно обвинять въ чемъ нибудь его родителю, но онъ въ томъ не причиною, и никогда слову и желаніямъ своимъ не измѣнялъ. Почему ни ему въ вину, ни Аделмундъ въ пресупленіе сего считающъ не должно; ибо они вступили въ бракъ, дозволенный отъ своихъ родителей. Князь возражалъ на сіе согласіемъ, даннымъ отъ Дагоберта на бракъ сына своего съ дочерью Короля Маркоманскаго, чѣмъ обязательство прежде уничтожено; что Катумеръ, состоя подъ властію отца своего, не могъ рѣшиться ни на что безъ его воли. Потомъ укорялъ употребленную при бракосочетаніи хитростью, на которую Аделмундъ безъ пренебреженія чести своей никакъ бы согласиться не долженствовало. Аделмунда старалась оправдать себя въ томъ слѣдующими словами: что ей, какъ подобострастной дочери, хотя ничѣмъ предъ родителями

своимъ извиняшь себя не можно; ибо
всѣ слова ея должны оскорбишь опца
раздраженнаго; но не оправдаешъ
ли ее родительское сердце, что она
вступила въ бракъ съ такимъ чело-
вѣкомъ, къ которому самъ онъ позво-
лилъ питашъ ей любовь, и что лю-
бовь сія сполько ею овладѣла, что
не можно ей было прошивишься судь-
бѣ своей. Капумеръ не щадилъ ни-
чего, чѣмъ уповалъ умилоспивишь
своего шестя; но сей перебилъ слова
его, вскричавъ: оправданіе злыхъ
есть худше преступленія. Первое
можешъ случиться отъ слабости,
а послѣднее происходишь по намѣ-
ренію. Вѣдайте, что примиреніе
мое съ вами учинило бы меня со-
общникомъ вашего порока. Я не
престану мститъ вамъ до самой
моей смерти. Съ словомъ симъ не-
примѣнно напянулъ онъ лукъ свой,
и поразилъ дочь свою въ руку. Серд-
це Капумерово возчувствовало ударъ
сей болѣе, нежели его возлюбленная;
онъ не зналъ что начашъ, ошмстити

ли

ли Ганашу за скорбь сію, или подашь помощь Аделмундѣ. Но любовь воспріяла верьхъ: онѣ бросился на помощь, извлекѣ спрѣлу, и захвапиль рану плашкомѣ, поколь подоспѣлъ врачъ. Между шѣмѣ видѣвшіе сіе Марсингцы не могли удержашься, чтобѣ не опмспипь за свою Государыню, и сѣ великою яростию напали на Кауцовѣ. Каріовалдѣ, видя опасность, и не имѣя возможности владѣть оружіемѣ вывихнушою рукою, а припомѣ уже лишась надежды соединишь сѣ Аделмундою, за лучшее счелѣ удалишь сѣ своими воинами. Князь Ганашѣ хопя вступилѣ вѣ сраженіе, и оборонялся какѣ левѣ, но что бы онѣ возмогѣ прошиву множества, и припомѣ храбрыхѣ Марсингцовѣ, ешьли бы Аделмунда, увидя кровопролитную битву сію, не прибѣгла вѣ шомѣ на помощь убѣжденіями и слезами своими. Капумерѣ не могѣ прошивишь сему, и оставя свою дражайшую супругу подѣ охраненію

ніемъ своихъ шлохранишелей, поскакалъ для прекращенія сраженія. На дорогѣ встрѣлся съ нимъ посланный отъ меня съ донесеніемъ, что Кауцы пришѣсны со воѣхъ споронъ, но за шѣмъ только упорствуюшъ положишь оружіе, что не хощашъ оставишь на мѣспѣ сраженія шло своего Государя. Кашумеръ оцѣпенѣлъ отъ вѣспи сей, усугубилъ поспѣшность коня своего, и приближась кричалъ, чтобъ ни одинъ Марсингецъ подъ смертною казнью не нападалъ на Кауцовъ, и удалился бы отъ мѣспа сраженія на выспрѣлъ лука. Сіе воспослѣдовало безъ всякой опасности, пошому что Кауцы находились уже въ крайнемъ безсиліи. Кашумеръ и я бросились искашь Князя Кауцскаго и выпацили онаго изъ подъ кучи мертвыхъ шѣлъ; онъ былъ израненъ, но еще живъ. Кашумеръ оправдалъ себя, что сраженіе началось безъ его воли, и повелѣлъ всѣмъ раненымъ Кауцамъ оказашъ всевозможную

ную помощь и услуги. Между тѣмъ призванный отъ Аделмунды врачъ нашелъ раны Гамашевы неопасными, и перевязалъ оныя.

Въ сіе мгновеніе Аделмунда, до которыя дошелъ слухъ о смерти ея родителя, въ жалоснѣйшемъ состояніи присѣла къ мѣсту, гдѣ оный лежалъ, бросилась къ колѣнамъ его, сорвала перевязку съ своей раны, и проливая слезы, хотѣла умереть вмѣстѣ съ своимъ родителемъ. Опчаяніе ея мѣшало ей примѣшнть, что онъ живъ. Всѣ утѣшенія, которыя старались подавать ей Кашумеръ и подданные опца ея лишь усугубляли скорбь ея. Но жалосное состояніе сіе пронуло Кауцскаго Князя; онъ, убѣжденный соспраданіемъ и опчаяніемъ своей дочери, возчувствовалъ родительскую горячность, ушушилъ свою ненависть, простилъ ея пресшупленіе, и примирясь съ своимъ зятемъ, осыпалъ оныхъ поцѣлуями и благословеніями. Кашумеръ съ своею супру-

супругою проводили его, несомого на носилкахъ, въ ближній замокъ, гдѣ онъ вскорѣ изцѣлился, и присушествовалъ на торжествѣ брачномъ. Таковымъ образомъ прекращены опаснѣйшія несогласія, и уничтожены происки враждующаго Двора и хищросши Адганасшеровы.

Послѣ сего отправленъ былъ я отъ Капумера въ Марсингію съ повелѣніемъ донести въпервыхъ его родительницѣ о чудномъ случаѣ, каковымъ достигъ онъ своего щаслія; а потомъ подъ руководствомъ ея и его родителю, и шѣмъ исходатайствовать прощеніе въ шайной его оплукѣ, и дозволеніе къ возвращенію съ своею супругою. Я прибылъ ко Двору Марсингскому, и донесъ Княгинѣ, родительницѣ Капумеровой, повелѣніе. Государыня сія, весьма соприщивлявшаяся проискамъ Адганасшеровымъ, чрезвычайно обрадовалась неожиданному брака сего совершенію; но въдая, сколько льстилъ себя супругѣ ея, Князь Дагобертъ, союзомъ

зомъ, предлагаемымъ чрезъ Адгана-
 шера съ Королемъ Маркоманскимъ,
 не совѣшвала мнѣ появляясь къ
 моему Государю, и приказала жить
 тайно, поколь избереть она случай
 опкрыть ему вѣдомъ, и привесть
 стараніемъ своимъ его къ полезнѣй-
 шимъ для Кашумера расположеніямъ.
 Я слѣдовалъ сему повелѣнію, и
 щилъ скрыть мой прїѣздъ. Но
 Князь Дагобертъ въ томъ же день
 узналъ о женидѣбѣ своего сына чрезъ
 письмо Адганасперово, и наполнился
 великимъ гнѣвомъ. Онъ свѣдалъ
 припомъ чрезъ тайныхъ моихъ не-
 пріятелей, что я возвратился, и
 былъ спутникомъ и участникомъ въ
 дѣлахъ сына его. Почему неме-
 дленно приказалъ онъ меня взять
 подъ стражу, и заключить въ ше-
 мницу. Ни родительница Кашуме-
 рова и никто не смѣли въ первыхъ
 движеніяхъ гнѣва Дагобертова за
 меня предстательствовать; и я
 едва успѣлъ сказать одному дворя-
 нину, чтобъ онъ уведомилъ Кашу-
 мера

мера о происшедшемъ со мною, какъ отведенъ и запертъ въ крѣпкую башню.

Гнѣвъ Дагобертовъ не ослабъ въ своемъ продолженіи; онъ ошдалъ приказъ своимъ совѣшникамъ изслѣдовать меня наиспрожайше, вѣдалъ ли я о намѣреніи Кашумеровомъ. Княгиня, супруга его, безплодно старалась отвлечь предшательствомъ своимъ произведеніе суда сего, кошораго опасныя слѣдствія для меня предвидѣла; раздраженіе Дагобертово прошиву Кашумера подвергало меня его мщенію; онъ былъ неумолимъ, и я въ назначенный день долженствовалъ предстать предъ судъ. Меня спрашивали, былъ ли я при бракосочетаніи Кашумеровомъ; вѣдалъ ли я о намѣреніи его жениться на Аделмундѣ, и помоществовалъ ли къ произведенію того въ дѣйство. Я признался чистосердечно въ шомъ, приводя въ оправданіе мое, что сіе сочетаніе считалъ я не шокмо должностію Кашумеро-

меровою., но и взиралъ на оное, какъ на благополучіе государства Марсингскаго. Почему совѣтовалъ и вспомоществовалъ Кашумеру къ совершенію его брака съ Аделмундою. Небо вспомоществовало въ помѣ свыше моего ожиданія; почему я не шокмо о семъ не раскаяваюсь, но и считаю дѣло сіе благороднѣйшимъ въ числѣ услугъ моему Государю.

Судіи ужаснулись отъ таковаго моего признанія; ибо предвидѣли, что Князь Дагобертъ сочтетъ оное за дерзкое пренебреженіе, и пове-
лилъ казнить меня. Хотя они пред-
сташельствовали за меня подъ руко-
водствомъ Княгини, супруги Дагобер-
товой, вмѣняя проступокъ мой въ
единое усердіе; но не могли умяг-
чить его сердца, ни воспрепятство-
вать, чтобъ нѣсколько дней не под-
писалъ онъ опредѣленія объ ошѣ-
ченіи мнѣ головы. Возвѣсмили мнѣ
смерть мою съ всеобщимъ сожалѣ-
ніемъ дворянства и народа. Ибо
извѣстно, что оный невинно гонимыхъ
сво-

своимъ Государемъ признаетъ за ближнихъ своихъ родствениковъ.

Въ самый шопъ день пришло отъ Кашумера письмо къ его родителю, коимъ онъ въ яувствительныхъ выраженіяхъ извинялъ бракъ свой, и ушверждалъ, что любовь есть сильнѣе всѣхъ должностей, и что браки суть больше дѣйствіе судьбы, нежели свободной воли; слѣдственно погрѣшности въ оныхъ дѣло необходимости. Въ доказательство чему узнаетъ онъ важныя причины отъ его родительницы. На послѣдокъ прилагалъ онъ убѣдительнѣйшія прозбы за меня въ разсужденіи того, что я получилъ отъ него повелѣніе къ отъѣзду, не вѣдая о его намѣреніяхъ. Князь Дагобертъ получилъ письмо сіе въ присутствіи своей супруги, которой при томъ подано было таковоежъ отъ Аделмунды; и между тѣмъ, какъ она сіе читала, Дагобертъ сказалъ: безумно на судьбу возлагать свои погрѣшности; и еще глупѣе, когда преступ-

ступникъ свидѣшельствомъ своимъ
 и предшательствомъ ищешъ испро-
 сить прощеніе своему сообщнику. Ме-
 жду тѣмъ Княгиня при чтеніи письма
 Аделмундина не могла скрыть свою
 радость, которая оказывалась въ
 лицѣ ея, прежде нежели произнесла
 она слѣдующія слова: благодареніе
 Всевышнему, заградившему уста всѣмъ
 оклеветаніямъ, разрушившему пе-
 чаль нашу, и всѣмъ Марсингамъ
 день сей учинившему торжествен-
 нымъ и радостнымъ! Дагобертъ не
 понималъ, почему бы сіе приключе-
 ніе обѣщало нѣчто хорошее, и что
 находившейся дополъ въ печали су-
 пругъ его приключило такое весе-
 ліе. Но Княгиня вывела его изъ
 сомнѣнія, показавъ ему письмо ошъ
 своей невѣстки слѣдующаго содера-
 нія: „Какъ вамъ извѣсна уже
 „удивленія достойная повѣсть про-
 „изшедшаго со мною и съ сыномъ
 „вашимъ, то не думаю, чшобъ кто
 „усумнился, чшобъ дѣйствіе сіе
 „не управлялось промысломъ Всевы-
Часть VIII. М „шняго,

„ шняго , который испоргъ меня изъ
 „ челюстей смерти , и какъ бы на-
 „ сильно предалъ въ объятія моего
 „ супруга. Небо оказываешъ очевид-
 „ ное одобреніе сему браку , когда я
 „ пропиву всѣхъ оклеветаній нахо-
 „ жусь беременна , и попому из-
 „ брана къ размноженію свѣшлѣй-
 „ шаго Марсингскаго Дома. „ Даго-
 „ бергъ столько прогнѣвъ былъ сею
 „ радостною вѣстію , что не могъ удерж-
 „ жаться отъ слезъ. Княгиня , супруга
 „ его , умѣла воспользовашся симъ об-
 „ стоятельствомъ , и довела Дагоберта ,
 „ что оный обнарудовалъ бракъ сына
 „ своего съ Княжною Кауцскою закон-
 „ нымъ , просилъ Камумера , и воз-
 „ вращилъ ему всю прежнюю горя-
 „ чность. Княгиня ожидала , что и
 „ миѣ при семъ случаѣ возвращена
 „ будетъ прежняя милость и вольность ;
 „ но на другой день свѣдала , что
 „ Дагобертъ повелѣлъ совершить казнь
 „ мою. Хотя она не щадила прозѣвъ ,
 „ но Князь былъ неумолимъ , отвѣш-
 „ сшудя ей , что доброе сздѣшвіе ху-
 „ даго

Даго дѣла ни мало не оправдаешѣ
преступленія подданнаго. Предста-
тельствва вельможѣ также не успѣ-
вали можешѣ бышѣ по тому, что
Дагобертѣ таковымѣ прощеніемѣ
чаялѣ навлечѣ на себя молву, что
онѣ пошоропилсѣ приговоромѣ, или
что неуспрашимостѣ мою счишалѣ
оскорбленіемѣ своего величествѣ. Въ
назначенный день выведенѣ я на
мѣсто казни, которое для пред-
упрежденія оказывавшагосѣ уже мя-
шежа ошѣ народа окружено было
всѣми его шѣлохранишелями. Во всемѣ
множествѣ зрителей не было ни одно-
го, кошерой бы не проливалѣ слезѣ,
и не проклиналѣ Адганаспера, какѣ
причинишеля казни неповинному. Мно-
гіе не успрашились выхваляшѣ мое
пройство, и дѣло, за которое я уми-
ралѣ, называть полезнѣйшимѣ для
опечесшва. Почему вопіяли, что
причина моеи казни приведена подѣ
ложнымѣ видомѣ, и что Государѣ
имѣешѣ какую нибудѣ прежнюю ко
мнѣ ненавистѣ, кошерую мстишѣ
М ъ шеперьѣ

шеперь. Удивляюсь я тогдашнему моему равнодушію: невинность моя и вѣра подкрѣпили меня взирать на жизнь человѣческую, яко на цѣль безпокойствѣ, и смерть считаешь за врага, коими войду я въ царство покоя и благоденствія; почему спарался я успокоить негодующій народъ, и укорялъ оный за несправедливость предразсужденія о моемъ приговорѣ. Не должно, говорилъ я, справедливость Божіихъ судебъ измѣрять по видимымъ наружностямъ. Ибо судъ небесъ, хотя оный человѣческому разуму непостиженъ, пребываетъ всегда истиненъ, и не долженъ опчешомъ, за что низпосылаетъ онъ на чловѣковъ казни. Спольшкожъ не прилично подданнымъ присвоить себѣ осужденіе на приговоры своихъ Государей; что оныя изрекаютъ, есть всегда справедливо, понеже оныя суть источники законовъ. То, что служитъ къ всеобщему спокойствію, къ укрѣпленію государства, долженствуетъ и невин-

вин-

винный терпѣшь съ радостію, и вмѣ-
 няшь за честь себѣ, когда будетъ
 жертвою примиренія между престола
 и народа. Сію приношу я въ себѣ
 въ пользу храбраго Князя Кашуме-
 ра и всѣхъ Марсингцовъ. Сверхъ
 того, что о судьбѣ моей и въ причины
 сколько соболѣзновашь, въ кошорой
 и въ ничего, кромѣ обыкновеннаго въ
 жизни человѣческой. Родъ кончины мо-
 ей не приключилъ бы никакого смяше-
 нія, естли бы менѣе пользовался я
 милостію моего Государя. Я увѣренъ
 съ стороны моей, что подданный за
 отечество и Государя во всякую
 мину по долженъ отдавать жизнь
 свою; я не однократно подвергалъ
 оную въ войнѣ съ Римлянами; по
 отъ счастья лишь зависѣло, въ
 полѣ ли во время сраженія, или по
 волѣ Государя моего на взрубъ
 кончить мнѣ дни мои. Не родъ
 смерти, но ужасъ, или бодрость вку-
 сить оную, дѣлающъ различіе сты-
 да и чести. Я упѣшаю себя тѣмъ,
 что могъ удостовѣриться, что че-

спный челоѣкъ изъ развалинъ смер-
щи своей возноситъ добрую свою
славу, какъ фениксъ изъ пепла
своего новое бытіе. — Выговоря сіе
легъ я на плаху, и палачъ гошо-
вился уже совершилъ свою должностъ,
какъ Кашумеръ, узнавъ о моей
опасности, посѣшая прибылъ въ
столицу Марсингскую, и прошѣнив-
шись до вѣруба, вскричалъ къ па-
лачу: ты потеряешь голову свою,
если совершилъ ударъ; ибо важ-
ныя причины оный осщановляющъ.
Палачъ, узнавъ въ грозящемъ ему
обнаженнымъ мечемъ Князя Кашу-
мера, осщановился. Начальникъ спра-
жи, на коего возложено было испол-
неніе казни, вѣдая, сколь ревностно
Государь его Дагобертъ онаго же-
лаетъ, и опасаясь за несовершенство
того себѣ гнѣва, кричалъ къ палачу,
чтобъ онъ кончилъ повелѣнное Кня-
земъ Дагобертомъ. Кашумеръ, услы-
шавъ сіе, усщремился на конѣ сво-
емъ на начальника спражи, и про-
зилъ бы онаго мечемъ своимъ, естѣ-
ли

ди бы блязь стоящій Офицеръ не подхвятилъ удара щипомъ своимъ, и совѣшовавъ, чщобъ казнь опложитъ, поколь получишь новое ошъ Государя повелѣніе. Кашумеръ сказаъ спраженачальнику, чщобъ оный донесъ его родишело, что онъ вознамѣрился или доказащъ Клорандову невинность, или вмѣстѣ умереть съ онымъ. Сей жопя обѣявалъ Дагоберту опчаяніе его сына и мяшежъ народа, спекшагося на позорище, ошъ чего легко бунтъ можешъ начашься, коль скоро чернь увидишь себя предводишеля; но Дагобертъ, ничего не уважая, пришель въ великій гнѣвъ, и повелѣлъ не щокмо казнь мою совершишь, но и сына своего взять подъ стражу. Возвращься на мѣсто казни, увидѣлъ сей Князя Кашумера, стоящаго на взрубѣ, и держащаго меня въ своихъ обѣяшяхъ. Онъ обѣявалъ повелѣніе Князя Дагоберта, но Кашумеръ опшѣшествовалъ ему, что коль скоро обѣявлено будешъ Клоранду прощеніе, то онъ

себя и мечь свой положишѣ къ ногамъ своего родителя; но до шѣхъ поръ кто осмѣлился пронуться за Клоранда, того расщерзаетъ онъ собственными руками. Съ словомъ симъ бросилъ онъ на палача шоль страшный взглядъ, что оный бѣжалъ съ взрuba и скрылся.

Соспирданіе Кашумерово ешолько меня пронуло, чю я не жалѣлъ моей жизни, чшобъ шолько могла оная споспѣшествовашъ примиренію его съ родителемъ. Я повертѣся къ ногамъ его, и заклиналъ, чшобъ онъ для меня не навлекалъ на себя гнѣва своего отца. Но Кашумеръ вмѣнялъ въ безчестіе себѣ допустить умереть меня, для шого чю я былъ къ нему усерденъ. Во время сей распри приспѣлъ другой посланный отъ Князя Дагоберта съ нѣсколькими вооруженными, и возвѣспилъ Кашумеру, что онъ по повелѣнію его родителя долженствуешъ взять мечь его, и опвесити подъ спражу. За онымъ слѣдовалъ

па-

палачь, и приближился ко мнѣ. Кашумеръ поспѣшъ обнажилъ мечь свой, и вскричалъ: сей мечь получилъ я отъ моей природы, и хотя долженъ положить оный къ ногамъ отца моего, но никогда не опдамъ въ руки моего подданнаго, поколь останется во мнѣ жизнь моя. Прибывшіе съ Кашумеромъ Кауцы взяли за оружіе, шѣснились къ нему на помощь, спрѣжа оныхъ не допускала, и начала съ ними сраженіе. Множество изъ зришелей также обнажило мечи, а чернь начала вырывать изъ мостовой камни. Дошло бы до великаго кровопролитія, ешьлибъ въ самое оіе время не вскочилъ на взрубъ Башавецъ, который, бросясь на колѣни, просилъ Кашумера и присланнаго отъ Дагоберта, чшобъ они не вступали въ сраженіе и ничего не предпринимали, поколь объявишь онъ Князю Дагоберту важную тайну, всѣмъ симъ смященіямъ конецъ учинишь могущую. Присланный отъ Князя спро-

елѣ у него съ строгимъ видомъ, кто онъ, и какую важность объявишь имѣешь? Сей отвѣчалъ, что онъ Башавецъ, и имѣешь открытъ самому Князю Дагобершу прежде казни Клорандовой шайну, на которой утверждается благоденствіе Двора Марсингскаго.

Присланный и начальникъ шлохранищедей согласились свести меня съ мѣста казни, и заключивъ опять въ темницу, а Башавца предсказавъ къ Дагобершу. Сей недоволенъ былъ отсрочкою моей казни; однако повелѣлъ впустишь предъ себя Башавца. Естли шайнство швое, сказалъ онъ ему, не будешь шаковой важности, какъ ты объявляешь, по дерзость швоя накажется смертію. Свѣтлѣйшій Государь, отвѣчалъ сей ему! естли бы я не вознамѣрился, какъ виновный, умереть вмѣсто невиннаго, я не появился бы, и не призналъ себя казни достойнымъ преступникомъ. Послѣ чего открылъ еный весь заговоръ, который имѣлъ Адгана-

Адганасперъ съ Дворомъ, предан-
 нымъ споронъ Римлянъ; что чрезъ
 разбитіе брака Кашумерова съ Адел-
 мундою искано произвещи вражду
 въ союзныхъ Алеманскихъ Госуда-
 ряхъ; что Король Маркоманскій не
 съ инымъ намъреніемъ предлагалъ
 чрезъ Адганаспера дочь свою въ
 супружество Кашумеру, какъ только
 подъ видомъ, чтобъ Марсингцевъ оп-
 влечь отъ союза Алеманскаго, обра-
 щаясь оныхъ къ споронъ Римлянъ,
 и нѣмъ учинить врагами своему
 ошечеству; что у Коряля Маркоман-
 скаго и дочери никогда не бывало,
 и что онъ Башавецъ подкупленъ
 былъ Адганасперомъ для отправле-
 нія чрезъ Гречанку Княжны Кауц-
 ской, чего однако не воспослѣдовало;
 словомъ, онъ открылъ все, что уже
 обѣяснилось выше сего въ сей повѣ-
 сти, и подтвердилъ слова свои мно-
 гими письмами, какъ Адганаспера,
 такъ Маровея и Сенаторовъ Рим-
 скихъ, кои писаны были какъ къ
 нему,

нему, какъ и бывъ вѣрныи ему для пересылки, у него остались.

Дагобертъ ужаснулся, узнавъ столь злое предпріятіе, дѣйствованное отъ такого человѣка, къ которому имѣлъ совершенную довѣренность. Онъ не зналъ, осудить ли ему Башавца, яко орудіе, послужившее къ причиненію шлокихъ разспройсвѣ, или уважить великодушный его поступокъ, что онъ принесъ жизнь свою въ жершву избавленія невиннаго человѣка отъ казни. Однако, предсшавя чистосердечное и добровольное его признаніе, простилъ его, и только велѣлъ содержать подъ присмотромъ до времени, когда удастся ему, поймавъ Адганастера, отдать подъ судъ Полководцу соединенныхъ Алемановъ. Онъ послалъ ко всѣмъ союзнымъ Дворамъ объявить о семъ откритомъ зломъ умыслѣ, а къ Князю Кауцскому съ извиненіемъ и съ утвержденіемъ брака сына своего и вѣрнаго дружества. Обнародована чрезъ Геролда моя невинность, и я
при

Князь Кашумеръ провожденъ во дворецъ съ великою честию.

Князь Дагобершъ извинялся предомною въ учиненной мнѣ жестокости, и приписывалъ оную необходимости обстоятельствъ, въ кои запушанъ былъ своими злодѣями. Послали торжественную встрѣчу къ супругѣ Кашумеровой; она прибыла при всеобщемъ рукоплесканіи Марсингцевъ, и продолжительныя веселости и празднества были окончаніемъ произшествія, угрожавшаго многимъ Алеманскимъ дворамъ гибелью.

Я не могъ участвовашь въ сихъ радостяхъ; случай мой повергъ меня въ уныніе, кое представило мнѣ предлогъ къ различнымъ размышленіямъ. Дагобершъ, казалось, оказывалъ мнѣ милость только прищворную, а во внутренности его примѣчалъ я кроющуюся ненависть. Сіе представляло мнѣ жизнь придворную опаснымъ мѣстомъ, гдѣ не можно быть увѣрену о своей цѣлости. Я выпросился въ деревню, гдѣ

гдѣ жила въ лѣтнее тогдашнее время матица и сестра моя. Слухъ о моемъ несчастіи повергъ ихъ въ неописанную горестъ, и я нашелъ ихъ подобныхъ швнямъ. Пріездъ мой прекратилъ ихъ свѣтованіе; но смущеніе мое не прекратилось въ нѣдрахъ моего семейства. Мнѣ опостылава спрана, въ которой я со всеми моими заслугами едва избѣгъ позорной смерти, и чаялъ, что оставя оную на всегда, найду я утѣшительное спокойствіе моего духа. Матица моя равновѣрно мнѣ о томъ совѣтовала; и какъ имѣніе мое состояло по большей части въ движимыхъ вещахъ, то продалъ я пожалованную мнѣ опѣ Князя вошчину, и просилъ моего увольненія. Князь Кашумѣръ не щадилъ ничего, чтобъ меня удержать при себѣ; но изслѣдовавъ причины, побуждающія меня освободить Марсингію, болѣе не препятствовалъ; онъ одарилъ меня щедро, и я получилъ увольнительную грамоту.

Слава

Слава о добродѣтеляхъ и Мудрыхъ законахъ Рускаго Великаго Князя привлекла меня въ его державу; я учинился его подданнымъ. Имѣя отвращеніе къ придворной жизни, и чѣшбъ лучше узнать обычай страны, которыя учинился я соопщичемъ, вступилъ я въ военную службу. На наличныя деньги купилъ деревни; и въ сіе время познакомился я съ другомъ моимъ Любимиромъ.

По разлукѣ съ тобою, продолжалъ Кларандъ къ Любимиру, не случилось со мною ничего важнаго, кромѣ что я, скучивъ оборотами моей жизни, пошелъ въ отставку, и наслаждаюсь совершеннымъ удовольствіемъ свободной жизни. Единное мое несчастіе, случившееся здѣсь со мною, естъ уронъ моей мачихи, которая два года назадъ скончалась. Предъ концемъ своимъ впала она въ глубокую задумчивость, швердила безпрестанно имя своей дочери; ей предшавлялось, что

что она жива, и можешь бышь найдешься въ сословіи, неприличномъ ея происхожденію. Скорбь сія навлекла еѣ горячку, прекратившую дни ея. Я потерялъ въ ней вѣроятно свою родительницу; ибо она меня и сестру мою любила съ матернею горячностію, и единственно для меня оставила свое опеченіе.

**Заключеніе повѣсти о Любимирѣ
и Гремисладѣ.**

Клорандъ кончилъ шѣмъ свою повѣсть, испустя тяжкій вздохъ, яко достойную жертву памяти своей добродѣтельной матери. Помирѣ измѣнился въ лицѣ при окончаніи словъ Маркизовыхъ Боги, возопилъ онъ! какими чудными спесями ведете вы судьбы человѣскія! для чего не дали вы намъ хотя малаго проищанія въ предбудущее; сіе служилобы многимъ къ спасенію;
сколькo

сколько бы шѣмъ можно отпра-
 пишь несчастныхъ случаевъ, и об-
 легчишь горести спраждущихъ. —
 Клорандъ и Любимиръ считающъ
 сіи слова слѣдствіемъ возобновив-
 шагося напоминовенія о несчастномъ
 концѣ его друга; они старающа
 его ушѣшишь, они приводятъ Пора-
 миру во оправданіе его добродѣтели.
 Клорандъ усугубляешъ сіи попече-
 нія и вѣжѣйшими объясненіями. Не опла-
 кивай моего родителея, вопіеніе оное,
 имѣя глаза, орошенные слезами; не
 оплакивай его, когда въ тебѣ еще
 я онаго вижу. — Да! опивѣшшвуешъ
 спарецъ, приведенный во умиленіе;
 ты увидишь, сколько сильно послѣд-
 нее завѣщаніе моего друга учинишь
 меня онаго невольникомъ. Но не все
 еще шушь, сынъ мой: посреди
 бѣдствъ моихъ небо послало мнѣ
 таковой залогъ, который подшвер-
 дишь тебѣ, что память друга мо-
 его всегда мнѣ была драгоценна.
 Можешъ быть Любимиръ будетъ
 щасливимъ онаго свидѣтелемъ. —

Часть VIII.   Н   Люби-

Любимиръ! вскричалъ Клорандъ, непонимающей намѣренія словъ Порамировыхъ; да, Любимиръ долженъ быть участникомъ нашей радости и вашего признанія; я хочу соединить судьбу сихъ шрехъ домовъ: я представительствую къ вамъ о семъ; я лишился матери, но нашелъ въ васъ отца; я ушрашилъ одну сестру, но другъ мой Любимиръ замѣнитъ уронъ сей, если вы согласитесь увѣнчать его желанія, соединя его съ возлюбленною имъ вашею дочерью. Мы составимъ одно семейство; я имѣю столько, что можетъ разсѣять предрасудки въ разсужденіи недоспашка сего моего друга. О небо! какое ожиданіе! мы будемъ жить вмѣстѣ, и отецъ мой Порамиръ не откажетъ мнѣ въ первой сей прозвѣ. — Любимиръ, коего душа была во устахъ его друга, повергается къ ногамъ Порамировымъ; онъ не можетъ произнести ни одного слова; но сіе безмолвіе лучше всякаго краснорѣчія изображаетъ его чув-

чувствованія. Другъ его предстательствуетъ съ жаромъ сердца соспрадашельнаго. Пребудешь ли ты жестокъ къ своему избавителю, вопиешь онъ? помедлишь ли ты заплашишь возстановленіемъ жизни того, который спасъ твою съ проливніемъ своей крови? воззри! онъ еще обогрѣнъ ею, и сія убѣждаетъ тебя. — Такъ, Маркизъ, сказалъ Порамиръ, пресѣкши слова его и, поднимая съ чувствительнымъ движеніемъ лежащаго у ногъ его Любимира: я чувствую цѣну благодаренія твоего друга; оспашки дней моихъ будущъ твердишь мнѣ о его одолженіи. Ты и я не можемъ признавать его, какъ за благодарителя; но вѣдаешь ли, что мнѣ не оставлено наградишь его Гремиславою? судьба ея не ошъ меня зависитъ; а впрочемъ бы. — Что вы чрезъ сіе разумѣете? вскричалъ Клорандъ, подхватя вострепешавшаго Любимира. — Въ сей разъ не ожидайте ошъ меня ничего: завтра, еслили дозволитъ рана вашего друга,

я уповаю получишь ваше посѣщеніе. Сказавъ сіе Порамиръ, обнялъ ихъ и удалился, основавъ ихъ въ великомъ недоумѣніи.

Любимиръ не извлекалъ изъ сего ничего полезнаго для своей спрасши. Сомнишельныя слова Порамировы разверзали еще неисцѣлившіяся раны его сердца; и какъ несчастные изъ всего умѣютъ выводить горесшныя для себя чаянія, предался онъ шоскъ своей, и въ себя повергся въ креслы. Другъ его видѣлъ, сколь полезны ему бышь могущъ его утѣшенія; и пошому употреблялъ всѣ средства по-дать ему надежду. Порамиръ еще не лишилъ себя успѣха въ швоихъ желаніяхъ, говорилъ онъ. Слова его еще не сосшавляютъ опказа; судьба Гремиславы не отъ него зависитъ, сказалъ онъ; можетъ бышь разумѣлъ онъ чрезъ сіе, что шы властелинъ надъ оною послѣ оказаннаго ему одолженія. Увѣрься въ семъ; пошому что завтра дозволяетъ онъ шобѣ увидѣться съ швоею возлюб-

любленною. Дозволилъ ли бы онъ се
человѣку, котораго намѣренъ учи-
нить несчастливымъ и разлучить съ
своею дочерью? — Влюбленнаго
легко увѣришь въ томъ, что спра-
спи его подаешь лучъ упованія.
Любимиръ успокоился и пришелъ къ
ушѣшнѣйшимъ размышленіямъ. Кло-
рандъ его оставляетъ и общается
найши Любимира поутру еще въ
поспелъ.

Любимиръ препровождаетъ без-
покойнѣйшую ночь; увидѣвъ дражай-
шую Гремиславу, послѣ шоль долго-
временной разлуки, лишаетъ его
сына. Никогда еще время не текло
такъ медленно: Любимиръ считаетъ
минушы, и въ каждой изъ оныхъ
чаетъ быть годъ. Однако предъ
разсвѣтомъ ушомленные безпокой-
ствомъ и изшекшею кровію его члены
покоряются власти природы; сладкій
сонъ мечтаетъ ему лестиѣйшими
предсавленіями. Онъ переносится
въ чертоги своей любезной, видитъ
ее, цѣлуетъ ея руки, говоритъ съ
нею,

нею, рассказываетъ ей претерпѣнныя мученія; она сообщаетъ ему о своихъ. — Шорохъ идущаго чело-вѣка пресѣкаетъ сіе восхищительное видѣніе; онъ пробуждается и видитъ себя въ объятіяхъ Клоранда. Вставай, другъ мой, сказалъ онъ ему; я сдержалъ мое слово заспать тебя въ постелѣ. Скоро полдни; и засыпаюся ли такъ, когда на разсвѣтѣ можно бы еще увидѣть Гремиславу? Вставай, я говорю, сестры мои пріемлютъ участіе въ швоей болѣзни, и пріѣхали навѣстить тебя. — Какъ! сестры ваши здѣсь? отвѣчалъ Любимиръ, поспѣшая одѣваться. — Да, продолжалъ Маркизъ, онъ здѣсь; и я хочу нака-зать Порамира за оказанныя къ тебѣ суровости, представя тебѣ вы-боръ одной изъ двухъ. Забудь Греми-славу; я отвѣчаю за моего друга, что сестра моя будетъ предпочтена дочери Порамировой. — Можетъ быть, отвѣчалъ Любимиръ важно, естли я преставу бытъ швоимъ

ДРУ-

другомъ ; измѣнникъ называешься
 онымъ былъ бы недостойнъ. — О !
 перестань философствовать , подхва-
 тилъ Клорандъ смѣючись ; я увѣ-
 ренъ , что первый взглядъ перемѣ-
 нишь твои чувствованія . Ты зналъ
 только одну сестру мою ; но не ви-
 далъ еще ту , которую я нашелъ .
 — Ты нашелъ сестру свою , ска-
 залъ Любимиръ смѣючись ; изрядная
 шушка ! поистиннѣ много бы было
 счастья для однихъ супокъ . — Но
 въ самомъ дѣлѣ Любимиръ считалъ ,
 что другъ его не даромъ слишкомъ
 веселъ ; по позднему времени , копо-
 рое онъ проспалъ , чаялъ онъ , что
 Маркизъ видѣлся съ Порамиромъ и
 объявился въ его пользу . Онъ дѣ-
 лалъ ему о томъ множество вопро-
 совъ , и всегда получалъ въ отвѣтъ :
 разсмотри хорошенько сестру мою .

Между тѣмъ Любимиръ одѣлся
 на легкую руку ; Клорандъ ведетъ
 его въ ближнюю комнату . Двѣ дѣ-
 вичи идутъ къ нимъ встрѣчу , и
 въ первой , на которой остановились

его взоры, познаетъ Любимиръ свою возлюбленную Гремиславу. Боги! . . . дражайшая! . . . вскричалъ онъ и съ словомъ симъ очутился у ногъ ея, едва имѣющій упоиженіе чувствъ. Гремислава не имѣла уже причинъ скрывать чувствованія свои предъ своимъ возлюбленнымъ; старанія ея приводятъ въ себя Любимира. Сестра Клорандова присоединилась къ шому, она спрашивала его о состояніи его раны; но Любимиръ вмѣсто отвѣта цѣловалъ руки своей возлюбленной. Онъ не могъ ничего говорить; кажется, что не смѣлъ онъ объясниться, любовь ли, или соболѣзнованіе привело Гремиславу въ домъ его. Маркизь подходитъ вывести друга своего изъ замѣшательства. Ошкандешься ли еще ты, своенравный чловѣкъ, говоритъ онъ ему съ улыбкою, выбраться одну изъ сестръ моихъ, чтобъ она изгнала изъ сердца своего дочь Порамирову? — Ахъ, Маркизь, отвѣтствуетъ сей! престанешь ли ты мучить меня своими шут.

шутками? Я чувствую, что ты воз-
могъ учинишь меня счастливейшимъ
человѣкомъ; но скажи, удостовѣрь
меня, (продолжалъ онъ, схватя руку
прелестной Гремиславы и прижавши
оную къ груди своей) смягчился ли
Порамиръ моими мученіями? позво-
ляетъ ли онъ мнѣ назвать себя
опцемъ моимъ? — Нѣтъ, никогда,
сказалъ Порамиръ, вошедшій при
самомъ семъ словѣ изъ ближняго
покоя; другомъ твоимъ быть онъ
можетъ, но щастіе не опредѣлило
ему быть опцемъ швоей возлю-
бленной. Любимиръ изумленный не
могъ постигнуть, что будетъ зна-
чить сіе явленіе. Онъ устремлялъ
попеременно взоры свои, то на
Порамира, то на свою любезную и
своего друга. Сердце его препешало
во ожиданіи первыхъ словъ, имѣю-
щихъ открыть сіе таинство. Пора-
миръ видя сраженіе чувствъ его,
и для того продолжаетъ: другъ
швой тебя не обманываетъ, судьба
опредѣлила изъ рукъ его получить

тебѣ твою возлюбленную Гремиславу; ибо вѣдай, что она не дочь моя, а самая ша сестра его, которую въ пеленахъ еще похищали злодѣи. — Какъ! она сестра швоя, вскричалъ Любимиръ, бросаю съ обѣщаніями къ Маркизу? ты долженъ возвратишь мнѣ бышіе мое! — Такъ, любезный другъ, ошвѣчалъ Клорандъ; сей щастливый день привелъ меня въ состояніе увѣчать два сердца, другъ для друга рожденныя. . . . Ошкажешься ли теперь предпочесть сестру мою Гремиславѣ? — Трудновѣ было согласишь меня на сіе, сказалъ Любимиръ, естлибъ дочь Порамирова не учинилась сестрою моего друга. Клорандъ не медлилъ подтвердити свои намѣренія: онъ взялъ руки Любимира и Гремиславы и соединилъ оныя въ залогъ сочешанія. Должно прейти въ молчаніи чувствованія и слова, которыя происходили между сими любящими; ибо къ начершанію оныхъ надлежитъ употребити не перо, а сердце,

сердце, которое бы, бывъ наполненно жеспочайшею и безнадежною спрашю, вдругъ увидѣло себя на верьху своего благополучія.

Когда прошли первые восторги, Клорандъ увѣдомилъ своего друга, какимъ образомъ получилъ онъ въ тотъ день неожиданную радость, узнать въ Гремиславъ сестру свою. Онъ проснулся очень рано, и узнавъ, что Любимиръ, проведши безпокойную ночь, предался сну, хотѣлъ стараться о его щасіи и вознамѣрился ѣхать къ Порамиру, чтобъ убѣдить его склониться на сочетаніе Гремиславы съ своимъ другомъ. Не было ему труда сыскать домъ Порамировъ, потому что слуга отъ него присланъ былъ для провожденія. Клорандъ желалъ усугубить услугу Любимиру; онъ хотѣлъ вдругъ узнать о расположеніи Гремиславина сердца въ разсужденіи ея любовника. Къ сему удобнѣйшимъ казалось ему употребить сестру свою; и шакъ пріѣхалъ онъ съ нею къ Порамиру.

По

По первыхъ привѣствіяхъ Кло-рандъ началъ прозѣбы за своего друга, но Порамиръ вмѣсто отвѣща повелѣ его въ спальню Гремиславы. Они нашли большую сестру Маркизову, обнимающихся съ Гремиславою; ибо сила природы и въ невѣдѣніи влекла ихъ другъ къ другу. Маркизь, взглянувъ на Гремиславу, едва нашелся въ силахъ сохранить благопристойность, чтобъ не бросишься къ ней съ обѣщаніями; столько щелѣ онъ достойнымъ выборъ своего друга! Порамиръ споспѣшествовалъ симъ стремленіямъ крови, начавъ къ Гремиславѣ: я пришелъ опечалить тебя и обрадовать, любезная дочь моя, и въ послѣдній разъ называть тебя симъ сладкимъ именемъ. Конечно съ прискорбіемъ узнаешь ты, что не мнѣ ты должна жизнию; но если ли привычка, щипающъ меня опцемъ, должна повергнуть тебя въ огорченіе сею вѣспію, уронъ твой награждаю я возвращеніемъ тебя брату и сестрѣ, коихъ здѣсь ты предѣ собою

собою видишь. — Слова сіи сдѣ-
 лали всѣхъ неподвижными; никто
 не смѣлъ не вѣришь истиннѣ, на ко-
 торую соглашались шайныя привле-
 ченія сихъ родственниковъ. Гремислава,
 считающая все сіе за сновидѣніе,
 устремила взоры свои на Порамира;
 но Клорандъ и сестра его, знавшіе,
 что они имѣли сестру, которая у нихъ
 похищена, не ожидали дальнѣйшихъ
 объясненій: испочники слезъ, испощае-
 мыхъ радостію, полились изъ очей ихъ,
 и Гремислава очутилась въ ихъ объ-
 ятіяхъ. Порамиръ не медлилъ удо-
 стовѣрить ихъ явственнѣе, и повѣс-
 твовалъ Маркизу слѣдующимъ образомъ:
 — Когда несчастный конецъ тво-
 его родительства принудилъ меня изъ
 опечесства твоего удалиться, я воз-
 вратился въ оное шайно для полу-
 ченія немалой суммы денегъ, оста-
 вленныхъ у одного моего пріятеля,
 который при отбѣздѣ моемъ не могъ
 оныхъ мнѣ возвратить, но писалъ,
 что оныя въ готовности въ назна-
 ченномъ

ченномъ ему опѣ меня мѣспѣ, гдѣ сего дожидался. Скрываясь опѣ въ исконѣ твоихъ, Маркизѣ, за лучшѣ считалъ я шествовашъ ночью. Прѣвзжая сднѣ лѣсѣ, увидѣлъ я близъ огня сидящихъ нѣсколькихъ чело-вѣкъ, и прикованную цѣпью къ дере-ву женщину, держащую на рукахъ своихъ младенца. Видѣ сей возбу-дилъ во мнѣ подозрѣнїе; я остано-вился и требовалъ отчета опѣ сихъ незнакомыхъ, какіе они люди, и для чего прикована къ дереву сія женщина; но вмѣсто опѣвѣша уви-дѣлъ ихъ схватившихся за ору-жіе. Я не сомнѣвался болѣе, чшобѣ то не были злодѣи; а особливо когда прикованная женщина начала кричать о помощи, называя оныхъ хищниками дочери одного знатнаго вельможи. Я напалъ на нихъ съ людьми моими; и хошя злодѣи обороня-лись опчаянно, но были отчасти побишы, или принуждены спасаться бѣгствомъ. Освободивъ сію женщину, узналъ я, чшо оная была корми-ца

ца сестры вашей, рожденной по кончинѣ вашего родителя; и что по неизвѣстной ей причинѣ похищена съ пишмицей своею въ ночное время сими злодѣями, которые увезли съ собою и надзирашельницу, прислаленную къ сему дѣляншѣ; но оную, отвезши верстѣ сорокъ, оставили, а кормилицу и дѣтя везли пять дней до сего мѣста, гдѣ я съ ними встрѣлся. Поступокъ злодѣевъ казался мнѣ крайнѣ безчеловѣчнымъ; но не могъ я постигнуть причины, ихъ къ тому побудившей. Мысли мои старались проникнуть въ тайну сію разными догадками; однако не успѣлъ бы я въ томъ, естлибъ одинъ изъ злодѣевъ, коего считалъ я убитымъ, раскаяваясь при послѣднемъ своемъ издыханіи, не объяснился мнѣ. Шайка воровъ, провѣдавъ, что матица ваша расположилась жить въ деревнѣ, и зная, какое великое богатство осталось ей по смерти ея мужа, вознамѣрились обокрасть домъ вашъ. Они пришли съ сею надеждою,

дою , но увидѣли себя обманурыхъ шѣмъ , что въ лѣшнемъ помѣ домѣ ничего не было , кромѣ домовыхъ уборовъ . Мачихи вашей пущѣ не случилось ; ибо оная ночевала тогда у своей сосѣдки , и злодѣи нашли сестру вашу съ кормилицею и мамою ; они пошчасъ рѣшились похищить ихъ , уповая получить за сестрицу хорошій выкупъ , и въ семъ намѣреніи удалялись , дабы безопаснымъ быть ошѣ поисковъ . Я чрезвычайно обрадовался , что нечаянное щастіе послало мнѣ шоль драгоцѣнную добычу ; но въ самое то время приведенъ былъ въ великое недоумѣніе , возвратишь ли мнѣ оную , или удержишь при себѣ , яко драгоцѣнный залогъ памяти моего друга . Сердце мое согласилось съ послѣднимъ ; я имѣлъ великое имѣніе , не былъ тогда женатъ , и заключилъ , воспитавъ ее вмѣсто дочери , учинишь всему богатству моему наслѣдницею . Въ сихъ расположеніяхъ уговорилъ я кормилицу слѣдовать со мною , и пере-

имено-

именовавъ имя сестры вашей Гремиславою, называшь оную мою дочерью. Всѣ считали ее таковою, и до сего времени она не думала, чшсбѣ не я былъ ея родитель. Желая сохранишь обѣщаніе, сѣ самымъ собою положенное, не вступалъ я въ бракъ, и Гремислава наслѣдуетъ все мое имѣніе. Но сколь ни полезныя имѣлъ я въ разсужденіи любви моей къ дочери друга моего намѣренія, но сіе чувствованіе учинило меня преступникомъ: я лишилъ мачиху вашу единочадныя дочери, приключилъ ей неслезанныя горести, которыя повергли ее во гробъ. Вчерашній мой ужасъ, когда я узналъ о семъ изъ вашего, Маркизъ, повѣствованія, есть доводомъ моего раскаянія; оное давно уже меня терзаетъ, и можетъ бытъ долго совѣсть моя не успокоится, хопя я и воображаю, что неумышленное мое зло произошло по особливому расположенію судебъ, кои непонятными намъ спезями ведутъ къ своему намѣренію наши участи.

Часть VIII.

О

.. Я

... Я не преставааь писать въ разныя государства, чтобъ провѣдать о васъ, Маркизъ, и надѣясь когда нибудь открытъ вамъ мои тайны, не смѣаь ни на что рѣшиться въ разсужденіи сестры вашей, сохраняя оную всегда въ правилахъ добродѣтели... Сія-шо причина, любезная Гремислава, продолжалъ Порамиръ, обращаюсь къ ней, учинила меня мучишедемъ своего сердца. Я ожидалъ, что братъ вашъ увидится когда нибудь съ вами, и отдастъ справедливостъ достоинствамъ вашего любовника, одобря вашу страсть къ нему; на что я самъ собою способствовалъ ощущалъ тайное сопротивленіе. Сіе была воля судьбы, желавшей, чтобъ рука брата вашего увѣчала щастіе друга его Любимира. — Послѣ сего радость и слезы усугубились; кормилица Гремиславина еще была жива, и удостовѣрила Клоранда входомъ своимъ еще больше; ибо она была подданная отца его, кошую онъ очень знааь. Скоаь

Сколь ни обрадованъ былъ Маркизъ сею неожиданною находкою, но не забывалъ о своемъ другѣ. Онъ открылъ Гремиславѣ, сколь пріятно для него будетъ споспѣшествовать желаніямъ сердца ея. Она призналась, что не будетъ противиться соединить судьбу свою съ человѣкомъ, коему давно уже клялась вѣчною вѣрностію. Заключено вѣхатъ къ Любимиру, чтобъ нечаяннымъ симъ паденіемъ приключить ему пріятнѣйшіе восторги.

Порамиръ съ стороны своей извинялся предъ Любимиромъ во всѣхъ суровостяхъ, кои нанесъ жестокоствію своихъ отказовъ на требованія его о Гремиславѣ. Не подумай, избавитель мой, говорилъ онъ ему, чтобъ достоинства твои не казались мнѣ достаточными учинить щастіе твоей возлюбленной: я всегда соспрадалъ твоимъ мученіямъ; но не вѣдая о судьбѣ родишельницы и брата твоей Гремиславы, не смѣлъ присвоить себѣ власть на ихъ право.

Что сіе не по иной происходило при-
 чинѣ, ты можешь увѣришься, по-
 тому что я сберегалъ ее для тебя,
 опказывая многимъ знашнымъ лю-
 дямъ, искавшимъ ее въ супружестве;
 чѣмъ и навлекъ себѣ непріятелей.
 Вчерашнее нападеніе на меня, отъ
 коего вы меня защитили, произо-
 шло отъ сего самаго, что меня хо-
 тѣли силою принудить дать мое
 слово на бракъ Гремиславы съ дво-
 ряникомъ Ороншомъ, какъ узналъ
 я нынѣ, что онъ самъ былъ въ
 числѣ моихъ непріятелей, и умеръ
 отъ раны, кою вы ему нанесли, раска-
 яваясь въ подломъ своемъ поступкѣ.
 Любимиръ мало жалѣлъ о томъ, что
 печально лишилъ жизни своего дав-
 наго пріятеля; онъ мщеніе сіе при-
 евоялъ правосудію небесъ, въ раз-
 сужденіи распушной жъзни, каковую
 велъ наконецъ Ороншъ. Онъ убѣ-
 ждалъ Порамира оставить извинен-
 нія, и клялся почищать его вмѣстѣ
 опца.

Все

Все сіе общество переѣхало въ домъ къ Порамиру; оно заключило опныиѣ составишь одно семейство. Сіе исполнено: Клорандѣ и сестры его слѣдовали завѣщанію своего родителя, и Порамирѣ никогда не жалѣлъ, что не имѣлъ дѣшей собственныхъ. Онѣ укрѣпилъ все имѣніе свое Гремиславѣ.

Рана Любиминова скоро излечилась; ласки его возлюбленной и восхищеніе духа послужили оной вмѣсто лучшаго балзама. Онѣ вскорѣ учинился щасливѣйшимѣ, супругомѣ особы, кою любилъ больше своей жизни. Порамирѣ дожилъ еще до удовольствія, лобзати дѣшей, рожденныхъ Любимиру дражайшею его Гремиславою. Чета сія служила въ примѣрѣ супружескаго согласія, и того, что любовь, основанная на добродѣтели, не осмаетса безѣ награжденія. Клорандѣ къ горячности родственной присоединялъ чувствованія истиннаго

дру-

дружества ; а Любимиръ не преста-
валъ твердить, что въ сихъ чув-
ствованіяхъ есть прямое человѣче-
ское блаженство.

Осьмая часть изощла.

AUG 25 1960

